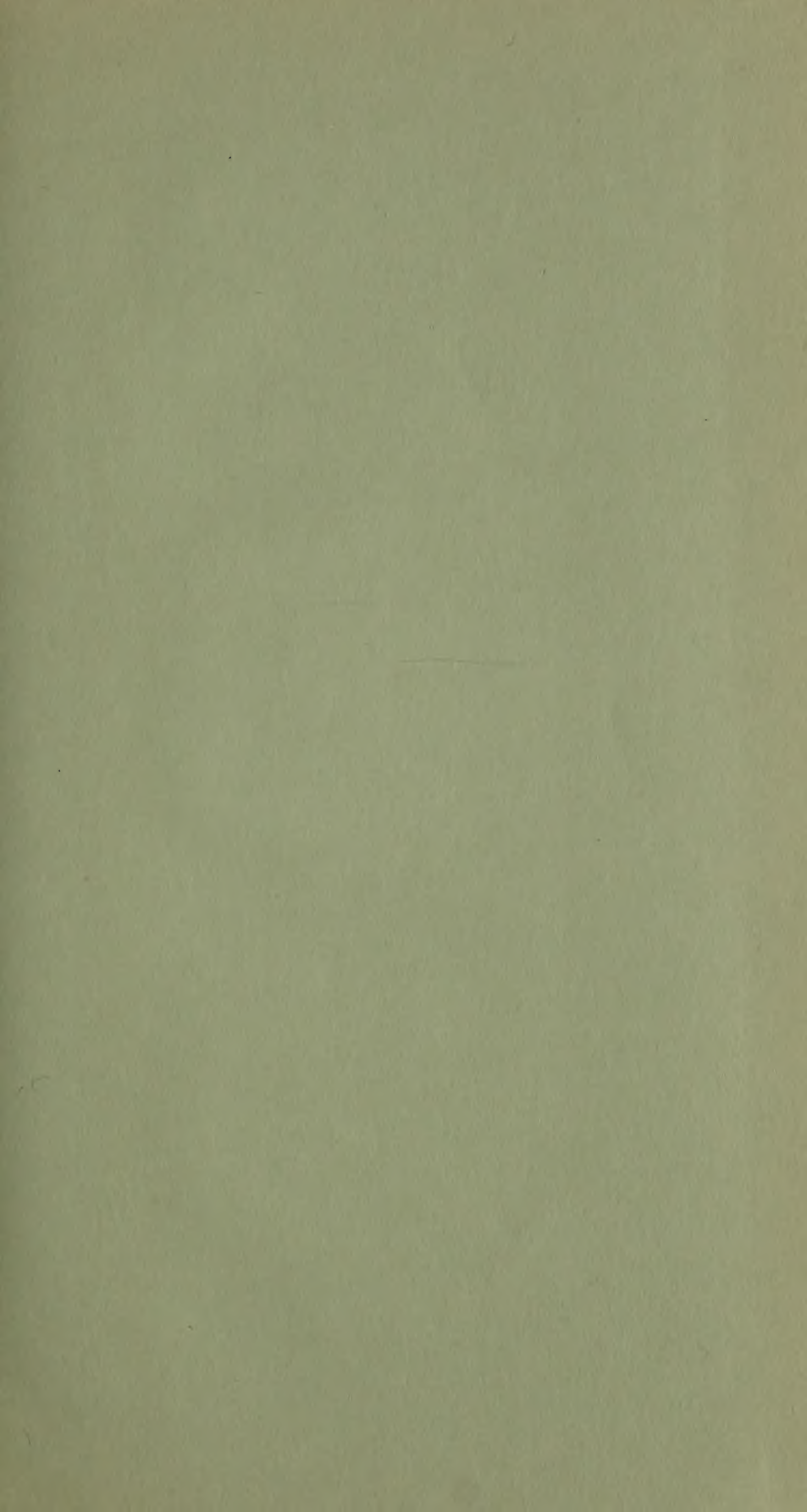
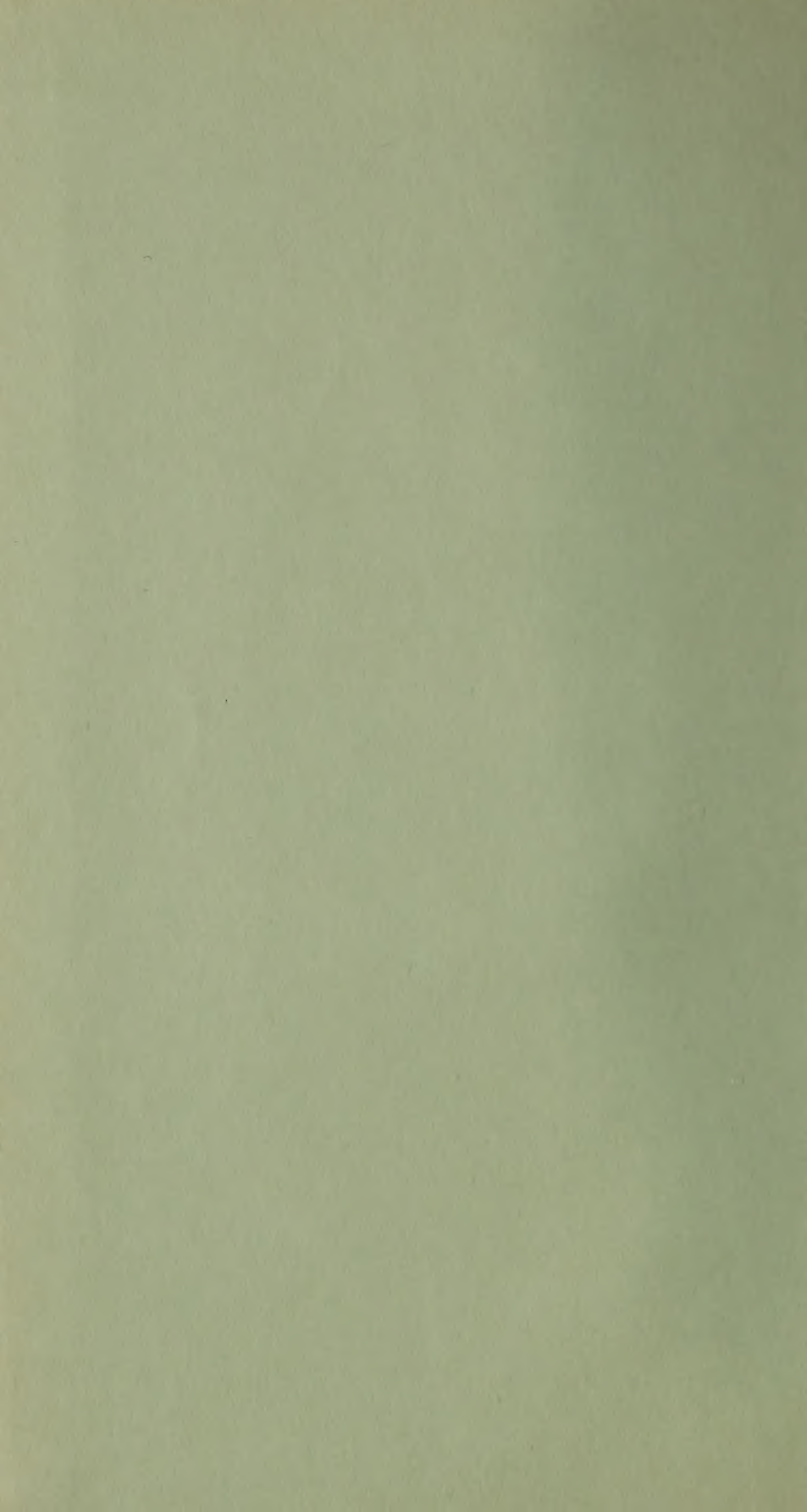

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/materialydliakha121unse

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

ПОЛОЖЕНІЯ РУССКОЙ ПЕЧАТИ

Выпускъ I.

Изданіе „Союза русскихъ соціальдемократовъ“

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ“.
1898

323.445
S683M
v. 1-2

ОГЛАВЛЕНІЕ

I Введеніе. Два періода исторіи русской цензуры въ XIX в. — Цензурное законодательство Александровской эпохи. — Положеніе провинціальной печати послѣ изданія закона 6 апрѣля 1865 года. — Цензура въ послѣдній годъ царствованія Александра II. 1

II. Цензура въ первые мѣсяцы послѣ 1-го Марта . . . 44

III. Цензурные циркуляры съ начала 1882 г. до смерти императора Александра III. 60

VI. Развитіе цензурнаго законодательства въ царствованіе Александра III. Административныя кары, налагавшіяся на періодическія изданія въ 1882—1894 гг. 75

V. Цензура въ царствованіе Николая II. Заключеніе . . 88

Добавленія. 99

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ

Два періода исторіи русской цензуры въ XIX в. — Цензурное законодательство Александровской эпохи. — Положеніе провинціальной печати послѣ изданія закона 6 апрѣла 1865 г. — Цензура въ послѣдній годъ царствованія Александра II.

§ I.

«Наконецъ-то сегодняшній № выходитъ безъ предварительной цензуры. Сегодня, принимаясь за передовую статью, мы знаемъ, что прочтемъ ее въ печати въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее напишемъ; сегодня мы не обязаны сообразоваться со вкусомъ, доблестью и міросозерцаніемъ „господъ, команду на заставахъ и шлагбаумахъ имѣющихъ". Сегодня кошмаръ въ образѣ цензора не станетъ мѣшать нашей работѣ, спирать духъ, давить умъ и задерживать перо, и мы получимъ неслыханное, невиданное право: не лгать, не кривить словомъ, говорить не фистулой, а своимъ собственнымъ природнымъ голосомъ»...

Такими восторженными словами, такими радужными надеждами встрѣтилъ И. С. Аксаковъ въ своей газетѣ „День" цензурную реформу 1865 г. Подобныя же привѣтствія новому закону раздавались и на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей", редактировавшихся страстнымъ поклонникомъ свободы печати, М. Н. Катковымъ, и „Голоса", издававшагося ветераномъ русской журналистики А. А. Краевскимъ, и „С. Петербургскихъ Вѣдомостей" В. Ѳ. Корша, и остальныхъ русскихъ газетъ и журналовъ[1]).

Съ тѣхъ поръ много воды утекло. М. Н. Катковъ изъ страстнаго бойца за свободу печати обратился въ не менѣе страстнаго ея врага, И. С. Аксаковъ окончательно забылъ

[1]) См. Гр. Джаншіевъ „Эпоха великихъ реформъ", 6-ое изданіе. Москва. 1896 г. стр. 349—356.

свой природный голосъ и научился говорить фистулой. Въ то-же время кошмаръ въ образѣ цензора попрежнему сталъ давить умъ, мѣшать работѣ, спирать духъ каждаго писателя. Самъ Аксаковъ какъ будто предвидѣлъ возможность такого поворота, когда говорилъ: „Мы не можемъ, мы не должны не помянуть лихомъ того страшнаго стѣсненія, которому такъ долго подвергалась русская печать. Къ тому же это старое еще вовсе не есть что-либо окончательно отжившее и схороненное: напротивъ того, оно живетъ, обнаруживаетъ и обнаружитъ еще не разъ живучесть своего принципа, хотя и подъ другими формами“[2]).

Въ теченіе XIX-го вѣка, начиная со вступленія на престолъ императора Александра I и до трагической смерти Александра II, русская цензура и вмѣстѣ съ нею русская печать пережили два періода. Въ первый изъ нихъ задача цензуры была не препятствовать литературѣ обсуждать тѣ вопросы, которые считаются изъятыми изъ ея вѣдѣнія, не карать ее за нарушеніе указанныхъ для нея границъ, не оберегать правительственную власть отъ злостной критики со стороны печати, или лучше сказать, не *только* препятствовать, не *только* оберегать, не *только* карать. Ея обязанность была гораздо шире, она должна „принимать мѣры къ правильному и соотвѣтственному видамъ правительства направленію нашей литературы“, она должна была заботиться о томъ, чтобы литература „содѣйствовала развитію нравственности, благочестія и патріотизма въ народѣ“, (именно нравственности, благочестія и патріотизма, какъ ихъ понимали „господа, команду на шлагбаумахъ имѣющіе“). „За то, — какъ гласилъ циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія цензурѣ (1847)—особливой внимательности (съ ея стороны) требуетъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціальнаго, стремленіе, становящееся иногда если не опаснымъ, то, по крайней мѣрѣ, неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть“. Цензура должна была слѣдить за чистотою слога русскихъ писателей. Короче, она должна была, какъ гласила ст. 2 Цензурнаго устава 1804 года, не только „удалить книги и сочиненія, противныя нравственности, но (и это гораздо важнѣе) доставить обществу книги и сочиненія, способствующія къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ“ или, по еще болѣе сильнымъ словамъ Устава

[2]) Ibid.

1826 г., заботиться „о наукахъ и воспитаніи юношества“ и о „направленіи общественнаго мнѣнія согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства“.

Въ виду подобныхъ задачъ цензура запрещала въ этотъ періодъ извѣстную балладу „Замокъ Смальгольмъ“, мотивируя свое рѣшеніе отсутствіемъ въ ней „нравственной и вообще полезной цѣли“ и даже ея темнотой и незанимательностью. Тогда же въ замѣткѣ о дороговизнѣ извощиковъ видѣли „косвенныя укоризны начальству“, опасныя тѣмъ, что „онѣ преданы на общій приговоръ публики; допустивъ же единожды сему начало, говорилось въ предписаніи, данномъ по этому поводу министромъ народнаго просвѣщенія цензурнымъ комитетамъ, послѣ весьма трудно будетъ опредѣлить, на какихъ именно предѣлахъ должна останавливаться такая литературная расправа въ предметахъ общественнаго устройства“[3]).

Казалось бы, что тамъ, гдѣ цензурѣ поставлены подобныя задачи, тамъ нѣтъ мѣста литературѣ. Однако, именно въ этотъ періодъ писались смѣлыя статьи Бѣлинскаго, сатиры Гоголя, первыя произведенія Герцена, впослѣдствіи запрещенныя и до нынѣ частью находящіяся подъ спудомъ. Во всѣхъ нихъ несомнѣнно совершалась „литературная расправа въ предметахъ общественнаго устройства“, расправа, дѣйствительно повелшая къ паденію самихъ основъ тогдашняго общественнаго устройства; тѣмъ не менѣе эти произведенія проскальзывали чрезъ Ковдинское ущелье цензуры. Другими словами, литература съумѣла до нѣкоторой степени приспособиться къ цензурѣ. Въ ней выработался тотъ эзоповъ языкъ, который и по нынѣ служитъ отличительной чертой русской литературы; она научилась говорить между

[3]) Конечно, и въ эпоху императора Николая I въ отношеніяхъ правительства къ литературѣ кое-гдѣ, кое-когда, слабо и робко прорывались нотки, какъ будто дающія право заподозрить, что само правительство считаетъ опеку надъ литературой излишней и готово ограничиться полицейской властью надъ ней. Такъ въ Цензурномъ Уставѣ 1828 года постановлено, что „цензура не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры; не можетъ входить въ сужденіе о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочиненіе, буде только оно не вредно, и не должна исправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію“. Но всѣ подобныя начала парализовались противоположными постановленіями того-же Устава и на практикѣ не имѣли никакого значенія (Скабичевскій, стр. 221 и слѣд.).

строчками и пріучила читателей читать между ними. Существовали и другіе пути къ той-же цѣли. Журналисты иногда приглашали цензоровъ къ себѣ на домъ и за карточнымъ столомъ подсовывали имъ статьи для подписи; имъ случалось дѣйствовать на цензоровъ черезъ ихъ болѣе или менѣе подкупныхъ любимцевъ, иногда чрезъ кухарокъ, умѣвшихъ искуснымъ подборомъ кушаній приводить цензоровъ въ благодушное настроеніе[4]).

Періодъ „крѣпостного состоянія" русской литературы кончился и смѣнился періодомъ состоянія „временно обязаннаго": вотчинный характеръ отношеній правительства къ литературѣ уступилъ мѣсто отношеніямъ чисто полицейскимъ[5]). Правительство признало за печатью самостоятельныя права и обязанности, взглянуло на нее, какъ на силу, въ общемъ полезную, однако, способную уклоняться въ сторону отъ своей прямой задачи и дѣлаться вредною. Только вслѣдствіе „господствующей въ обществѣ болѣзненной чувствительности ко всему печатному, которая не могла бы вынести свободнаго голоса печатнаго слова"[6]), свобода печати признана пока „несвоевременной". Какъ переходная мѣра учреждена предварительная и карательная цензура; вторая была

[4]) Всѣ эти факты заимствованы изъ извѣстной книги А. М. Скабичевскаго „Очерки Исторіи Русской Цензуры". С.-Петербургъ. 1892 г. (стр. 298, 374 и др.). Въ высшей степени интересной книгѣ этой приведено множество чрезвычайно характереныхъ фактовъ, по временамъ вызывающихъ у читателя неудержимый смѣхъ надъ глупостью цензоровъ; но за этимъ видимымъ міру смѣхомъ ясно слышатся „невидимыя міру слезы" почтеннаго автора, даже въ этой самой книгѣ не избѣжавшаго цензурныхъ воздѣйствій. Такъ изъ нея вырѣзаны и перепечатаны по предписанію цензуры стр. 85 — 86, 335 — 348, 407 — 410. Большая часть подвергшихся запрещенію мѣстъ была впрочемъ раньше напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ". На указанныхъ стр. 335—348 была первоначально разсказана исторія дѣла Петрашевскаго, но изъ этого разсказа не уцѣлѣла ни одна строка: только на стр. 335 на него указываетъ случайно сохранившаяся фраза: „мы уже видѣли выше, что слѣдствіе по дѣлу Петрашевскаго раскрыло продажу въ большомъ количествѣ книжными магазинами запрещенныхъ цензурою книгъ". „Выше" мы не видѣли ничего, кромѣ того, что цензура и въ 1892 г. не желаетъ дозволить ни одного слова о страшномъ актѣ беззаконія и насилія, совершенномъ правительствомъ въ 1848 г. Въ 1883 г. она была нѣсколько снисходительнѣе: все вырѣзанное изъ книги мѣсто было свободно пропущено въ „Отечественныхъ Запискахъ" (№ 11 стр. 45—56).

[5]) Эта терминологія принадлежитъ профессору И. Я. Фойницкому въ статьѣ: „Моменты исторіи законодательства печати", помѣщенной въ Сборникѣ Государственныхъ Знаній, т. II СПБ. 1875 г. стр. 336, 396—399 и др.

[6]) Выраженіе Всеподданнѣйшаго Доклада Министра Народнаго Просвѣщенія Головина отъ 10 декабря 1862 г., приведенное у Фойницкаго, стр. 336.

построена на новыхъ въ Россіи началахъ, заимствованныхъ изъ наполеоновской Франціи. На обязанности цензора лежитъ уже отнынѣ не направлять литературу, а только предупреждать ее отъ совершенія и карать за совершенныя преступленія. За литературой признано право обсуждать и финансы, и законодательство, только не взывая къ прямому неповиновенію законамъ. Объ ограниченіи права литературной критики не можетъ быть болѣе и рѣчи. Цензура ставится въ тѣсную связь, а отчасти и въ зависимость отъ суда, хотя и сохраняетъ во многомъ свое прежнее положеніе.

Въ связи съ такимъ измѣненіемъ задачъ цензуры измѣнился и ея составъ. Прежде на должности цензоровъ назначались по преимуществу профессора университетовъ, конечно, обладавшіе достаточными „цензорскими способностями“ и проявлявшіе необходимое рвеніе въ исполненіи своихъ обязанностей; занятіе литературой, вообще для чиновниковъ предосудительное, не считалось нисколько несовмѣстимымъ съ должностью цензора. Теперь, напротивъ, профессоровъ и литераторовъ смѣнили самые обычные чиновники, и законъ даже прямо запретилъ имъ участіе въ редакціи періодическихъ изданій (ст. 25 Цензурнаго Устава изд. 1890 г.).

Нѣтъ никакой возможности, конечно, указать, хотя бы приблизительно, хронологическую дату и какое либо историческое событіе, стоящее на рубежѣ этихъ періодовъ. Такимъ событіемъ не была смерть императора Николая I. Напротивъ императоръ Александръ II вступилъ на престолъ съ недовѣріемъ къ литературѣ, съ боязнью передъ печатнымъ словомъ[7]). Еще въ 1859 году былъ учрежденъ особый негласный „комитетъ по дѣламъ книгопечатанія“, на обязанность котораго было возложено „принятіе мѣръ къ правильному и соотвѣтственному видамъ правительства направленію нашей литературы“ и „надзоръ за направленіемъ литературы“[8]).

Но время властно предъявляло свои требованія, и правительству пришлось пойти на серьезныя уступки. Онѣ вызывались прежде всего реформами въ другихъ областяхъ. Крестьянская, судебная и земская реформы создали массу общественныхъ потребностей, удовлетворять которымъ канцелярскими собираніями свѣдѣній и отписками оказалось невоз-

[7]) Много фактовъ, доказывающихъ это, приведено въ Дневникѣ цензора Никитенко.

[8]) Скабичевскій, стр. 441.

можнымъ. „Законовѣдѣніе“, сообщаемое прежними юридическими факультетами, оказалось недостаточнымъ для дѣятелей новыхъ судовъ; имъ была нужна наука права, а эта послѣдняя, какъ и всѣ другія науки, не могла развиваться при полномъ отсутствіи простора. Удовлетворять новымъ общественнымъ потребностямъ взялась заграничная печать: появилось на свѣтъ за границей довольно много русскихъ книгъ и возникло нѣсколько заграничныхъ органовъ. Изъ нихъ „Полярная Звѣзда“, „Колоколъ“ и нѣкоторыя отдѣльныя брошюры Герцена своимъ страшнымъ распространеніемъ, своею доступностью для всѣхъ и каждаго, казалось, издѣвались надъ архаическими постановленіями Цензурнаго Устава 1828 г., безсильно красовавшимися своими угловатыми литерами на пожелтѣвшихъ страницахъ неуклюжаго свода законовъ 1857 года. Возникновеніе и распространеніе этой печати было второй важной причиной, побудившей правительство къ пересмотру Устава, совершенно не соотвѣтствовавшаго духу времени. Въ докладныхъ запискахъ о преобразованіи цензурнаго вѣдомства, поданныхъ въ началѣ 60-хъ годовъ въ министерство народнаго просвѣщенія, нерѣдко встрѣчается указаніе на необходимость бороться съ нелегальной печатью посредствомъ цензурной реформы[9]).

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ съ начала управленія Головина министерствомъ просвѣщенія, т. е. съ конца 1861 г. цензура руководствовалась преимущественно, хотя и непослѣдовательно, полицейскими соображеніями, впрочемъ крайне суровыми. При Головинѣ, считавшемъ задачи цензуры несовмѣстимыми съ задачами народнаго просвѣщенія, цензура была передана въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ (1863 годъ), — однако и это событіе не кладетъ рѣзкой грани между двумя періодами, равно какъ не кладутъ ея „Временныя Правила о Цензурѣ и Печати 6 апрѣля 1865 г.“, закрѣпившія законодательнымъ актомъ новый взглядъ на цензуру. Напротивъ, въ полтора десятилѣтія, послѣдовавшія за ними, цензурная практика, постоянно колеблющаяся, постоянно сбивавшаяся на старую дорогу, ясно свидѣтельствовала, какъ непрочно утвердился новый взглядъ, какъ могущественны въ правительствѣ тѣ вліянія, которыя хотѣли бы возвращенія временъ, когда за допущеніе къ печати излишне пылкаго стихотворенія „Красавицѣ“ цензоръ попадалъ на гауптъ-вахту. И не смотря на все это, рѣзкая

[9]) Такова, напримѣръ, записка барона Медема, извлеченіе изъ которой см. у Скабичевскаго, стр. 461.

противоположность въ положеніи печати двухъ эпохъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ самые тяжкіе моменты второго періода литература могла вспоминать о времени императора Николая I не иначе, какъ съ ужасомъ и отвращеніемъ.

§ II.

Намъ не зачѣмъ здѣсь подробно останавливаться на изложеніи и разборѣ цензурнаго законодательства эпохи Александра II: это было уже сдѣлано много разъ и сдѣлано очень хорошо[10]). Мы отмѣтимъ только нѣкоторыя черты этого законодательства, имѣющія для насъ спеціальное значеніе.

„Временныя Правила о Цензурѣ и Печати 6 апрѣля 1865 г.“, включенныя съ нѣкоторыми позднѣйшими наслоеніями въ продолженіи Свода Законовъ 1876 г., установили для литературы двоякій режимъ. Книги не менѣе опредѣленнаго размѣра (10 печатныхъ листовъ для оригинальныхъ произведеній и 20 — для переводовъ), издаваемыя въ столицахъ, а также періодическія изданія, получившія на то особое разрѣшеніе, которое на практикѣ давалось только столичнымъ изданіямъ, избавлены отъ предварительной цензуры[11]). Они поступаютъ въ цензуру уже послѣ отпечатанія, и цензура имѣетъ право ихъ задержать; по соглашенію съ авторомъ цензура вмѣсто уничтоженія всей книги можетъ

[10]) См. Джаншіевъ, l. c.—Головачевъ, „Десять лѣтъ реформъ“. СПБ. 1871 г. Не лишенное достоинствъ изложеніе Цензурнаго Устава у Коркунова въ „Русскомъ Государственномъ Правѣ“, т. I. Лучшій и самый обстоятельный критическій разборъ цензурнаго законодательства представляетъ докладная записка, приложенная къ петиціи русскихъ литераторовъ, поданной императору Николаю II въ началѣ 1895 г. Напечатана она въ брошюрѣ: „Ходатайство русскихъ литераторовъ объ облегченіи цензуры“. London, Russian Free Press Fund. 1895.

[11]) Первый и донынѣ единственный случай разрѣшенія провинціальнаго періодическаго изданія безъ предварительной цензуры имѣлъ мѣсто въ 1895 г. въ Читѣ, гдѣ кол. совѣтнику Бадмаеву разрѣшено издавать 5 разъ въ недѣлю на русскомъ и монгольскомъ языкахъ газету „Жизнь на Восточной Окраинѣ“. Программа этой газеты, однако, далеко не полная; ей не разрѣшены передовыя статьи общаго содержанія, есть только „руководящія статьи по вопросамъ, касающимся жизни восточной окраины“; но за то есть „житія святыхъ“ и „свѣдѣнія, касающіяся Высочайшихъ особъ, придворныя торжества и проч.“ Для послѣднихъ двухъ отдѣловъ сохраняютъ силу, конечно, особыя цензурныя постановленія, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

ограничиться вырѣзкою нѣсколькихъ страницъ, которыя должны быть перепечатаны на счетъ автора или издателя. Но въ случаѣ, если такое соглашеніе не состоится, Главное Управленіе и даже цензурный комитетъ имѣетъ право „остановить выпускъ всего сочиненія, не иначе впрочемъ, какъ начавъ въ то-же время судебное преслѣдованіе противъ виновнаго"[12]). Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право періодическимъ изданіямъ, освобожденнымъ отъ предварительной цензуры, давать предостереженія, при чемъ третье предостереженіе влечетъ за собой закрытіе журнала на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ; въ исключительныхъ случаяхъ министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ (послѣ 3 предостереженій) входить въ сенатъ съ представленіемъ о совершенномъ закрытіи журнала. Всѣ остальныя изданія подлежатъ предварительной цензурѣ, въ столицахъ и большихъ городахъ цензоровъ, въ остальныхъ мѣстахъ вице-губернаторовъ, или особо назначенныхъ чиновниковъ. Цензора обязаны смотрѣть за цензуруемымъ ими произведеніемъ или журналомъ и вымарывать все сколько нибудь предосудительное. Изъ этого логически слѣдуетъ, что изданіе, подлежащее предварительной цензурѣ, должно быть освобождено отъ какихъ бы то ни было административныхъ каръ. Однако, Цензурный Уставъ, противорѣча себѣ, установилъ для нихъ кару болѣе суровую, чѣмъ даже для изданій безцензурныхъ: именно, закрытіе распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ на срокъ до 8 мѣсяцевъ безъ предварительныхъ предостереженій. При этомъ министръ не обязанъ даже мотивировать своего рѣшенія[13]), тогда какъ, дѣлая предостереженіе органу безцензурному, онъ долженъ указать на статьи, подавшія къ этому поводъ. Сверхъ того, министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ въ видѣ кары запрещать журналамъ, какъ безцензурнымъ, такъ и подцензурнымъ, розничную продажу и печатаніе объявленій на срокъ не свыше 8 мѣсяцевъ, указаніе мотивовъ для подобнаго рѣшенія не обязательно[14]). Не смотря на созданную такимъ образомъ

[12]) Ст. 147 Цензурнаго Устава по изданію 1890 г. Мы вездѣ, гдѣ это можно, переводимъ нумерацію статей Временныхъ правилъ на нумерацію статей Цензурнаго Устава послѣдняго изданія.

[13]) Ст. 154.

[14]) Запрещеніе розничной продажи установлено было нѣсколько позднѣе, именно, въ 1868 году и предусматривается ст. 178 Цензурнаго Устава. Статья эта звучитъ очень неопредѣленно и лишь расширительное ея толкованіе дало возможность цензурѣ весьма широко примѣнять эту мѣру, какъ особую кару, на-

безграничную власть министерства въ наложеніи взысканій на безцензурныя изданія, взысканій столь суровыхъ, что ими ничего не стоитъ погубить самый прочный журналъ, самую распространенную газету, не смотря на это, всѣ подцензурныя изданія только и мечтаютъ о томъ, какъ бы освободиться отъ предварительной цензуры. Оно и понятно. Мало того, что они подвергаются произволу низшихъ чиновниковъ, вымарывающихъ изъ статей отдѣльныя фразы и отдѣльныя слова, мало того, что фактически имъ нѣтъ почти никакой возможности жаловаться ни на пристрастіе, ни на капризъ, ни на глупость, ни на невѣжество своего цензора. Цензоръ, задерживая статьи для ежедневныхъ изданій по суткамъ, вычеркивая отдѣльныя мѣста и требуя на вторичный просмотръ сдѣланныя въ нихъ исправленія, можетъ, вполнѣ оставаясь на законной почвѣ, погубить измором самое благонамѣренное изданіе, особенно если въ городѣ есть одинъ или два конкурента, находящихся въ лучшихъ съ нимъ отношеніяхъ. Напротивъ, для изданій безцензурныхъ произволъ цензора замѣненъ произволомъ министра внутреннихъ дѣлъ, который уже благодаря своей высокопоставленности бываетъ обыкновенно болѣе независимъ отъ тѣхъ вліяній, какимъ подчиняется цензоръ. Кромѣ того, обязанность мотивировать свое рѣшеніе и огласка, связанная съ каждымъ предостереженіемъ, неизбѣжно является нѣкоторымъ, хотя и весьма недостаточнымъ ограниченіемъ произвола.

Въ примѣненіи къ періодическимъ изданіямъ права цензуры не ограничиваются, ни правомъ ареста книги, ни правомъ административныхъ каръ. У цензуры есть еще одно очень важное право. Всякій, желающій издавать въ свѣтъ періодическое изданіе, обязанъ испросить для этого разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго, гласитъ Цензурный Уставъ, „зависитъ дозволить выпускъ въ свѣтъ такого изданія или безъ цензуры, или подъ условіемъ предварительной цензуры“[15]). Изъ этого слѣдуетъ какъ будто, что министръ внутреннихъ дѣлъ не вправѣ отказать въ своемъ разрѣшеніи, но практика истолковала эту статью иначе. Послѣ того, какъ кто нибудь подастъ прошеніе о разрѣшеніи ему издавать газету или журналъ, начинаются справки о его благонамѣренности. Справки эти наводятся съ обычной канцелярской быстротой и вотъ черезъ 4 — 8

значаемую иногда на опредѣленный срокъ, иногда безсрочно. См. „Ходатайство литераторовъ“, стр. 24.

[15]) Ст. 117.

мѣсяцевъ, а иногда и дольше, проситель получаетъ отвѣтъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ отрицательный и притомъ обыкновенно ничѣмъ не мотивированный[16]), но иногда (весьма рѣдко) отказъ мотивируется, такъ, напримѣръ, въ 1896 г. было отказано въ открытіи газеты въ Тамбовѣ на основаніи отзыва мѣстной высшей власти, что для Тамбовской губерніи еще не назрѣла потребность въ изданіи частной газеты, и что мѣстныя „Губернскія Вѣдомости“ вполнѣ удовлетворяютъ потребностямъ населенія[17]). Поводомъ къ от-

[16]) Вотъ примѣръ обычной быстроты, съ какою постановляются цензурныя рѣшенія, разумѣется, если дѣло идетъ не о запрещеніи. На просьбу о разрѣшеніи передать газету „Сибирь“ въ другія руки, посланную по телеграфу въ концѣ 1874 года, отвѣтъ пришелъ по телеграфу же и послѣ телеграфическихъ справокъ (разумѣется на счетъ просителя) въ маѣ 1875 года. (См. „Порядокъ“, 1881 года, № 26). Еще гораздо медленнѣе наводятся справки, когда просятъ о новомъ изданіи.

[17]) См. „Русскія Вѣдомости“ 1896 годъ, № 96. „Мѣстная высшая власть“, т. е. губернаторъ баронъ Рокасовскій, вскорѣ послѣ этого отзыва былъ удаленъ отъ должности на основаніи Высочайшаго Указа, состоявшагося на основаніи рѣшенія сената, постановившаго даже предать его суду за поступки, „позорящіе власть“. Изъ этого постановленія ясно видны мотивы, побудившіе барона Рокасовскаго отказать въ разрѣшеніи газеты. Барона Рокасовскаго въ Тамбовѣ болѣе нѣтъ (вскорѣ послѣ увольненія онъ былъ вновь опредѣленъ на службу, на должность члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ), — но тѣмъ не менѣе нѣтъ и газеты. Черезъ годъ послѣ перваго фіаско своей попытки основать въ Тамбовѣ газету то же лицо (одинъ изъ мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ) повторило, какъ сообщаетъ „Новое Время“, свою попытку. „Какъ мы слышали“ говоритъ газета, со стороны новаго губернатора это ходатайство встрѣчаетъ сочувственное отношеніе. Тамбовская губернія принадлежитъ къ числу самыхъ густо населенныхъ мѣстностей Россіи, по ней разбросано нѣсколько тысячъ частновладѣльческихъ хозяйствъ, она прорѣзывается цѣлымъ рядомъ желѣзнодорожныхъ путей, вывозящихъ милліоны четвертей разныхъ хлѣбовъ изъ богатѣйшаго по плодородію почвы Тамбовскаго края. Уѣздные города Тамбовской губ. представляютъ изъ себя крупные центры съ высоко развитой экономической и торговой жизнію; Козловъ, Борисоглѣбскъ, Моршанскъ, Кирсановъ по скупкѣ и отправкѣ хлѣбныхъ грузовъ далеко оставляютъ за собой губернскій городъ; Липецкъ съ его минеральными водами, станціи Грязи, Токаревка, торгово-промышленное село Разсказово съ его нѣсколькими фабриками и заводами — все это крупные центры со множествомъ лицъ, занятыхъ торговлей, земледѣліемъ и профессіональнымъ трудомъ, нуждающіеся во всестороннемъ освѣщеніи мѣстныхъ нуждъ и вопросовъ. А такое освѣщеніе можетъ дать только печатный органъ, посвященный интересамъ мѣстнаго края. Отсутствіе печатнаго органа для громадной губерніи съ очень густой населенностью является полнымъ анахронизмомъ, если припомнить, что у насъ уѣздные города имѣютъ газеты, какъ, напримѣтъ, Екатеринбургъ, Царицынъ. Что въ Тамбовской губерніи ощущается сильный запросъ на мѣстное печатное слово указываетъ и то обстоя-

казу служитъ иногда заявленіе мѣстныхъ цензоровъ, что они завалены работой и не могутъ взять на себя новой обязанности или отсутствіе въ данной мѣстности особаго цензора[18]).

тельство, что „Губернскія Вѣдомости“ имѣютъ, не смотря на скудость даваемаго ими матеріала, весьма значительное число необязательныхъ подписчиковъ, едва ли не превышающее число такъ называемыхъ обязательныхъ подписчиковъ, т. е. всевозможныхъ учрежденій губерніи. Хоть какая нибудь газетка, хоть какія нибудь мѣстныя извѣстія, но они стали насущной потребностью. Для частной тамбовской газеты почва несомнѣнно подготовлена“ (цитируемъ по „Русскимъ Вѣдомостямъ“ 1897 года, № 25), — и не смотря на все это, газеты пока (мартъ 1897) нѣтъ. Очевидно, „сочувствіе“ губернатора не вліяетъ на канцелятскую быстроту. О томъ же самомъ см. еще „Вѣстникъ Европы“ 1896, № 5, стр. 432: „Судьба тамбовскаго ходатайства — не одиночное явленіе: такой же отказъ былъ данъ недавно и на просьбу о разрѣшеніи частной газеты въ Полтавѣ. Еще болѣе характеристично положеніе Харькова — университетскаго города и важнаго торгово-промышленнаго центра, съ 160 тысячами жителей, имѣющаго до сихъ поръ, кромѣ „Губернскихъ Вѣдомостей“, только одну газету, „Южный Край“, и напрасно въ продолженіе многихъ лѣтъ просящаго о дарованіи ему.... особаго цензора! Да, бываютъ случаи, когда немаловажнымъ благомъ представляется даже цензура, потому что тамъ, гдѣ ея нѣтъ, мѣстныя произведенія печати приходится посылать на просмотръ въ отдаленные пункты, обладающіе цензорами (изъ Харькова, напримѣръ,—въ столицы или въ Кіевъ)... Въ настоящее время въ Харьковѣ нѣсколько хорошихъ частныхъ типографій, которыя много разъ выражали готовность доставить, путемъ самообложенія, средства на содержаніе въ Харьковѣ отдѣльнаго цензора. Ходатайство типографій не разъ было поддержано губернскимъ земствомъ, но до сихъ поръ остается неудовлетвореннымъ“.

[18]) Многосложность и трудность цензорскихъ обязанностей ведетъ иногда къ печальнымъ послѣдствіямъ и для изданій, уже существующихъ, особенно тамъ, гдѣ нѣтъ особыхъ цензоровъ и ихъ функціи отправляютъ вице-губернаторы или чиновники особыхъ порученій, ибо они, оправдываясь болѣе важными съ ихъ точки зрѣнія дѣлами, задерживаютъ газетныя статьи, совершенно не соображаясь ни съ интересами газетъ, ни съ интересами публики. Поэтому возможны странные случаи, когда издатели газетъ подаютъ губернатору докладную записку съ просьбой возбудить передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство объ учрежденіи отдѣльнаго цензора или о назначеніи на эту должность лица, не обремененнаго другими служебными занятіями. Такой случай имѣлъ мѣсто въ 1896 г. въ Саратовѣ. Издатели „Саратовскаго Листка“, „Саратовскаго Дневника“ и „Саратовской Земской Недѣли“ подробно указали въ своей докладной запискѣ на неудобство того положенія, когда цензуровать изданія приглашается чиновникъ и безъ того обремененный обазанностями; часы для цензурованія не опредѣлены, а отъ этого неаккуратенъ и выходъ нумеровъ изданій; нерѣдко, — говорилось въ запискѣ, — цензорскіе листы получаются поздно ночью, работа сильно затрудняется. Въ виду этого издатели предлагали даже изъ средствъ своихъ изданій 600 рублей ежегодныхъ для прибавки къ казенному жалованью за цензорскій трудъ; это, — говорятъ они,—дастъ возможность поручить цензу-

Въ исторіи послѣднихъ 17 лѣтъ было только два момента, когда разрѣшенія на новыя изданія давались сравнительно легко, конечно, людямъ вполнѣ благонамѣреннымъ. Это былъ періодъ правленія Лорисъ-Меликова и затѣмъ вторая половина 1896 года. Въ промежутокъ между этими двумя періодами у министерства былъ принципъ не разрѣшать новыхъ журналовъ: никакая благонамѣренность не могла васъ гарантировать отъ того, что черезъ 6 мѣсяцевъ волокиты послѣ подачи вами прошенія вы получите отвѣтъ: министръ внутреннихъ дѣлъ рѣшилъ ходатайство отклонить. Для отвѣта противоположнаго нужно было пустить въ ходъ всѣ силы земли и неба, нужно было найти вліятельныя связи, нужно было проникнуть къ министру или главноуправляющему по Дѣламъ Печати и лично испросить у нихъ разрѣшеніе, конечно, предварительно подготовивъ почву; говорили даже (можетъ быть и не справедливо), что всего вѣрнѣе дать хорошую взятку одному вліятельному члену Главнаго Управленія.

А. Пороховщиковъ въ своей книгѣ: „Самодержавіе на Св. Руси наканунѣ XX в." (Типографія Брокгауза въ Лейпцигѣ, 1895 г., стр. 2) разсказываетъ, что при Толстомъ онъ просилъ разрѣшенія издавать въ Москвѣ газету. Кн. Долгоруковъ далъ отзывъ, что московская печать совершенно удовлетворяетъ потребностямъ населенія; поэтому онъ находитъ совершенно излишнимъ увеличеніе въ Москвѣ числа періодическихъ изданій. Пороховщиковъ получилъ отказъ, мотивированный нежеланіемъ правительства увеличивать число періодическихъ изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры.

Въ прошеніи о разрѣшеніи журнала должна быть выставлена программа изданія и, кромѣ издателя, долженъ быть указанъ редакторъ, должна быть указана типографія, въ которой будетъ печататься журналъ, должна быть соблюдена масса другихъ формальностей. Всѣ онѣ точно указаны въ законѣ и всѣ имѣютъ свое опредѣленное значеніе. Разрѣшеніе дается журналу съ опредѣленной программой и съ опредѣленнымъ отвѣтственнымъ редакторомъ. При разрѣшеніи министръ внутреннихъ дѣлъ не рѣдко позволяетъ себѣ измѣнить или сократить программу. Хотя иногда на

рованіе особому лицу, не нуждающемуся въ другой должности. Провинціальная газета, сообщавшая объ этомъ, прибавила, что мѣстный губернаторъ отнесся къ ходатайству сочувственно, но до сихъ поръ изъ этого сочувствія ничего не вышло („Русскія Вѣдомости", 1896, № 200).

практикѣ дозволяются уклоненія отъ нея, но въ общемъ журналъ долженъ строго слѣдовать ей. Такъ напримѣръ, въ журналѣ „Новое Слово“ дозволены „легкія научныя статьи“, и вотъ у цензуры бываютъ постоянно пререкательства съ редакціей по вопросу о томъ, подходятъ ли ея статьи подъ эту формулу. Въ программѣ журнала „Русское Богатство“ до весны 1896 г. была только хроника внутренней жизни, но не было „Внутренняго обозрѣнія“, хотя врядъ ли кто-либо, не искусившійся въ цензурныхъ соображеніяхъ, съумѣетъ понять разницу между этими двумя терминами, но цензура ее понимала и запрещала статьи иногда не за ихъ содержаніе, а за ихъ формальное несоотвѣтствіе съ программой. Въ 1867 г. Московскому Юридическому Обществу было разрѣшено издавать журналъ „Юридическій Вѣстникъ“. Въ утвержденной программѣ значилось, что въ журналѣ будутъ помѣщаться изслѣдованія по вопросамъ, относящимся къ *разнымъ частямъ права*, преимущественно же гражданскаго и уголовнаго.

Редакція журнала руководилась тѣмъ мнѣніемъ, что органу Юридическаго Общества, состоящаго при университетѣ, область „права“ слѣдуетъ понимать согласно съ тѣмъ, какъ кругъ юридическихъ знаній понимался на юридическихъ факультетахъ университета, гдѣ въ числѣ обязательныхъ наукъ считается политическая экономія и статистика.

Въ 1883 г. при Обществѣ, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія, было учреждено особое Статистическое Отдѣленіе.

Въ 1887 г. министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, однако, что журналъ съ каждымъ годомъ все болѣе уклоняется отъ своего назначенія. Согласно установленной программѣ это изданіе должно быть посвящено исключительно(?) обсужденію разныхъ вопросовъ *уголовнаго и гражданскаго* права, а между тѣмъ на его страницахъ безпрерывно появляются статьи, которыя ни съ юридическими науками, ни съ судопроизводствомъ не имѣютъ ничего общаго...

Разрѣшеніе дается на имя опредѣленнаго редактора, и каждый новый редакторъ нуждается въ новомъ утвержденіи. Цензура иногда пользуется этимъ, чтобы губить несимпатичные ей журналы, не прибѣгая къ формальному запрещенію. Такъ погибло „Дѣло“ послѣ смерти Благосвѣтлова. Редакторами были утверждены сперва Н. В. Шелгуновъ, потомъ К. М. Станюковичъ; но тотъ и другой были лишены своего права вслѣдствіе ареста и высылки изъ Петербурга. Тогда явилась надобность въ новомъ редакторѣ. Министер-

ство внутреннихъ дѣлъ утвердило въ началѣ 1884 года В. Острогорскаго, служащаго по министерству народнаго просвѣщенія, но начальство немедленно же поставило ему дилемму: или служить или редактировать, и г. Острогорскій предпочелъ, конечно, первое, и на третьей книжкѣ журналъ прекратился. Цензурѣ предлагали длинный рядъ кандидатовъ, вполнѣ благонамѣренныхъ, но она систематически отказывалась ихъ утверждать, пока, наконецъ, въ маѣ 1886 г. не согласилась на нѣкоего г. Дурново, который, выпустивъ нѣсколько книжекъ черезъ большіе промежутки времени, окончательно его погубилъ. Подобныхъ случаевъ въ исторіи цензурной практики было нѣсколько.

Такъ какъ политическая благонадежность рѣдко сочетается въ одномъ лицѣ съ литературными способностями и такъ какъ только первая обыкновенно даетъ право на редактированіе журнала, то во главѣ почти всѣхъ нашихъ изданій стоятъ лица, имѣющія весьма мало общаго съ литературой. „Новое Время“, фактически редактировавшееся съ 1876 г. г. А. С. Суворинымъ, украшается подписью г. Федорова, съ литературной стороны никому не извѣстнаго. Объясняется это тѣмъ, что въ то время, когда г. Суворинъ начиналъ свою газету, онъ не успѣлъ еще прославиться своей политической благонадежностью и долженъ былъ просить о разрѣшеніи газеты на имя подставного лица. Подписчики „Русскаго Богатства“, журнала, на страницахъ котораго появляются произведенія наиболѣе извѣстныхъ журналистовъ, съ изумленіемъ видятъ на его обложкѣ имена, совсѣмъ не знакомыя имъ Попова и Быкова. Подъ „Новымъ Словомъ“ стоитъ подпись А. Н. Попова. Если не ошибаемся, онъ дѣйстрительно принимаетъ участіе въ редактированіи журнала, но до февраля 1896 г. ему было разрѣшено подписываться только „за редактора“. Малѣйшее столкновеніе съ цензурой, — и цензура могла бы потребовать настоящаго редактора, и она же отказала бы въ его утвержденіи. И это все на строго законномъ основаніи.

Судя по рѣшительному заявленію г. Гайдебурова въ № 45 „Недѣли“ за 1896 г., что „непосредственно завѣдывать редакціей“ новой газеты „Русь“, имѣющей выходить съ 1 января 1897 г., будетъ онъ самъ, г. Гайдебуровъ, можно было заключить, что оффиціальный редакторъ ея, г. Кремлевъ, является тоже только подставнымъ лицомъ. Повидимому, столь категорическое заявленіе вызвало какія-то недоразумѣнія между Гайдебуровымъ и цензурой, потому что въ № 47 „Недѣли“ г. Гайдебурову пришлось уже дополнить свое за-

явленіе „Необходимымъ поясненіемъ“, не оставляющимъ сомнѣнія ни въ истинномъ характерѣ отношеній между г-мъ Гайдебуровымъ и Кремлевымъ, ни въ болѣе или менѣе принудительномъ появленіи замѣтки. „Въ дополненіе къ моему сообщенію въ № 45, говорилъ г. Гайдебуровъ, считаю необходимымъ заявить, что исправляющимъ должность отвѣтственнаго редактора этой газеты состоитъ присяжный повѣренный А. Н. Кремлевъ, и что такимъ образомъ мое заявленіе, что „непосредственно завѣдывать редакціей «Руси», какъ по прежнему и редакціей «Недѣли», буду я самъ, слѣдуетъ понимать отнюдь не въ смыслѣ личнаго моего редактированія новой газеты, а лишь въ смыслѣ того вниманія, которое я буду ей удѣлять“.

И на этотъ разъ, — какъ это бываетъ почти всегда, — отношенія между дѣйствительнымъ редакторомъ и лицомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ литературой, лишь вслѣдствіе своей благонадежности получившимъ право получать жалованье за свою подпись — оказались весьма затруднительными, — и вотъ уже въ серединѣ января 1897 г. дѣло дошло до третейскаго суда между ними[19]); вмѣсто г-на Кремлева подъ газетой временно разрѣшено подписываться „за редактора“ г. Вишневскому, а еще черезъ двѣ недѣли газета „временно прекратилась“. Между тѣмъ она была обезпечена и достаточными денежными капиталами, и несомнѣнными литературными силами. Повидимому такимъ же подставнымъ лицомъ служилъ редакторъ „Луча“ г-нъ Чуйко — на этотъ разъ, впрочемъ, несомнѣнный литераторъ; и вотъ въ январѣ 1897 г. только что основавшаяся газета должна была прекратиться, вѣроятно, вслѣдствіе несогласія съ нимъ: пришлось искать новаго, достаточно благонадежнаго редактора и хлопотать о его утвержденіи. Хлопоты на этотъ разъ, вопреки обыкновенію, увѣнчались достаточно быстрымъ успѣхомъ.

Благонамѣренность рѣдко сочетается съ литературными способностями, но за то она сочетается съ крупными дарованіями въ иной области. Благодаря этимъ дарованіямъ гг. Трубникову и Баталину, тоже имѣющимъ весьма мало общаго съ литературой (хотя впрочемъ и не совершенно чуждымъ ей), удалось при помощи литературы составить себѣ даже довольно крупныя состоянія. Г. Баталинъ благодаря своимъ связямъ добился въ разное время разрѣшенія на изданіе 4 органовъ: „Минуты“, „Колосьевъ“, „Новаго Сло-

[19]) См. „Новости“ 1897, 18 января.

ва", „Утра". Получивъ разрѣшеніе, онъ издавалъ ихъ обыкновенно въ теченіе короткаго времени (исключеніе составляетъ „Минута") и затѣмъ продавалъ въ другія руки. Это не случилось пока съ „Утромъ", которое возникло только въ декабрѣ 1896 г., и уже, какъ говорятъ, ищетъ покупателя. Такимъ же точно литературнымъ аферистомъ является г-нъ Трубниковъ, основатель „Новаго Времени", „Биржевыхъ Вѣдомостей". „Русскаго Голоса" и „Міровыхъ Отголосковъ". И это все тоже на законномъ основаніи[20]).

На законномъ же основаніи нѣкто Андреевскій погубилъ кіевскую газету „Заря". Она была основана и редактировалась фактически г-мъ Кулишеромъ, а Андреевскій былъ ея отвѣтственнымъ редакторомъ. Когда газета, въ которую г. Кулишеръ вложилъ значительный капиталъ и еще болѣе значительный трудъ, начала приносить доходъ, Андреевскій началъ дѣлать набѣги на ея кассу. Отказывать ему не было никакой возможности, потому что въ противномъ случаѣ Андреевскій могъ отказать въ своей подписи и газетный нумеръ не могъ бы выйти въ свѣтъ. Утвержденіе новаго редактора потребовало бы мѣсяцевъ хлопотъ, которыя къ тому же могли и не увѣнчаться успѣхомъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы съ Андреевскимъ г-нъ Кулишеръ вынужденъ былъ отказаться отъ своей газеты, которая вскорѣ послѣ этого и погибла.

§ III.

Таково было положеніе періодической печати по закону 1865 г. Но для ея обуздыванія онъ оказался недостаточнымъ. Начиная съ 1866 г. послѣдовалъ длинный рядъ новеллъ и отдѣльныхъ распоряженій Главнаго Управленія, стѣснившихъ ее еще болѣе[21]). Законъ опредѣлялъ количество

[20]) Право сравнительно такъ легко получать разрѣшенія необходимо заработать, и оба названныя лица его дѣйствительно заработали. Такъ г. Трубниковъ въ 1880 г. выпустилъ въ свѣтъ брошюру: „Источники смуты и опоры крамолы". Въ ней онъ говоритъ между прочимъ: „Печать развращаетъ умы и чувства нашихъ женъ, дочерей, сыновей... Нужно, чтобы печать была закована въ наручники. . . . Жаль, что Управленіе по Дѣламъ Печати не усвоило такого взгляда на прессу" (см. „Отечественные Записки" 1880). Авторъ этой брошюры издаетъ нынѣ либеральную газету, откровенно стремящуюся подражать „Голосу", и во всякомъ случаѣ являющуюся сторонницей свободы печати. Такое явленіе совершенно неизбѣжно вытекаетъ изъ положенія русской печати.

[21]) Перечень и изложеніе ихъ см. у Джаншіева.

листовъ, избавлявшихъ книгу отъ предварительной цензуры; Главное Управленіе распоряженіемъ 1867 г. № 106 опредѣлило норму листа и самовольно, даже противозаконно, повысило количество листовъ, дающее это право, если книга напечатана въ форматѣ меньшемъ противъ нормы. Постановленіе это такъ и не прошло черезъ Государственный Совѣтъ, и читатель напрасно сталъ бы его искать въ Цензурномъ Уставѣ или другой части Свода Законовъ; тамъ онъ найдетъ только указаніе на число листовъ. Но пусть онъ не пробуетъ опираться на статью закона, если вздумаетъ издать книгу въ 10 печатныхъ листовъ небольшого формата, ибо распоряженія Главнаго Управленія могутъ отмѣнить законъ.

Еще важнѣе было постановленіе 1873 г., въ силу котораго министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено временно — однако безъ опредѣленія срока — запрещать „оглашеніе или обсужденіе въ печати какого либо вопроса государственной важности“, и за нарушеніе его предписаній прекращать журналы на срокъ до 3-хъ мѣсяцевъ. Это правило создавало для журналовъ безцензурныхъ нѣчто въ родѣ предварительной цензуры, возложенной на самихъ редакторовъ. Фактически это постановленіе приводится въ исполненіе слѣдующимъ образомъ. Въ редакцію полицейскій приноситъ предписаніе Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, въ которомъ оно извѣщаетъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ постановилъ на основаніи ст. 140 Цензурнаго Устава изъять изъ вѣдѣнія печати такой то вопросъ, даетъ прочитать это предписаніе, отбираетъ отъ редактора или издателя подписку въ томъ, что циркуляръ за № такимъ то ему объявленъ, и немедленно прячетъ его въ свой портфель. Въ виду этого редакція обязана хранить въ памяти безчисленное количество циркуляровъ за неопредѣленное число лѣтъ. Несмотря на „временный“ по закону характеръ циркуляровъ, срокъ дѣйствія ихъ не обозначается, циркуляры никогда не отмѣняются, и бывали случаи наказанія, наложеннаго на журналъ за несоблюденіе циркуляра, объявленнаго за $2^1/_2$ года передъ тѣмъ; нерѣдки даже случаи „напоминанія“ редакціямъ[22]).

[22]) Мы знаемъ только одинъ примѣръ циркуляра, срокъ дѣйствія котораго опредѣленъ въ немъ самомъ—это циркуляръ 1881 г. за № 3681, запрещающій на два мѣсяца печатаніе и даже перепечатаніе правительственныхъ распоряженій по еврейскому вопросу, и нѣсколько циркуляровъ, имѣющихъ условно срочный характеръ: запрещается печатать „до нѣкотораго времени“ (1885 № 3512), „впредь до полнаго выясненія этого дѣла“ (1889 годъ, № 3015); но число ихъ

Въ 1879 г. временными правилами, однако сохраняющими свою силу и понынѣ, право прекращать періодическія изданія было предоставлено генералъ-губернаторамъ.

Но, можетъ быть, всего важнѣе для дальнѣйшей судьбы русской печати было Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 7 августа 1872 г., которое уничтожило зависимость цензуры отъ суда, созданнаго Временными Правилами 1865 года, давшими печати, или по крайней мѣрѣ для одной ея части, подзаконное положеніе. Правда, цензура могла погубить журналъ, могла ограничить число изданій (что она и дѣлала), но совершенно зажать ротъ писателю она могла только съ разрѣшенія суда, правда суда безъ присяжныхъ, суда, вооруженнаго весьма суровыми постановленіями, но все таки суда и слѣдовательно закона, ибо у писателя, лишеннаго административнымъ распоряженіемъ журнальнаго пристанища, всегда оставалось право апелировать къ публикѣ въ книгѣ. Съ 1866 по 1870 г. тянется длинный рядъ судебныхъ процессовъ противъ авторовъ редакторовъ и издателей (наиболѣе извѣстны процессы Павленкова, издателя сочиненій Писарева, и П. А. Гайдебурова издававшаго въ русскомъ переводѣ книгу Вундта „Душа человѣка и животныхъ"). И вотъ законъ 1872 г. внесъ въ Цензурный Уставъ ст. 149 и 151, которыми министру вн. дѣлъ предоставлено право съ согласія комитета министровъ задерживать и подвергать сожженію всякую книгу или № журнала, которые будутъ признаны вредными. „Если въ задержанномъ сочиненіи или нумерѣ повременнаго изданія усматривается преступленіе, то независимо отъ задержанія экземпляровъ подобныхъ изданій, можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе виновныхъ".

Такимъ образомъ создано два режима: для случаевъ, когда

крайне ограничено. Единственный за 16-лѣтній періодъ (1881—1896 г.) случа отмѣны циркуляра будетъ упомянутъ въ главѣ III. Что само цензурное вѣдом ство смотритъ на свои циркуляры вовсе не какъ на временные, доказываетс тономъ многихъ изъ нихъ. Такъ напримѣръ, циркуляръ № 1190 1893 года гла ситъ: „Распоряженіемъ 10 октября 1888 года предложено редакціямъ не огла шать въ печати отзывовъ, затрогивающихъ честь султана. . . . Не смотря н такое распоряженіе, въ газетахъ въ послѣднее время вновь начали по являться статьи противъ Абдулъ-Гамида.... Вслѣдствіе этого Главное Управле ніе предупреждаетъ, что. . . распоряженіе сохраняетъ свою силу". Подобных циркуляровъ довольно много: нѣкоторые подтверждаютъ такимъ же образом циркуляры, изданные за 10 лѣтъ передъ тѣмъ. — „Современныя Извѣстія" 6-г апрѣля 1885 г. были пріостановлены на 1 мѣсяцъ за нарушеніе распоряжені отъ 29 октября 1882 г.

второмъ совершено преступленіе — судъ; для случаевъ, огда на лицо нѣтъ никакого преступленія, но когда тѣмъ е менѣе министръ находитъ книгу „вредной", не будучи ь состояніи, однако, мотивировать свое убѣжденіе доста- очно убѣдительными для суда доводами — простая админи- тративная кара. Литературные процессы прекратились.

Отнынѣ журналы, изъятые въ теоріи отъ предварительной ензуры, въ дѣйствительности ей подвергались. Фактически стались избавленными отъ нея только ежедневныя газеты, бо онѣ доставляются въ цензуру одновременно съ присту- омъ къ окончательному печатанію нумера, т. е. въ 3—4 аса ночи, когда самые рьяные цензора имѣютъ привычку пать. Тѣмъ не менѣе иногда случается, что цензура, замѣ- ивъ что-либо въ нумерѣ, успѣваетъ во время задержать его не допустить до публики. Такъ случилось напр. съ однимъ „Новаго Времени" въ началѣ 1894 г. Изданія же ежемѣ- ячныя поступаютъ въ цензуру за 4 дня до разсылки под- исчикамъ, въ теченіи этихъ дней цензура можетъ на досугѣ рочитать и искромсать всю книгу; отдѣльныя книги — за дней: эти сроки установлены тѣмъ же закономъ 1872 г. ь замѣнъ существовавшихъ раньше 2 и 3 дней. Если чи- атель будетъ внимательно проглядывать каждую книжку итаемаго имъ журнала, то онъ нерѣдко замѣтитъ вырѣзан- ыя и вклеенныя вновь страницы, напечатанныя обыкновенно ругимъ шрифтомъ. Всего чаще случалось это въ послѣдніе оды съ „Русской Стариной" и „Вѣстникомъ Европы". Такъ апр. въ № 4 „Вѣстника Европы" за 1890 г. не хватаетъ нутренняго Обозрѣнія, и за страницей 829 немедленно лѣдуетъ страница 848. Еще замѣтнѣе сказались цензурныя ожницы въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1889 г.; тутъ въ одержаніи Внутренняго Обозрѣнія, напечатанномъ какъ въ главленіи, такъ и въ его началѣ остался заголовокъ: Слу- ай административнаго тѣлеснаго наказанія; но случая этого ѣтъ, ибо въ текстѣ за стр. 821 слѣдуетъ на обратной же торонѣ стр. 824.

То же самое найдетъ онъ въ въ очень многихъ книгахъ. ъ книгѣ г. Скабичевскаго „Исторія Русской Цензуры" вы- ѣзано не мало страницъ (объ этомъ мы уже говорили выше ь примѣчаніи). Даже въ такой чисто научной книгѣ, какъ Исторія Англійскаго народа" Грина (М. 1892), притомъ во -мъ т., трактующемъ о концѣ XIII и началѣ XIV вѣка, ырѣзаны страницы 69—84. Въ еще гораздо болѣе сухой нигѣ „О компромиссѣ" Джона Морлея (2 изд. Москва 1896) ыли вырѣзаны и перепечатаны стр. 159—160, на которыхъ

находилось ранѣе нѣсколько замѣчаній о религіи. Въ книгѣ г. Мельшина „Въ мірѣ отверженныхъ“ (С.Пб. 1896 г.) вырѣзаны и перепечатаны стр. 227—230, а также 285—292. Весьма часто также цензура сжигаетъ книгу цѣликомъ, и этой карѣ подвергаются иногда даже научныя работы по естествознанію[23]). Но что собственно въ глазахъ Цензурнаго

[23]) Геккель, Естественная исторія міротворенія, переводъ Герда, (СПБ. 1872) Сожжено 1990 экз. Кромѣ Геккеля только въ 2 года (1871—1872) погибли:

Луи Блапъ. Исторія февральской революціи 1848 года, т I, изд. Гридина 3940 экз.

Боборыкинъ, Жертва вечерняя, романъ, 3000 экз.

Бутъ, Біографія Овэна, 2000 экз.

Бюхнеръ, Откуда мы, кто мы, куда мы? 4000 экз.

Верморель, Мара, другъ народа. 2025 экз.

Гарридо, Современная Испанія. 2000 экз.

Лекки, Исторія раціонализма, 2000 экз

— : Исторія нравственности, 1990 экз.

Дидро, Романы и повѣсти, переводъ Зайцева, изд. Неклюдова (впослѣдствіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ), 2487 экз.

Кореневъ, Безъ языка, романъ, 975 экз.

Ланжале, Исторія революціи 18 марта, 2500 экз.

Лассаль, Сочиненія, т. II, 3000 экз. (Томъ I былъ выпущенъ въ свѣтъ; но впослѣдствіи цензура спохватилась и успѣла изъять изъ обращенія 10 экз., которые и были сожжены).

Писаревъ, Сочиненія, т. IV и т. VII, изд. 2, 3015 экз. (Ранѣе и позже эти сочиненія были дозволены).

Прянишниковъ, Лишеніе свободы, какъ исправительное наказаніе, 590 экз. (По всей вѣроятности сочиненіе чисто научное: на это указываетъ, помимо заглавія, число экземпляровъ).

Радищевъ, Сочиненія, изданныя подъ редакціей Ефремова, 1985 экз. (Впослѣдствіи, въ началѣ 1880 г., цензура по особому ходатайству разрѣшила г-ну Суворину напечатать сочиненія Радищева въ 100 экз., поставивъ условіемъ, чтобы продажная цѣна книги была не ниже 25 рублей).

Россель, Посмертныя записки, переводъ Павловскаго, 1990 экз.

Спенсеръ, Соціальная статика, 2990 экз.

Штраусъ, Вольтеръ, его жизнь и сочиненія, перев. Н. Страхова, 1350 экз.

Утловъ, Франція въ 1871 г., 1511 экз.

Флеровскій, Положеніе рабочаго класса въ Россіи, 2490 экз. (На сколько извѣстно, не незначительное количество экземпляровъ этой книги было спасено и поступило въ публику).

Швейцеръ, Люцинда, романъ, 199 экз.

Шеръ, Историческія характеристики, т. I, переводъ Антоновича, 1990 экз.

Азбука соціальныхъ наукъ, изд. Полякова. (Арестована по выходѣ въ свѣтъ по Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ отношеніи Главному Управленію по Дѣламъ Печати отъ 1 ноября 1871 г. за № 4719).

Записки идеалистки между двумя революціями 1830 — 48, переводъ Цебриковой, 2000 экз.

Устава является запретнымъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ статья 4.

Произведенія словесности, наукъ и искусствъ подвергаются запрещенію цензуры на основаніи правилъ сего Устава: 1) когда въ оныхъ содержится что либо клонящееся къ поколебанію ученія православной церкви, ея преданій и обрядовъ, или вообще истинъ и догматовъ христіанской вѣры; 2) когда въ оныхъ содержится что либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти, или уваженіе къ Императорскому Дому, и что либо противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ; 3) когда въ оныхъ оскорбляются добрые нравы и благопристойность, и 4) когда въ оныхъ оскорбляется честь какого либо лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою.

Эта статья, уцѣлѣвшая съ 1838 г., есть единственная статья, имѣющая общій характеръ; она несомнѣнно должна быть примѣняема одинаково какъ къ книгамъ, такъ и газетамъ, какъ къ изданіямъ, издаваемымъ подъ предварительной цензурой, такъ и безъ нея. Очевидно, что она предоставляетъ печати весьма значительный просторъ; очевидно, что если бы цензура руководствовалась ею, то русская печать находилась бы въ положеніи нисколько не худшемъ, а можетъ быть и лучшемъ, чѣмъ напр., печать австрійская. Но въ разныхъ мѣстахъ Ценз. Устава заключаются постановленія, разъясняющія и пополняющія приведенную статью. Прежде всего мы тутъ находимъ раздѣленіе всѣхъ произведеній словесности, наукъ и искусствъ на спеціальныя ученыя разсужденія, на книги свыше 10 печатныхъ листовъ и на журналы, подписная цѣна коихъ съ пересылкою не менѣе 7 руб. въ годъ съ одной стороны, и на всѣ остальныя съ другой[24]). Первымъ дозволяются разсужденія „о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, написанныя то-

Изслѣдованіе по текущимъ вопросамъ. Типографія Нусвальта, 2591 экз.

Сборникъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ. СПБ. 1871 г. Типографія Катомина, 2000 экз.

Сборникъ 1871 г. Изданіе журн. Библіотека, 950 экз.

За полноту списка не ручаемся. Сожженіе книгъ въ большомъ количествѣ совершается изъ году въ годъ. Въ послѣднее время сожжены между прочимъ:

Лестеръ Уордъ, Соціальная динамика.

Елисѣевъ. Сочиненія.

Зингеръ и Офнеръ. Очерки соціальной юриспруденціи.

Летурно, Эволюція нравственности.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи экономическаго развитія Россіи 1895 г. и т. д. и т. д.

24) Статьи 140 и 156.

номъ приличнымъ предмету, и притомъ касающіяся таких постановленій, недостатки которыхъ уже обнаружились н опытѣ", вторымъ они не дозволяются вовсе. Затѣмъ идет длинный рядъ „правилъ въ руководствѣ о цензурѣ". Таков статьи:

93. Во всѣхъ вообще произведеніяхъ печати слѣдуетъ не допус кать нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ христіан скихъ исповѣданій, охранять неприкосновенность Верховной Вла сти и ея атрибутовъ, уваженіе къ Особамъ Царствующаго Дома, не поколебимость основныхъ законовъ, народную нравственность, чест и домашнюю жизнь каждаго.

94. Цензура обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умо зрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы, от дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, равно противныхъ истинно вѣрѣ и истинному любомудрію. Она должна при томъ различат творенія дидактическія и ученыя, назначаемыя для употреблені однихъ ученыхъ, съ книгами, издаваемыми для общенароднаго упо требленія.

95. Не слѣдуетъ допускать къ печати сочиненій и статей, излага ющихъ вредныя ученія соціализма и коммунизма, клонящіяся к потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ вод воренію анархіи.

96. Не допускаются къ печати статьи: 1) въ которыхъ возбужда ется непріязнь и ненависть одного сословія къ другому; 2) въ ко торыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сосло віями или должностями государственной и общественной службы.

100. Не дозволяется распубликованіе по однимъ слухамъ предпо лагаемыхъ, будто бы, правительствомъ мѣръ, пока онѣ не объявле ны законнымъ образомъ.

Къ этому нужно присоединить постановленія, находящіяс въ Улож. о Наказ. и другихъ частяхъ Свода Законовъ. Так напр., ст. 253 Улож. о Наказ. признаетъ государственно измѣною и караетъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія смертною казнью распространеніе въ Россіи во время войн возмутительныхъ манифестовъ непріятеля, а также утвержде ніе въ распространяемыхъ сочиненіяхъ мнимыхъ правъ дру гой державы на какую либо часть областей имперіи.

Таковы (и это далеко не всѣ) постановленія нашего зако нодательства, стѣсняющаго свободу печати. Гораздо легч перечислить постановленія Ценз. Устава, ее ограждающія сюда относятся ст. 103, 105—111, а также примѣчаніе к ст. 1035 Улож. о Наказ. Этими статьями дозволяются исто рическія описанія и историчаскія разсужденія авторовъ, „есл только сіи описанія и разсужденія не противны общимъ пра виламъ", — очевидно тѣмъ правиламъ, о которыхъ рѣчь был выше (ст. 103).

107. Никакой чиновникъ не имѣетъ права, безъ дозволенія на чальства, обнародовать дѣлъ и свѣдѣній ввѣренныхъ и извѣстных

ему по службѣ; но всякое общее описаніе или свѣдѣніе касательно исторіи, географіи, статистики Россіи, дозволяется цензурою, если только изложено съ приличіемъ и безъ нарушенія общихъ цензурныхъ правилъ.

108. Всякія сужденія о предметахъ, относящихся къ наукамъ, словесности и искусствамъ, какъ-то: о вновь выходящихъ книгахъ не исключая изъ того и издаваемыхъ отъ казенныхъ мѣстъ сочиненій и статей, когда оныя собственно касаются наукъ, словесности, или художествъ), о представленіяхъ на публичныхъ театрахъ и о другихъ зрѣлищахъ, о новыхъ общественныхъ зданіяхъ, объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, земледѣлія, фабрикъ и т. под., дозволяются цензурою, если только сіи сужденія не противны общимъ ея правиламъ.

Столь же широки права, предоставленныя литературѣ и остальными изъ названныхъ статей. Такъ ст. 106 гласитъ, что

При разсматриваніи книгъ нравственнаго содержанія, цензура не дѣлаетъ привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ; однако наблюдаетъ, чтобы въ сихъ словахъ или выраженіяхъ о предметахъ важныхъ и высокихъ упоминаемо было съ должнымъ уваженіемъ и приличіемъ.

Ст. 105 предписываетъ цензурѣ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги и за основаніе всегда принимать „явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія въ дурную сторону“. Статьи:

109. Цензура въ произведеніяхъ изящной словесности должна отличать безвредныя шутки отъ злонамѣреннаго искаженія истины и отъ существенныхъ оскорбленій нравственнаго приличія, и не требовать въ вымыслахъ той строгой точности, каковая свойственна описанію предметовъ высокихъ и сочиненіямъ важнымъ.

111. Цензура не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости или несправедливости частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры; не можетъ входить въ сужденіе о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочиненіе, буде только оно не вредно; и не должна поправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію.

Дѣйствительное значеніе имѣетъ только примѣчаніе къ ст. 1035 Уложенія о Наказаніяхъ, предоставляющее литературѣ право критики „отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства“, а такъ-же „распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій“, при условіи не оспаривать обязательной силы законовъ и не возбуждать къ неповиновенію имъ[25]).

[25]) Статья эта первоначально находилась во Временныхъ Правилахъ 1865 г., откуда она перешла въ Цензурный Уставъ по продол. 1876 г. (ст. 91). Но въ 1883 г. она перенесена въ Уложеніе о Наказаніяхъ, гдѣ она, конечно, совсѣмъ не у мѣста, въ послѣдующихъ изданіяхъ Цензурнаго Устава (1886 и 1890 г.) она исключена.

Изъ этого, далеко не полнаго, перечня цензурныхъ постановленій, явствуетъ, что врядъ ли можно найти такое литературное произведеніе, которое нельзя было бы подвести подъ ту или другую запретительную статью Цензурнаго Устава и что, руководствуясь ими, можно, какъ говорилъ цензоръ Глинка про Цензурный Уставъ 1826 г., самое „Отче Нашъ" истолковать якобинскимъ нарѣчіемъ. Правда, можно найти другія статьи, основываясь на которыхъ авторъ или редакторъ могъ бы, пожалуй отстаивать свои права. Такъ напримѣръ, — и это самое важное, онъ могъ бы возбудить вопросъ, для кого обязательны всѣ только что преведенныя постановленія Цензурнаго Устава? Для цензуры ли, разсматривающей произведенія, отданныя на ея предварительный просмотръ, или также для издателей и авторовъ произведеній, печатаемыхъ безъ предварительной цензуры? Цензура, если бы она считала нужнымъ входить въ какія-либо разсужденія съ авторами, была бы поставлена этимъ вопросомъ въ большое затрудненіе, ибо въ законѣ на него нигдѣ нѣтъ прямого отвѣта. Изъ сопоставленія указанныхъ статей съ другими, находящимися въ тѣхъ же отдѣлахъ Цензурнаго Устава, изъ выраженій „не слѣдуетъ допускать къ печати", „не допускаются къ печати", „при разсмотрѣніи сочиненій и т. д.", изъ дѣленія произведеній по объему, потерявшемъ смыслъ послѣ 1865 г., и наконецъ изъ того факта, что всѣ указанныя статьи перешли почти безъ измѣненій въ новыя изданія изъ Цензурнаго Устава 1828 г. а во Временныхъ Правилахъ 1865 года нѣтъ о нихъ упоминанія, — изъ всего этого можно сдѣлать заключеніе, что для книгъ, издающихся безъ цензуры, онѣ не обязательны. Наконецъ, въ мотивахъ къ упомянутому выше закону 1872 г. вошедшихъ вмѣстѣ съ самимъ закономъ въ Полное Собраніе Законовъ, есть прямое указаніе на правильность подобнаго толкованія. Тамъ говорится:

„Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министра Внутреннихъ Дѣлъ..... принялъ во вниманіе, что на основаніи дѣйствующаго нынѣ закона 1865 года сочиненія объемомъ... (выше нормы) въ обѣихъ столицахъ освобождены отъ предварительной цензуры, а затѣмъ пресѣченіе встрѣчающихся въ нихъ злоупотребленій печатнымъ словомъ предоставлено лишь *карательной власти суда* въ предѣлахъ указанныхъ Общимъ Уложеніемъ о Наказаніяхъ и особыми постановленіями упомянутаго закона", — постановилъ отмѣнить судебное производство для дѣлъ о нарушеніяхъ законовъ о печати, замѣнивъ его административнымъ произво-

номъ. Но „предѣлы, указанные Уложеніемъ и особыми постановленіями Закона“ 1865 г. остались (въ теоріи) непоколебленными. Другими словами, для книгъ и журналовъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ условіямъ, обязательно только Уложеніе о Наказаніяхъ, да общая статья 4 Цензурнаго Устава, да еще достаточно суровая статья 82, запрещающая печатать отчеты о засѣданіяхъ земствъ, думъ, дворянскихъ собраній иначе, какъ съ особаго разрѣшенія губернатора, и „вредное направленіе“, за которое ихъ можетъ постигнуть кара, состоитъ только въ неисполненіи этихъ законодательныхъ постановленій. Къ нимъ, правда, нужно прибавить весьма многочисленныя позднѣйшія узаконенія, значительно расширившія рамки „особыхъ постановленій упомянутаго закона“.

Но въ дѣйствительности дѣло стоитъ иначе. Въ то время, какъ статьи запретительныя имѣютъ санкцію въ дискреціонномъ правѣ цензуры, статьи, предоставляющія извѣстныя права писателямъ, не имѣютъ никакой санкціи: жаловаться на цензора онъ только можетъ въ Цензурный Комитетъ, на предостереженіе — никуда и никому, такъ-же какъ и на задержаніе книги или журнала. Ниже мы увидимъ ясныя доказательства того, что министерство внутреннихъ дѣлъ никогда не считало нужнымъ руководствоваться приведенными выше соображеніями. Оно совершенно забыло о томъ толкованіи закона, которое далъ когда то Государственный Совѣтъ, и распространило всѣ стѣснительныя постановленія на всѣ произведенія печати, и нерѣдко карало за ихъ нарушенія.

Но, конечно, въ еще худшемъ положеніи находится журналъ подцензурный: жаловаться можно на Цензурный Комитетъ въ Главное Управленіе по Дѣламъ Печати, на Главное Управленіе министру внутреннихъ дѣлъ, который въ своемъ рѣшеніи руководствуется докладомъ Совѣта Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати. Послѣ жалобы журналистъ остается въ полной власти своего цензора, даже въ томъ случаѣ, если жалоба его будетъ найдена вполнѣ уважительной. Но жалобы эти обставлены такими трудностями, что фактически онѣ почти никогда не приносятся.

Статьею 35 установлено единство цензуры; изъ нея выдѣлена только духовная цензура и цензура для произведеній, касающихся Его Императорскаго Величества и Особъ Императорской Фамиліи[26]). Въ полное противорѣчіе съ нею

[26]) Въ нашемъ изложеніи мы ограничиваемся общей (свѣтской) и при томъ

ст. 40, впервые включенная въ Цензурный Уставъ 1886 г. постановляетъ, что

Цензура медицинскихъ сочиненій, народныхъ лечебниковъ, поваренныхъ, кондитерскихъ и т. п. книгъ относится къ вѣдѣнію Медицинскаго Совѣта, состоящаго при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ (ср. Учр. Мин., ст. 1332) (а). Правила о разсмотрѣніи и утвержденіи къ печатанію объявленій о продажѣ лекарствъ, о способахъ ихъ употребленія и о врачеваніи болѣзней изложены въ Уставѣ Врачебномъ.

А такъ-же ст. 41, постановляющая, что разсматриваніе всякаго рода афишъ и мелкихъ объявленій возлагается на мѣстныя полицейскія начальства.

Сверхъ того есть ст. 113, которая гласитъ:

только внутренней цензурой, и совершенно не касаемся дѣятельности цензуры иностранной, равно какъ театральной и духовной. Между тѣмъ эта послѣдняя играла, особенно по временамъ, довольно крупную роль въ исторіи нашей свѣтской журналистики. Дѣло въ томъ, что ея вѣдѣнію подлежатъ далеко не одни только „книги собственно духовнаго содержанія" (ст. 31 Ценз. У.). Напротивъ, если „въ сочиненіи нравственномъ встрѣтятся мѣста совершенно духовнаго содержанія, относящіяся или къ догматамъ вѣры или къ Священной исторіи, то свѣтская цензура передаетъ оныя, отдѣльно отъ прочаго, на утвержденіе духовной цензуры и поступаетъ сообразно ея заключенію" (ст. 32). Благодаря этому, духовная цензура считала себя въ правѣ требовать на свой предварительный просмотръ такія книги, какъ „Душа человѣка и животныхъ" Вундта, „Исторія раціонализма въ Европѣ" Лекки, и ихъ издатели (Н. Гайдебуровъ и Поляковъ) попадали на скамью подсудимыхъ за то, что издавали эти книги безъ предварительной цензуры. Вторая изъ этихъ книгъ была запрещена именно духовной цензурой. (Замѣчательныя защитительныя рѣчи г-на Спасовича по этимъ двумъ процессамъ см. въ его „Сочиненіяхъ", т. V. СПБ. 1894, стр. 3—16 и 201—223. Первый процессъ цѣликомъ напечатанъ также въ приложеніи къ I-му изданію книги Вундта, СПБ. 1867 г.). Дѣятельность духовной цензуры опредѣляется статьями 214—302 Цензурнаго Устава, представляющими обломки Цензурнаго Устава 1828 года, пережившіе періодъ реформъ. Въ то время, когда для свѣтской цензуры постановлено, что она „не дѣлаетъ привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ" (ст. 106) и „не должна поправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи" (ст. 111) въ то время духовная цензура руководствуется постановленіями такого рода:

260. Но сочиненія большія и малыя съ большими недостатками въ основательности мыслей, чистотѣ христіанскихъ чувствъ, оборотѣ слога, ясности и правильности изложенія, противны образованнымъ, безполезны необразованнымъ и вредны образующимся, и потому не должны быть одобряемы.

269. Переводы вообще не одобряются по важнымъ недостаткамъ изложенія, какъ-то: темнотѣ, погрѣшностямъ, нечистотѣ языка и безразсуднымъ опущеніямъ, нарушающимъ связь сочиненія.

Возможно, слѣдовательно, что книгу Лекки цензура запретила, найдя погрѣшности въ языкѣ перевода.

При цензированіи статей, касающихся частей: военной, судебной, финансовой и предметовъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Цензоры обязаны руководствоваться особо изданными наставленіями.

Особыя постановленія эти никогда не были опубликованы, но фактически, въ особенности въ провинціи, цензора обыкновенно посылаютъ всякую газетную замѣтку, касающуюся какого либо судебнаго процесса — къ прокурору, касающуюся финансовъ, войска или полиціи — къ соотвѣтственнымъ властямъ. Мы говорили уже о требованіи особой губернаторской цензуры для отчетовъ о засѣданіяхъ думъ и земствъ, (ст. 82), цензуры весьма затруднительной для органовъ, издающихся не въ той губерніи, гдѣ происходитъ описываемое засѣданіе.

И не смотря на все это, съ изданіемъ Временныхъ Правилъ 1865 года или нѣсколько раньше этого времени, для русской печати наступила новая эпоха.

Тутъ дѣло было не въ законахъ, а въ практикѣ. Законы давали неограниченный просторъ произволу властей, а на практикѣ требованія времени создавали этому произволу нѣкоторую узду.

§ IV.

Однако, новый періодъ наступилъ только для столичной печати; провинціальная осталась подъ дѣйствіемъ тѣхъ-же николаевскихъ законовъ и находилась подъ административнымъ, ничѣмъ не ограниченнымъ, кромѣ собственнаго произвола, воздѣйствіемъ различныхъ чиновниковъ; въ одномъ отношеніи положеніе было даже хуже. Прежде при ничтожномъ количествѣ печатныхъ органовъ и при томъ вниманіи, которое верховная власть удѣляла на каждый изъ нихъ, — всякое серьезное административное дѣйствіе исходило отъ нея или могло быть доведено до ея свѣдѣнія. Между тѣмъ теперь органы печати размножились не только въ столицахъ, но и въ провинціи, и каждый изъ нихъ находился подъ исключительнымъ, de facto безконтрольнымъ воздѣйствіемъ низшихъ чиновниковъ, очень часто лично заинтересованныхъ въ томъ, чтобы та или другая статья не прошла, чтобы тотъ или другой органъ погибъ. Такимъ образомъ, по существу положеніе громаднаго большинства русскихъ періодическихъ изданій въ 70-хъ годахъ было приблизительно то-же самое, что и въ 40-хъ годахъ, такимъ же оно осталось и въ 90-хъ годахъ. Конечно, „вѣянія“ отразились и

на нихъ, но гораздо слабѣе и позже, чѣмъ на сравнительно небольшомъ количествѣ изданій столичныхъ.

Въ 1878 г. въ Тифлисѣ издавалась газета „Обзоръ“, одно изъ наиболѣе живыхъ провинціальныхъ изданій, когда-либо существовавшихъ въ Россіи. Въ двухъ №№ ея были помѣщены три статьи, цѣликомъ или отчасти запрещенныя цензоромъ г-мъ Сулейманомъ Ханомъ Меликъ-Меграбовымъ. За это редакторъ газеты. Н. Я. Николадзе, попалъ подъ судъ по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1029 Уложенія о Наказаніяхъ. Полный стенографическій отчетъ о разборѣ этого дѣла въ Тифлисскомъ Окружномъ Судѣ, потомъ въ Тифлисской Судебной Палатѣ, былъ напечатанъ особой книжкой подъ заглавіемъ: „Первый процессъ Обзора. Изданіе Центральной Книжной Торговли. Тифлисъ 1879 г.“ Основываясь на данныхъ этого процесса, мы набросаемъ здѣсь въ общихъ и по возможности краткихъ чертахъ положеніе провинціальной печати, съ замѣчательной яркостью вскрытое на судѣ въ талантливыхъ рѣчахъ подсудимаго и любопытныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ цензоровъ. Надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если въ изложеніи процесса мы позволимъ себѣ нѣсколько выйти за предѣлы задачи: процессъ достаточно интересенъ для этого съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ частности съ одной, спеціально насъ здѣсь касающейся. На обратной сторонѣ титульнаго листа книги помѣчено: „Дозволено цензурою. Тифлисъ, 29-го мая 1879 г.“ Въ этой книжкѣ изложенъ только первый процессъ въ двухъ инстанціяхъ, а между тѣмъ дѣло имъ не закончилось. Приговоръ Палаты былъ кассированъ, преступленіе Николадзе разбиралось вторично. Сколько нибудь полнаго изложенія этого второго разбора мы не найдемъ нигдѣ въ печати, и не найдемъ, конечно, не потому, чтобы онъ не достаточно интересовалъ публику. Мало того. „Первый процессъ“, давно ставшій библіографической рѣдкостью, не могъ бы теперь вновь пройти черезъ цензуру. Такимъ образомъ, этотъ незаконченный отчетъ служитъ однимъ изъ характерныхъ памятниковъ той сравнительной свободы, которою пользовалась наша печать въ 1879 году, какъ ни странно говорить о свободѣ въ виду тѣхъ стѣсненій, о которыхъ сейчасъ пойдетъ рѣчь.

Запрещенію Меликъ-Меграбова подверглись прежде всего нѣкоторыя мѣста въ фельетонѣ „Воскресныя бесѣды“. Вотъ краткое содержаніе фельетона, выставленное въ его заголовкѣ:

«Мысли по поводу быстрой наживы благодаря войнѣ. — Легко ли наживать милліоны. — Типичная исторія одной наживы. — *Сколько собакъ* дворника приходится ласкать подрядчику. — Изъ чего состоять рубли нажитого милліона?»... и т. д. (Курсивомъ мы печатаемъ слова, подвергшіяся запрещенію цензора).

Фельетонъ начинается съ разсказа о томъ, какъ трудно было во время войны жаждущему наживы аферисту добиться какого нибудь подряда. «Подобно Молчалину вы осуждены ласкать и кормить»... «собаку дворника, — чтобы ласкова была».

«Всѣ пріемщики, надсмотрщики, смотрителя, столоначальники отдѣленій, etc., etc., — а имя имъ легіонъ легіоновъ — взираютъ на васъ съ сугубою пронзительностью. Вы всѣхъ ихъ должны *не только накормить, но и* обворожить, не только озолотить, но и привязать къ себѣ на вѣки. Вы должны узнать мельчайшія тайны каждаго изъ нихъ, познакомиться съ ихъ чувствительною стрункою, найти дорогу къ ихъ «неподкупности». *Не угодно ли прослѣдить, какіе вкусы у ихъ женъ, чего желаютъ ихъ любовницы, о чемъ мечтаютъ ихъ ребятишки, и не угодно ли обдумать, какъ и чѣмъ удовлетворить всѣ эти аппетиты*»...

О вашей же «неисправности» *гремятъ штабные, которыхъ вы считали удовлетворенными. О ней же извергаетъ перуны и начальникъ, даже онъ*.... Вы все это обязаны глотать. Въ смущеніи вы оглядываетесь по сторонамъ. Вотъ солдатъ, минуту тому назадъ проклинавшій вашу алчность, вытянулся какъ сухожиліе и отдалъ Богу душу, унеся съ собою жалобу на васъ.... *Всѣ безконечныя муки, съ рожденія доставшіяся въ удѣлъ этому безвѣстному пасынку жизни, все, что онъ перенесъ въ деревнѣ, въ караулѣ, въ походѣ, все это вылилось и отпечаталось въ его предсмертныхъ судорогахъ*»...

«Да, читатели, прошлый годъ создалъ въ нашемъ отечествѣ не мало лицъ, съ которыми придется считаться будущимъ поколѣніямъ. Мы съ вами видѣли примѣры *чудотворнаго* обогащенія такихъ бѣдняковъ, которые два года тому назадъ не могли купить себѣ даже рижской сигары... *О прочихъ можно думать по этимъ образцамъ*»...

Такимъ образомъ въ заголовкѣ „***сколько собакъ*** дворника приходится ласкать подрядчику“ были запрещены цензоромъ два первыхъ слова и оставлена безсмысленная фраза „дворника приходится ласкать подрядчику“. Во фразѣ „вы всѣхъ ихъ должны ***не только накормить, но и*** обворожить“ вычеркнуты слова „***не только накормить, но и***“ и т. д.

Вторая замѣтка, помѣщенная въ обзорѣ мѣстной жизни, была запрещена цензоромъ цѣликомъ. Въ ней говорилось, что нѣсколько подрядчиковъ поднесли бывшему интенданту кавказской арміи, генералъ-лейтенанту Шульману, серебряную чернильницу; чернильница изображаетъ изъ себя два мѣшка, изъ которыхъ сыплется крупа и пшеница; вокругъ мѣшка снуютъ, точно живыя, изящно вырѣзанныя крысы.

«Нужно отдать полную справедливость, говорилось въ статьѣ, вкусу заказчиковъ, сумѣвшихъ вылить свою мысль въ чисто поэтическій образъ, и искусству фабриканта»...

Наконецъ, въ третьей статьѣ: „Кесарево кесареви“ была запрещена одна половина, вызвавшая на судѣ слѣдующій діалогъ.

Николадзе. Прошу прочесть послѣднія строки дозволеннаго къ печати отрывка.

Секретарь читаетъ: «Нижеслѣдующіе отрывки взяты нами изъ статьи „Итоги“, напечатанной въ „Современникѣ“, по поводу выхода перваго нумера этого журнала, послѣ освобожденія его отъ предварительной цензуры».

Николадзе. Что-же дальше этого слѣдуетъ?

Секретарь. «Дальше слѣдуетъ запрещенное цензурою окончаніе статьи».

На судѣ выяснилось, что г. Меликъ-Меграбовъ — цензоръ для произведеній на восточныхъ языкахъ, которому только временно было поручено цензурованіе русской газеты вопреки прямому предписанію ст. 139 Цензурнаго Устава[27]), гласящей, что на Кавказѣ „одинъ изъ цензоровъ исключительно занимается цензурою на русскомъ, а другой на мѣстныхъ и восточныхъ языкахъ“. „На сихъ цензоровъ, говорится въ той же статьѣ далѣе, распространяется правило, въ ст. 24 постановленное“. Ст. 24 гласитъ: „въ цензоры.... могутъ быть опредѣлены только чиновники, получившіе образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или инымъ способомъ пріобрѣвшіе основательныя въ наукахъ свѣдѣнія, если они, притомъ, достаточно ознакомлены съ историческимъ развитіемъ и съ современнымъ движеніемъ отечественной или иностранной словесности, смотря по назначенію каждаго“[28]).

Г-нъ Меликъ-Меграбовъ окончилъ курсъ въ Лазаревскомъ институтѣ, но по мнѣнію Николадзе ничѣмъ не доказалъ своего „основательнаго“ знакомства съ русской литературой; по крайней мѣрѣ, онъ могъ вычеркивать упоминанія о генералѣ Бетрищевѣ, очевидно, „полагая, что это какой-нибудь тузъ великаго князя главнокомандующаго (я не оскорблю васъ, господа судьи, прибавляетъ Николадзе, сообщеніемъ, что генералъ Бетрищевъ — герой гоголевскихъ „Мертвыхъ Душъ“)[29]). Если не смотря на это, знакомство съ ли-

[27]) По продолженію 1876 г. Въ настоящее время статья эта перенесена въ Учрежденіе Управленія Кавказскаго Края.

[28]) Ст. 25 по изд. 1890.

[29]) Николадзе говоритъ нѣсколько неопредѣленно „о цензорахъ“, запрещающихъ упоминаніе о генералѣ Бетрищевѣ, но, повидимому, это указаніе относится именно къ г. Меликъ-Меграбову, а не къ какому-либо другому изъ кавказскихъ цензоровъ. Въ приложеніи къ „Первому Процессу“ помѣщено письмо г. Меликъ-Меграбова къ редактору „Тифлисскаго Вѣстника“ по поводу этого дѣла. Слогъ, которымъ написано письмо, служитъ блестящимъ доказательствомъ полнѣйшаго

ературой можетъ считаться вопросомъ спорнымъ, то первое ребованіе Устава (о распредѣленіи цензурныхъ обязанностей между двумя цензорами), точное и строго формальное, е допускаетъ, казалось бы, ни „обманчиваго непостоянства амопроизвольныхъ толкованій", ни уклоненій. Вызванный а судъ въ качествѣ свидѣтеля предсѣдатель Кавказскаго Цензурнаго Комитета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гурцеладзе, такъ объяснилъ это нарушеніе закона.

Обвиняемый (обращаясь къ свидѣтелю). Имѣли ли вы право дѣать распоряженіе, явно противорѣчащее 139 ст. Устава Цензурна-о? (поручить цензору восточныхъ языковъ цензированіе русской азеты).

Свидѣтель. Начальникъ главнаго управленія Намѣстника Кавказкаго приказалъ мнѣ поручить цензированіе «Обзора» г-ну Меликъ-Меграбову, потому что должность русскаго цензора была вакантна.

Обвиняемый. Я желаю спросить свидѣтеля, основательно долженствующаго знать цензурные законы, имѣлъ ли право г. начальникъ лавнаго управленія Намѣстника дѣлать такое распоряженіе?

Свидѣтель. Г-нъ Николадзе очень хорошо знаетъ, что у меня не ыло цензора русскаго языка и что великій князь повелѣлъ временно поручить мнѣ кому-нибудь исполненіе этой обязанности. Распоряженіе великаго князя, какъ вамъ хорошо извѣстно, г-нъ Никоадзе, обязательны для комитета.

Обвиняемый. Я спрашиваю, имѣется ли, по крайней мѣрѣ, письменное повелѣніе великаго князя или предписаніе начальника главнаго управленія?

Свидѣтель. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы словесно.

Обвиняемый. Я вновь задаю вопросъ: какъ полагаетъ свидѣтель, предсѣдатель цензурнаго комитета, могутъ ли законы Россійской Имперіи и надлежащимъ образомъ обнародованныя Высочайшія повелѣнія быть отмѣняемы распоряженіями Намѣстника Кавказскаго или начальника его главнаго управленія, а тѣмъ болѣе словесными приказаніями?»

На этомъ подсудимый былъ остановленъ предсѣдателемъ суда.

Мы видѣли уже, какого рода произведенія подвергались запрещенію г. Меликъ-Меграбова; мы видѣли также, какъ соблюдались на Кавказѣ постановленія Цензурнаго Устава. Теперь посмотримъ на тѣ порядки, которые господствовали въ отношеніяхъ между цензурою и редакторами.

„Законъ, разсказываетъ г. Меликъ-Меграбовъ, предоставляетъ цензурному комитету установлять порядокъ разсмотрѣнія статей. Но мы, снисходя, къ молодости мѣстной печати, позволяли ей представлять статьи почти во всякое время, потому что безъ этого редакціи лишены были бы

незнакомства г. Меликъ-Меграбова не только съ русской литературой, но и съ русскимъ языкомъ.

возможности выпускать нумера своевременно. Приходилос
намъ принимать листы далеко за полночь, а отъ редакто-
ровъ иногда въ 3, въ 4 часа утра. Цензурные листы воз-
вращаются, обыкновенно, черезъ часъ, черезъ полтора по
полученіи ихъ цензоромъ".

Итакъ, только по снисходительности цензоровъ редакціи
провинціальныхъ изданій имѣютъ возможность выпускать га-
зеты своевременно. На судѣ прокуроръ, настаивая на этой
снисходительности, охотно признавалъ нѣкоторую „стран-
ность" рѣшеній г. Меликъ-Меграбова, но усердно рекомен-
довалъ редакторамъ легальные протесты противъ нихъ и
имъ подобныхъ цензурныхъ запрещеній. „Защита скажетъ
можетъ быть, — говорилъ онъ, — что жаловаться некогда, что
листы отъ цензора возвращаются ночью, передъ самымъ
выпускомъ въ свѣтъ газеты. Повидимому это дѣйствительно
такъ, но въ этомъ виновата исключительно только редакція
Время возвращенія статей отъ цензора зависитъ отъ вре-
мени доставленія ему этихъ статей. По 76 ст. Цензурнаго
Устава статью ежедневной газеты цензоръ можетъ продер-
жать не долѣе сутокъ, а потому стоитъ только послать ему
статьи за нѣсколько сутокъ до дня, назначеннаго для ихъ
напечатанія, то и будетъ время для обжалованья. Между
тѣмъ редакція, пользуясь снисхождиніемъ цензора, не тре-
бовавшаго соблюденія суточнаго срока, посылала ему статьи
только вечеромъ и даже ночью предъ самымъ выходомъ №
При этомъ, какъ видно изъ настоящаго дѣла, цензоръ на
статьяхъ, въ которыхъ онъ находилъ невозможнымъ пропу-
стить только отдѣльныя выраженія, дѣлалъ надпись: «доз-
волено съ исключеніями». Въ сущности подобная надпись
вовсе закономъ не установлена. Ст. 91 Цензурнаго Устава
говоритъ, что когда въ статьѣ заключаются отдѣльныя мѣ-
ста или выраженія, противныя правиламъ цензуры, то цен-
зоръ, отмѣтивъ ихъ красными чернилами, предоставляетъ
сочинителю исключить или перемѣнить ихъ, а потомъ уже
надписываетъ дозволеніе печатать. Слѣдовательно, статья
въ которой, по мнѣнію цензора, не можетъ быть напечата-
но хотя бы одно выраженіе, возвращается автору только съ
отмѣткою, и авторъ или долженъ статью вовсе не печа-
тать, или долженъ исправить отмѣченное мѣсто и вновь
представить статью цензору, который только тогда даетъ
дозволеніе".

Такимъ образомъ прокуроръ рекомендовалъ редакціямъ
писать и посылать въ цензуру газетныя статьи за несколь-
ко сутокъ до выхода въ свѣтъ того №, для котораго онѣ

редназначаются. И это требованіе дѣйствительно строго огично вытекаетъ какъ изъ Цензурнаго Устава, такъ и зъ цензурной практики. Николадзе въ своей защитительой рѣчи въ Окружномъ Судѣ, разобравъ подробно Цензурый Уставъ и цензурную практику, указалъ, что нарушенія Цензурнаго Устава со стороны властей не ограничиваются езаконнымъ назначеніемъ цензора, онъ указалъ и доказалъ, то Цензурнымъ Уставомъ не руководствуется ни высшее равительство, ни сами цензора[30]).

«Почему же, когда всѣ и цензора, и цензурный комитетъ и т. д. оминутно нарушаютъ цензурныя правила, мы, журналисты, должы религіозно повиноваться имъ? Почему это, ради всѣми обходиыхъ, всѣми забываемыхъ, всѣми нарушаемыхъ «цензурныхъ праилъ», обязанъ я подчиняться невѣроятнымъ капризамъ цензуры и исать: „дворника приходится ласкать подрядчику", вмѣсто „скольо собакъ дворника?" Этого я, право, не понимаю. . . . Вы видѣли, эспода судьи, что я имѣлъ и имѣю полное право не признавать -на Меликъ-Меграбова цензоромъ „Обзора". Точно такъ же, какъ еня нельзя судить за то, что я не подчиняюсь цензорскимъ поолзновеніямъ перваго встрѣчнаго, точно также нельзя меня обвиять въ нарушеніи закона потому только, что я не подчинился аспоряженіямъ г-на Меликъ-Меграбова, который по отношенію къ усской газетѣ „Обзоръ" является не цензоромъ, а постороннимъ ицомъ. Но, указавъ на эту сторону дѣла и противопоставивъ форальнымъ основаніямъ обвиненія такое же точно формальное основаніе защиты, я не желаю долѣе останавливаться на формальноляхъ, а перейду къ сущности дѣла».

Но далѣе Николадзе доказалъ, что редакторъ и не моетъ исполнять Цензурнаго Устава, иначе ему пришлосьы закрыть газету. „Если-бы отъ насъ, говорилъ онъ, тре-

[30]) Николадзе указалъ между прочимъ и на то, что нѣкоторыя, совсѣмъ старѣлыя статьи Цензурнаго Устава, обходятся не только въ ущербъ литераурѣ, но иногда и въ ея пользу. Такъ, если-бы правительство держалось ст. 53 Уложенія о Наказаніяхъ, о которой у насъ была рѣчь выше, то пришлось ы предать суду и наказать повѣшеніемъ не только всѣхъ нашихъ редакторовъ,) и самого министра внутреннихъ дѣлъ, потому что въ издаваемомъ подъ его аблюденіемъ и руководствомъ „Правительственномъ Вѣстникѣ" постоянно печаались во время войны манифесты, воззванія, прокламаціи Оттоманской порты, мѣющіе характеръ безспорно „возмутительный". Точно также статья, запрещаищая распубликованіе по однимъ слухамъ правительственныхъ мѣръ, пока онѣ е объявлены законнымъ образомъ, давно уже не имѣетъ никакого значенія, и толичные и даже провинціальные органы свободно обходятъ ее. (Впослѣдствіи, акъ мы увидимъ, были напоминанія со стороны цензуры о необходимости союдать ее). Но, конечно, гораздо чаще случаи нарушенія цензурныхъ законовъ ъ ущербъ литературѣ. Такъ статья Цензурнаго Устава (нынѣ Уложенія о Наазаніяхъ), предоставляющая право свободной критики законовъ, обходится дае въ столицахъ, въ провинціи же прямо и грубо нарушается.

бовалось только соблюденіе статьи 3 (нѣнѣ 4) Цензурнаго Устава, въ которой указано, что подлежитъ запрещенію цензуры, то съ нашей стороны не было бы рѣшительно никакихъ жалобъ, ни нарушеній. Но Цензурный Уставъ, не ограничиваясь постановкою такихъ рамокъ, создаетъ дискреціонную власть цензоровъ, и надъ нами тяготѣетъ уже не законъ, уже не извѣстныя, разъ на всегда или на долго опредѣленныя рамки, а личный произволъ господъ цензоровъ, или, какъ выразился г-нъ товарищъ прокурора, ихъ «личное усмотрѣніе», о которомъ впрочемъ, рѣшительно ничего не говорится ни въ цензурномъ, ни въ какомъ другомъ уставѣ. Когда-же, независимо отъ законовъ, тяготѣетъ надъ нами личный капризъ и когда этому личному капризу мы не можемъ противопоставить закона, обуздывающаго, но не охраняющаго насъ, мы имѣемъ полное право противопоставить капризу цензоровъ“. . . . печатаніе неразрѣшенныхъ статей.

Окружный Судъ удалился для совѣщанія и черезъ полчаса вынесъ совершенно неожиданную резолюцію: „редактора газеты «Обзоръ», Николадзе, по обвиненію въ напечатаніи запрещенныхъ цензурою отрывковъ, считать по суду оправданнымъ“.

Дѣло по жалобѣ прокурора было перенесено въ Палату. Въ своей защитительной рѣчи, произнесенной тамъ, Николадзе сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Я, господа судьи, въ своей дѣятельности всегда строго держался легальности. Но легальная борьба возможна только тамъ, гдѣ все подданные безъ исключенія принуждены почтительно склонять голову передъ независимымъ и неприкосновеннымъ закономъ. То-ли видимъ мы у насъ? Разбираемое вами дѣло лучше всего пояснитъ мою мысль. Вы видѣли, господа судьи, какимъ образомъ цензура, напримѣръ, обходитъ и безнаказанно нарушаетъ велѣнія закона, какъ только она убѣждается, что законъ этотъ хоть на волосъ облегчаетъ положеніе оппозиціонной печати.

«Ст. 1029 Уложенія о Наказаніяхъ давала мнѣ возможность въ нѣкоторыхъ, замѣтьте, безобидныхъ случаяхъ печатать искаженныя цензурою невинныя статьи, подвергая меня за это денежному взысканію въ 500, 100 и 200 р. Но цензурѣ и администраціи не понравилась эта статья. . . . И вотъ, эта статья для меня вычеркнута изъ закона, вычеркнута тѣмъ, что къ типографіи приставлена полицейская стража, препятствующая мнѣ,—вѣроятно въ интересахъ моего кармана, — печатать запрещенныя цензурою безобидныя мѣста моихъ статей...

«Гласный судъ, покамѣсть, составляетъ у насъ единственную силу, могущую создать необходимое для государства уваженіе къ законамъ, могущую — въ извѣстной, по крайней мѣрѣ, степени — положить предѣлъ посягательствамъ каждой изъ борющихся сторонъ на извращеніе закона. Поэтому я вполнѣ убѣжденъ, гг. судьи, что вы

э внемлете увѣщаніямъ г. товарища прокурора и своимъ оправда-
льнымъ приговоромъ напомните всѣмъ, что законъ существуетъ,
и долженъ существовать, для всѣхъ сторонъ, а не только для об-
данія слабѣйшей.

«Въ прежнія времена, лѣтъ 25 тому назадъ, еще можно было
рактиковать систему „всеобщаго молчанія". Но теперь система эта
эшительно не пригодна. Теперь, когда гласный судъ, городское и
мское самоуправленіе и печать положили закваску работы обще-
венной мысли, и когда развитіе путей сообщенія, почтъ и теле-
рафа до-нельзя облегчило обмѣнъ той-же мысли, никакія стѣсненія
ечати не помогутъ въ достиженіи химерической цѣли — добиться
режняго молчанія и слѣпого довѣрія общества. Вѣдь теперь не-
ать безгласна: въ ней нѣтъ отклика на важнѣйшіе вопросы жиз-
и, интересующіе и волнующіе современное общество. Что-жъ, раз-
ѣ, поэтому, въ этомъ обществѣ не идутъ толки, не распространя-
тся съ быстротою молніи, изъ конца въ конецъ страны, всякія
овости и извѣстія, не находящія себѣ мѣста въ стѣсненной печа-
и? Развѣ все общество, даже въ наиболѣе заброшенныхъ закоул-
ахъ нашей отдаленной окраины, не знаетъ всего того, что отъ не-
стараются скрыть гг. цензора? Сравните общераспространенныя
публикѣ извѣстія и мысли съ безгласностью нашихъ и столич-
ыхъ газетъ и скажите по совѣсти, достигаютъ ли цѣли всѣ эти
ѣсиѣнія печати? Къ чему ведетъ это систематическое противу-
ѣйствіе естественному росту общественнаго организма, какъ не
ожесточенію однихъ и къ ослабленію другихъ? Во всякомъ об-
ествѣ, господа, на ряду съ довольными и счастливыми членами,
мѣются и недовольные. Мыслимъ ли былъ бы общественный про-
ессъ безъ существованія такихъ элементовъ? Для мирнаго разви-
я страны желательно и необходимо, чтобы эти элементы имѣли
озможность проявлять свои стремленія и доказывать свои убѣжде-
я. Когда элементы эти находятъ въ свободной печати возмож-
ость пропагандировать свои мысли и стремленія, въ нихъ ожива-
ть надежда на будущность и вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывается и
рпимость. Они убѣждаются, что всего сразу не передѣлаешь, что
сѣхъ сразу не убѣдишь, и ждутъ десятки лѣтъ, не бросаясь въ
райность и не компрометируя выходками кропотливаго труда вре-
ени. Но когда эти жизненые элементы поневолѣ убѣждаются, что
мъ не оставлено ни малѣйшаго мѣста на аренѣ открытой и ле-
льной борьбы за убѣжденія, куда-же вы имъ прикажете дѣться,
акъ не въ область подпольной дѣятельности, для всѣхъ такъ неже-
тельной? Чѣмъ больше стѣсняется область, доступная свободному
бсужденію печати, тѣмъ шире и легче становится поприще под-
льной дѣятельности, потому что и почва этой послѣдней, и ея
лы, и ея удобства созидаются, развиваются и поддерживаются
ѣсненіемъ мысли человѣческой.

«Настоящій процессъ, гг. судьи, есть отголосокъ положенія дѣлъ,
перь значительно измѣнившагося. Теперь, господа, мѣстная пе-
ть убита. „Обзоръ" пріостановленъ. Прочія мѣстныя газеты еле-
е переводятъ дыханіе. Происходитъ это отъ того, что въ то са-
ое время, когда все наше общество обуреваемо массой первосте-
нныхъ вопросовъ жизни, мѣстная печать не имѣетъ возможности
зываться на эти вопросы. Понятное дѣло, что читающее общест-
не интересуется тѣми банальностями, о которыхъ только и можно
исать теперь у насъ. Я не знаю, для чего и для кого нужна, кому
лезна эта дискредитація печатнаго слова, не знаю, кто выигрюва-

етъ въ той кромѣшной тьмѣ, которую водворила надъ нами ценз
ра. Но достойно сожалѣнія, что одинъ изъ представителей гласна
суда, г. товарищъ прокурора судебной палаты, въ виду этой борьб
и этого положенія дѣлъ, забывая традиціи гласности и гласнаго с
да, такъ рѣшительно становится на сторону тѣхъ, кто умерщвляет
литературу, отдавая ее скованною въ распоряженіе г. г. Мелик
Меграбовыхъ, Гордіевскихъ и компаніи. Я убѣжденъ, что не та
отнесетесь къ дѣлу вы, господа судьи. Въ окружномъ судѣ я пр
силъ вынести мнѣ оправдательный приговоръ, въ которомъ я в
дѣлъ первый шагъ къ освобожденію провинціальной печати. С
тою же самою просьбою и надеждою обращаюсь я теперь къ вам
прося утвердить вашимъ авторитетомъ оправдательный пригово
вынесенный мнѣ окружнымъ судомъ...

Послѣ совѣщанія, длившагося 4½ часа, предсѣдатель суд
объявилъ столь-же неожиданную резолюцію палаты: „приг
воръ окружнаго суда утвердить, оставивъ безъ послѣдстві
протестъ товарища прокурора".

Такимъ образомъ принципъ свободы печати, не той по
ной свободы, о которой и не мечтаетъ русская печать,
относительной свободы отъ неограниченнаго произвола н
вѣжественныхъ цензоровъ, стремленіе подчинить печать з
кону 6 апрѣля 1865 г., дѣйствующему въ столицахъ, оде
жалъ побѣду. Однако, побѣда не была прочна: пригово
былъ кассированъ и при новомъ разбирательствѣ Николадз
признанъ виновнымъ и приговоренъ, правда, къ ничтожном
наказанію — штрафу въ 10 руб. Итакъ, судъ призналъ, ч
цензура можетъ запрещать статьи, сами по себѣ не состав
ляющія нарушенія цензурныхъ правилъ, и что распоряже
ніе цензуры обязательно для автора, хотя бы ея представи
телемъ было лицо, назначенное чьимъ-то словеснымъ прика
заніемъ. Кромѣ того, Николадзе былъ высланъ въ админи
стративномъ порядкѣ изъ Тифлиса, а газета его нѣскольк
ранѣе была запрещена. Такимъ образомъ оправданіе Нико
ладзе послужило не первымъ шагомъ къ освобожденію пр
винціальной печати, а лишь поводомъ для нѣсколькихъ мѣр
въ духѣ обузданія.

Таково было положеніе провинціальной печати во вс
время Александра II. Зарю лучшаго будущаго для не
равно какъ и для печати столичной, предвѣщали событі
послѣдняго года его царствованія.

§ V.

Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ 5 февраля 1880 г. побудил
испуганное правительство создать для борьбы съ крамоло
верховную распорядительную коммиссію, во главѣ которо

ылъ поставленъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, уже из-
ѣстный нѣкоторыми либеральными мѣропріятіями въ управ-
явшемся имъ Харьковскомъ генералъ-губернаторствѣ. Че-
езъ нѣсколько мѣсяцевъ (августъ 1880 года) Лорисъ-Мели-
овъ смѣнилъ Макова на посту министра внутреннихъ дѣлъ.
Імъ были пущены въ ходъ для борьбы съ крамолою мѣры
е совсѣмъ обычныя: не полицейская расправа, или лучше
казать не только полицейская расправа, а рядъ уступокъ
бществу, долженствовавшихъ его умиротворить. Въ числѣ
рочихъ было нѣкоторое ослабленіе цензурныхъ тягостей.
Іо это ослабленіе пока не выходило за предѣлы уже не
азъ практиковавшихся „вѣяній“. Ни одна мѣра для огра-
иченія цензурнаго произвола и для обезпеченія несуще-
твующихъ правъ литературы не была принята въ законо-
ательномъ порядкѣ. Даже тѣ дополненія, которыя были
дѣланы въ 1873 г. и другихъ годахъ къ закону 1865 г. и
даже постановленія Главнаго Управленія, которыя уничто-
кали почти все, что было сдѣлано этимъ закономъ въ поль-
у печати, не были отмѣнены. Тѣмъ не менѣе общество
очувствовало, что наступаетъ другая эпоха; объ этомъ го-
орили на всѣ лады и „Московскія Вѣдомости“ — со злобою
раздраженіемъ, и органы М. М. Стасюлевича („Вѣстникъ
Европы“ и „Порядокъ“)—съ радостью и надеждою, и даже
Отечественныя Записки“, служившія органомъ наиболѣе
крайняго легальнаго радикализма, говорили устами г-на Н.
И. Михайловскаго:

«Говорятъ, у насъ скоро весна будетъ; говорятъ, ласточки уже
рилетѣли и мы начнемъ скоро полною грудью вдыхать свѣжій,
живительный и весенній воздухъ, отъ котораго только чахоточные
мираютъ, а здоровые крѣпнутъ. Гимны веснѣ, въ стихахъ и прозѣ,
же слышатся со всѣхъ сторонъ. Очевидно, во всякомъ случаѣ, что
равительство убѣдилось въ неправильности того пути стѣсненія
ысли и слова, на который его увлекли люди, усердные не по ра-
уму. Тѣмъ не менѣе все, пережитое нами, въ только еще заканчи-
ающійся періодъ тѣсноты, еще слишкомъ свѣжо, чтобы можно бы-
о открыто и безъ всякихъ предосторожностей касаться еще неза-
жившихъ ранъ.... Узда, очевидно, ослабла, а литература въ огром-
номъ большинствѣ только „благодаритъ, пріемлетъ и ни мало вопре-
ки глаголетъ“, обнаруживая въ этомъ направленіи, можетъ быть,
даже излишнее усердіе»[31].

Газета „Порядокъ“, — одинъ изъ органовъ, открывшихся
при болѣе свободныхъ порядкахъ, въ своемъ № 1 (1881 г.)
говорила:

[31]) Литературныя Замѣтки въ „Отеч. Запискахъ“ 1880 г. № 9, стр. 135.

«Возникновеніе нашей газеты вызвано надеждой на лучшее поло-
женіе у насъ печатнаго слова, при чемъ оказалось для публицист
возможнымъ относиться къ своему дѣлу серьезно и искренно».

Улучшеніе въ положеніи нашей столичной печати, гово-
ритъ далѣе газета, несомнѣнно, хотя мы далеко не можем
считать это положеніе еще и теперь таковымъ, но мы на-
дѣемся на лучшее будущее. Нужно замѣтить, однако, чт
улучшеніе коснулось только столичной печати; положені
провинціальной осталось тѣмъ-же, какимъ оно было 50 лѣт
тому назадъ. Далѣе идутъ доказательства этого положенія
Поэтому, говоритъ газета, въ Россіи положеніе столичнаг
органа значительно иное, чѣмъ на западѣ: онъ поневол
долженъ брать на себя функціи, вездѣ и всюду лежащі
на провинціальной печати. Какая нибудь мелкая замѣтка
положеніи вещей въ какомъ нибудь закоулкѣ Россійско
имперіи, врядъ ли заинтересуетъ особенно публику, читаю-
щую столичные органы, но она не можетъ найти помѣще-
нія тамъ, гдѣ это было бы естественно и потому долгъ че-
сти заставляетъ насъ давать мѣсто такой замѣткѣ.

Стоитъ просмотрѣть первый и слѣдующіе №№ „Порядка“
чтобы убѣдиться въ томъ, что тонъ, которымъ говорила эт
газета, былъ бы немыслимъ въ легальной печати ни ранѣе
ни позже, хотя, конечно, ничего революціоннаго въ нем
нѣтъ. Газета только задалась цѣлью служить вѣрнымъ ор-
ганомъ нуждъ отечества, и не выходя изъ предѣловъ пол-
наго уваженія къ правительству, полной вѣры въ его бла-
гія стремленія, только либо указывала на злоупотребленія
совершающіяся нынѣшними агентами власти въ разныхъ мѣ-
стахъ, на тѣ препятствія, которыя стоятъ на пути къ раз-
витію самоуправленія, ставя ему границы въ дѣйствитель-
ности гораздо болѣе узкія, чѣмъ тѣ, которыя указаны зако-
номъ, либо призывала общество къ самодѣятельности, к
легальной борьбѣ за свои, уже признанныя закономъ права

Въ первомъ № газета, въ корреспонденціи изъ Кіева
такъ характеризовала общественное настроеніе въ этом
городѣ въ началѣ 1880 г. „Паника, страхъ, неувѣренност
въ завтрашнемъ днѣ, сикофантство, политическій шантажъ
Не даромъ прошелъ десятокъ политическихъ процессов
масса арестовъ, ссылокъ по суду и еще болѣе безъ суда“..
„Теперь наступило иное время“, говоритъ корреспондент
Въ Харьковѣ (перепечатка изъ „Молвы“) газета отмѣчает
грубое поведеніе предсѣдателя губернской земской управы
въ Твери (изъ „Русскихъ Вѣдомостей“) вмѣшательство уряд-
никовъ въ земскіе выборы и ходатайство Тверского земства

бъ ихъ уничтоженіи; въ Кеми (тоже изъ „Русскихъ Вѣдо-
остей“) тяжелое положеніе административныхъ ссыльныхъ.
Въ слѣдующихъ №№ приводится масса данныхъ о свирѣпо-
тяхъ провинціальной цензуры, запрещающей, напримѣръ,
ъ Кіевѣ давно разрѣшенное и много разъ напечатанное
тихотвореніе Шевченки: „На що мині чорні очи, на що
иині чорні брові“, потому что „въ немъ выражается мрач-
юе настроеніе души автора и еще болѣе мрачный взглядъ
а жизнь“. Тамъ же говорится о голодѣ, господствующемъ
ъ восточной Россіи, о прекращеніи работъ на фабрикахъ,
неразсчетливыхъ продажахъ казенныхъ земель въ Рязан-
кой, Уфимской губерніяхъ, на Кавказѣ разными князьями
губернаторами и т. дал. „Тяжелое впечатлѣніе, говоритъ
ередовая статья въ № 5, производитъ рядъ сегодняшнихъ
нутреннихъ извѣстій нашей газеты: голодъ, усиленіе ни-
щенства и умноженіе преступленій въ Уральскѣ, нищенство
безсиліе благотворительности въ борьбѣ съ голодомъ въ
Оренбургѣ, малоуспѣшность той же борьбы въ Самарѣ, со-
ращеніе фабричнаго производства и упадокъ рабочей пла-
ы въ Московской губерніи, возвращеніе рабочихъ безъ за-
аботка изъ Петербургской — вотъ сколько однородныхъ из-
вѣстій преподносится читателю въ одинъ день“! Въ № 18
сообщается со словъ „Новаго Времени“ фактъ о практикуе-
омъ въ Варшавѣ вскрытіи частныхъ писемъ на почтѣ. Въ
№ 29 сообщается, какъ въ Петербургѣ на Сергіевской ули-
цѣ дворникъ явился на частную квартиру съ авторитет-
ымъ заявленіемъ: „велѣно посмотрѣть, нѣтъ ли кого лиш-
няго“ и произвелъ ночной обыскъ. Если отдѣльные факты
акого рода проскальзывали въ печати и до того, и послѣ
ого, то подобная систематическая борьба съ злоупотребле-
іями неизбѣжно вызвала бы во всякое другое время пре-
достереженіе за „упорствованіе во вредномъ направленіи“.
Какъ образецъ того, что можно было говорить въ этотъ
еріодъ, мы приведемъ разсказъ оренбургскаго прокурора
Павлова-Сильванскаго. Г. Павловъ-Сильванскій, облечен-
ный властью прокурора, снабженный первоначально даже
собыми полномочіями отъ министра, оказался совершенно
езсильнымъ сдѣлать даже то, что долженъ былъ и хотѣлъ
дѣлать. Этого мало. Обвиняемый смотритель, хотя и былъ
даленъ отъ должности, но имѣлъ еще возможность вліять
а ходъ слѣдствія и, въ концѣ концовъ, поступилъ управ-
яющимъ въ имѣніе губернатора. Прокуроръ же, испытавъ
цѣлый рядъ интригъ, угрозъ, сплетенъ, подвергся полицей-
кому обыску безъ соблюденія указываемыхъ на этотъ слу-

чай закономъ формъ, и затѣмъ уволенъ отъ должности, «со
гласно прошенію», котораго, прибавляетъ г. Павловъ-Силь
ванскій, «я никому и никогда не подавалъ». «Что все эт
значитъ? Съ этимъ вопросомъ я поспѣшилъ въ 1875 г. в
Петербургъ, но и до сихъ поръ не нахожу на него отвѣ
та». Такъ заканчиваетъ свой разсказъ г-нъ Павловъ-Силь
ванскій.

Разсказъ этотъ г-нъ Павловъ-Сильванскій помѣстилъ ещ
въ 1878 году въ „Русскомъ Обозрѣніи", но № газеты, „в
которомъ было помѣщено его письмо, просуществовалъ дн
два-три, былъ вслѣдъ затѣмъ изъятъ изъ продажи и отби
рался у торгующихъ газетами[32]). Эпилогъ, достойный все
этой исторіи, столь типичной для только что пережитаг
нами времени". Но въ 1880 г. весь этотъ разсказъ съ по
слѣднимъ замѣчаніемъ объ отношеніи къ нему цензуры был
помѣщенъ въ указанной статьѣ г. Михайловскаго въ „Оте
чественныхъ Запискахъ". Г-нъ Михайловскій заканчивает
свою статью такимъ замѣчаніемъ:

«Если мы въ самомъ дѣлѣ находимся наканунѣ новой эры, т
нуженъ прежде всего свѣтъ, а свѣтъ есть безусловная свобода мы
сли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна без
личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требует
гарантій. Какія это будутъ гарантіи, — европейскія, африканскі
„что Литва, что Русь ли"—не все ли это равно, лишь бы онѣ был
гарантіями. Надо только помнить, что новая эра очень скоро о
ветшаетъ, если народу отъ нея не будетъ ни тепло, ни холодно»...

Графъ Лорисъ-Меликовъ, вскорѣ послѣ назначенія его ми
нистромъ внутреннихъ дѣлъ, пригласилъ къ себѣ редакт
ровъ всѣхъ петербургскихъ журналовъ „съ спеціальною цѣ
лію разъяснить имъ, чтобы они не волновали напрасно об
щественныхъ умовъ, настаивая на необходимости привлече
нія общества къ участію въ законодательствѣ и управлені
въ видѣ ли представительныхъ собраній европейскихъ, в
видѣ ли бывшихъ нашихъ древнихъ земскихъ соборовъ, чт
ничего подобнаго въ виду не имѣется, и что ему, министр
подобныя мечтательныя разглагольствованія прессы тѣм
болѣе непріятны, что напрасно возбуждаемыя ими надежд
въ обществѣ связываются съ его именемъ, хотя онъ, ми
нистръ, никакихъ полномочій на это не получалъ, и сам

[32]) Газета получила кромѣ того предостереженіе. „Русское Обозрѣніе" изд
валось г. Г. Градовскимъ; въ полтора года своего существованія (1876 — 187
оно получило 11 предостереженій и 3 раза было запрещено. Интересная е
исторія разсказана самимъ г. Градовскимъ въ „Русской Старинѣ", 1882
№ 2—3, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Къ исторіи русской печати".

ично въ виду ничего подобнаго не имѣетъ, будучи твердо бѣжденъ, что въ настоящее время самое необходимое, чѣмъ адобно заняться и на что онъ обратитъ все свое вниманіе трудъ — это дать должную силу новымъ учрежденіямъ, же существующимъ, а также привести въ сообразность и армонію съ послѣдними учрежденіями стараго порядка, ви-оизмѣнивъ ихъ, насколько то потребуется для этой цѣли".

Сообразно съ этимъ онъ выставилъ редакторамъ свою рограмму, исполненіе которой, по его словамъ, должно бы-о потребовать 5 — 7 лѣтъ времени. Въ этой программѣ динъ пунктъ касался печати; а именно: графъ Лорисъ-Іеликовъ считалъ необходимымъ „дать печати возможность бсуждать различныя мѣропріятія, постановленія, распоря-кенія правительства, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы она е смущала и не волновала напрасно умы своими помяну-ыми мечтательными иллюзіями".

Другими словами: министръ обѣщалъ предоставить печа-и на дѣлѣ то, чѣмъ она уже пользовалась по закону. И того было достаточно. „Отечественныя Записки", сообщая собесѣдованіи Лорисъ-Меликова съ редакторами, совершен-іо основательно замѣтили, что къ этой программѣ можно тноситься сочувственно или несочувственно, но ей нельзя ткалать въ ясности и опредѣленности. И графъ Лорисъ-Іеликовъ дѣйствительно стремился осуществить ее, хотя алеко не успѣлъ въ этомъ.

Впослѣдствіи въ реакціонной прессѣ не разъ указывали а эпоху графа Лорисъ-Меликова, какъ на эпоху свободы и мѣстѣ съ тѣмъ разнузданности нашей печати. Указаніе то совершенно невѣрно. Мы видѣли уже, что положеніе ровинціальной прессы было тогда ни чуть не лучше, чѣмъ аньше[33]); то-же самое можно сказать о положеніи столич-

[33]) Къ тѣмъ фактамъ, которые были приведены въ текстѣ, мы прибавимъ олько одинъ, но весьма характерный. 26 октября 1880 года въ подцензурной десской газетѣ „Правда" была напечатана замѣтка. Замѣтка эта длинна и ни алѣйшаго интереса не представляетъ; тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе упрека въ еточномъ изложеніи, мы позволяемъ себѣ привести ее цѣликомъ: „Николаевъ частливѣе Одессы! Тамъ, повидимому, менѣе «непредвидѣнныхъ обстоятельствъ», ѣмъ у насъ, въ Одессѣ. Николаевцы, узнавъ о томъ, что въ Одессѣ созывает-ся экстренное засѣданіе думы для обсужденія двухъ вопросовъ, о важности ко-торыхъ мы уже имѣли случай говорить, возымѣли желаніе подать и свой го-лосъ въ подкрѣпленіе ходатайства одесситовъ и безпрепятственно привели это свое желаніе въ исполненіе. 25-го октября, согласно предложенію гласнаго д-ра Прусакова, николаевская дума сдѣлала постановленіе, изложенное въ телеграм-мѣ нашего корреспондента. Но вотъ вопросъ: николаевская дума постановила

ной подцензурной прессы[34]). Безцензурная, какъ мы видѣли пользовалась сравнительно большей свободой. Но свобода эта была все таки весьма и весьма неполная.

присоединиться къ одесскому ходатайству. Какъ же это исполнить, когда оказывается, что присоединяться-то не къ чему, ибо «по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ» никакого ходатайства со стороны Одессы не послѣдовало пока. Лучшимъ исходомъ изъ этого затрудненія было бы измѣненіе постановленія николаевской думы въ самостоятельное, независимое отъ дѣйствій одесскаго муниципалитета. Разъ николаевцы признали солидарность свою съ Одессою въ вопросахъ о «пасынкахъ учебнаго вѣдомства» и о медицинскомъ факультетѣ, то при неблагопріятно сложившихся для одесситовъ обстоятельствахъ имъ остается только принять на себя хлопоты за двоихъ".

Трудно понять, что можно было найти въ этой замѣткѣ. Тѣмъ не менѣе через два дня въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства" было напечатано: „Признавая вреднымъ направленіе газеты «Правда» и находя, что въ замѣткѣ видно стремленіе волновать общество и возбуждать общественныя учрежденія къ дѣйствіямъ, несогласнымъ съ законами, Генералъ Губернаторъ (Дрентельнъ) на основаніи предоставленной ему Высочайшимъ Указомъ власти, постановилъ прекратить изданіе газеты «Правды»". Черезъ нѣсколько времени изъ Петербурга пришло дозволеніе продолжать газету, но со стороны мѣстнаго начальства встрѣтились препятствія и газета больше не выходила.

[34]) Приведемъ одинъ примѣръ, заимствованный изъ „Новаго Времени" 188. года 31 декабря: „Въ Москвѣ издается «Русская Газета» подъ цензурою; по составу она принадлежитъ къ области малой печати. Сегодня полученный нумеръ, конечно, составитъ библіографическую рѣдкость: въ немъ два столбца чистыхъ вмѣсто передовой статьи съ заголовкомъ: «Не печатается по причинамъ независящимъ отъ редакціи и издателей» и въ фельетонѣ 11 столбцовъ тоже чистыхъ съ заглавіемъ «Воскресный фельетонъ» и тоже: «Не печатается по причинамъ, независящимъ отъ редакціи и издателей». Не думаемъ, чтобы для читателей этой газеты пріятно было получать такіе чистые нумера".

Не желая выходить изъ рамокъ нашей темы, мы совершенно не касаемся дѣятельности цензуры по отношенію къ произведеніямъ на иностранныхъ, или хотя на малороссійскомъ языкѣ. Но мы не можемъ не замѣтить здѣсь, что запрещеніе, изданное 18 мая 1876 г.—печатать что бы то ни было, кромѣ беллетристики, сохраняло свою силу и при Лорисъ-Меликовѣ и что Евангеліе на малороссійскомъ языкѣ по прежнему считалось запрещеннымъ. Въ концѣ 188. года нѣкто Александровъ издалъ въ Петербургѣ малороссійскій переводъ книги Іова, но книга была сожжена по распоряженію духовной цензуры (см. „Молва" 1881 г. 21 января).

Приводимъ здѣсь то Высочайше утвержденно распоряженіе Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, которымъ почти вся малороссійская литература, въ томъ числѣ и довольно богатая галицкая литература, огуломъ объявлена запрещенной:

„Государь Императоръ 18/30 минувшаго мая Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи безъ особаго на то разрѣшенія

15 Января 1881 г. въ „Странѣ“ появилась статья, очень ›рячо и талантливо написанная, въ которой сообщалось о ›яжеломъ положеніи Николая Г. Чернышевскаго въ ссылкѣ. Страна“ обращалась къ верховной власти съ просьбою о его ›милованіи. Языкъ статьи былъ самый почтительный; газета ›аже не рѣшалась заподозрить правильности судебнаго при›вора, а относилась къ нему съ полнымъ уваженіемъ. Но ›на, въ виду заслугъ этого писателя, въ виду того, что онъ дол›олѣтними страданіями долженъ былъ искупить въ глазахъ ›равительства свое преступленіе, въ виду того, наконецъ, что ›озвращеніе въ общество этого сломленнаго жизнію старика ›огло считаться безвреднымъ со всякой точки зрѣнія, взы›ала съ просьбою о прощеніи или хотя бы объ облегченіи ›асти. Мы прибѣгаемъ къ милосердію Верховной Власти, ›оворила она. Право дѣлать это не было опровергаемо даже ›ъ эпоху правежа. Неужели оно будетъ опровергаемо теперь, ›ъ эпоху умиротворенія?

Гр. Лорисъ-Меликовъ, повидимому, колебался, но наконецъ, ›резъ нѣсколько дней рѣшился, и „Странѣ“ было дано пер›ое предостереженіе.

Это было единственное предостереженіе во все управле›іе Лорисъ-Меликова вплоть до 1 марта, и оно доказываетъ ›е только отсутствіе свободы печати, но и замѣчательную ›мѣренность, съ которою печать пользовалась предоставлен›ыми ей льготами, — и это въ то время, когда жизнь кипѣ-

›лавнаго Управленія по Дѣламъ Печати какихъ бы то ни было книгъ и бро›юръ, издаваемыхъ за границею на малороссійскомъ нарѣчіи.

2) Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и перево›въ на томъ нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ ›окументовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности, но съ ›мъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удержива›ось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности — ›е было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго право›исанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности ›валось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописи въ Главномъ Управленіи по ›ѣламъ Печати.

3) Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на ма›россійскомъ нарѣчіи, а равно и печатаніе на таковомъ текста къ музыкаль›ымъ нотамъ.—Начальникъ Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати Григорьевъ ›рофессоръ университета)“.

Распоряженіе это, извѣстное въ публикѣ подъ кличкой „закона Юзефовича“ ›о имени его иниціатора, извѣстнаго кіевскаго цензора), насколько намъ из›ѣстно, до нынѣ въ предѣлахъ Россіи опубликовано не было, но, оставаясь тай›ымъ, оно тѣмъ не менѣе дѣйствовало, какъ законъ.

ла, когда общество требовало отъ печати отвѣта на самы
живые вопросы.

Но все таки она пользовалась. Въ эту эпоху увидѣло свѣт
много прежнихъ литературныхъ произведеній, до тѣхъ пор
бывшихъ подъ спудомъ. Между прочимъ появилось стихотв
реніе К. С. Аксакова, которымъ онъ привѣтствовалъ в
1858 г. первые шаги имп. Александра II. Оно оканчивалос
слѣдующими словами:

Въ Россію вѣруя, на бой съ лукавою ложью
Въ честь правды и добра безъ страха ты идешь.
Вѣрь въ истину и свѣтъ, люби свободу божью!
Свѣтъ нуженъ истинѣ, мракъ прикрываетъ ложь.
Любовь и истину дать Русь тебѣ готова,
Любовь и истина надежнѣй всякихъ узъ!
Ты возвратишь, о царь, землѣ свободу слова,
И Богъ благословитъ съ народомъ твой союзъ!

Пророчество не оправдалось, царь не возвратилъ земл
свободы слова, и Богъ не благословилъ его союза съ н
родомъ.

ГЛАВА II.

Цензура въ первые мѣсяцы послѣ 1-го марта.

Въ первые дни послѣ катастрофы 1-го марта правител
ство какъ будто растерялось. Печать заговорила совершен
новымъ для литературы языкомъ: она смѣло объясняла 1-
марта ошибками правительственной политики и даже общ
ми условіями нашего государственнаго строя; она требова
конституціи, говоря, что конституція, снявъ съ главы гос
дарства значительную долю отвѣтственности въ глазахъ н
селенія, избавитъ его отъ посягательствъ на его жизнь. „Г
лосъ" въ передовой статьѣ, въ № 63 (4-го марта 1881
объяснялъ величіе царствованія Александра II тѣмъ, ч
убитый монархъ не только освободилъ милліоны крестьян
но вызвалъ къ жизни и дѣйствію общественныя силы народ
Для блага Россіи необходимо, чтобы „во всѣхъ нашихъ д
лахъ чувствовалась твердая рука, ведущая Россію къ том
единенію царя съ народомъ, внѣ котораго нѣтъ спасенія

изни“, — таковъ по мнѣнію „Голоса“ царскій завѣтъ усоп-
аго Императора.

Но это продолжалось не долго. 4 марта воспослѣдовало
лѣдующее распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ:
Принимая въ соображеніе, что въ передовой статьѣ № 27
азета „Страна“, ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства,
удто бы оправдывающія выходъ изъ „намѣченныхъ граней“,
газета „Голосъ“ въ передовой статьѣ № 63, дозволили
ебѣ крайне неумѣстныя разсужденія, могущія имѣть „вред-
ое вліяніе“, М. В. Д. опредѣлилъ объявить „Странѣ“ вто-
ое, а „Голосу“ первое предостереженіе“. Эти двѣ газеты
одверглись карѣ совершенно случайно. „Порядокъ“ говорилъ
зыкомъ гораздо болѣе смѣлымъ и открытымъ, чѣмъ „Голосъ“,
Молва“ и „Московскій Телеграфъ“ — тоже; но правитель-
тво въ ту минуту, очевидно, не думало о соразмѣрности
аказанія съ преступленіемъ; оно хотѣло только установить
бщій принципъ на будущее время. Чтобы не было въ этомъ
и малѣйшаго сомнѣнія, Главное Управленіе по Дѣламъ Пе-
ати въ тотъ же день разослало по всѣмъ безцензурнымъ
рганамъ циркуляръ такого содержанія:

«Нѣкоторые органы печати, ссылаясь на чрезвычайныя обстоя-
ельства, позволяютъ себѣ помѣщать статьи, въ которыхъ выража-
отъ вполнѣ неумѣстныя сужденія о необходимости измѣненія на-
шего государственнаго строя, а также высказываются сомнѣнія въ
едостаткѣ истиннаго патріотизма въ высшихъ слояхъ общества,
удто-бы равнодушнаго къ интересамъ народа. Принимая въ сообра-
женіе, что чрезвычайныя обстоятельства именно обязываютъ печать
ъ особой сдержанности въ сужденіяхъ, дабы не усиливать смуты,
орожденной въ обществѣ страшнымъ постигшимъ Россію событіемъ,
л. Упр. по Дѣл. Печ., по порученію М. В. Д. на основаніи статьи
6 [1])... предупреждаетъ, что на будущее время помѣщеніе статей по-
обнаго содержанія неминуемо повлечетъ за собою принятіе мѣры
зысканія, указанной въ приведенной 56 ст., т. е. пріостановленіе
зданія».

Мѣры эти поразили всѣхъ своею неожиданностью. Всѣ
режнія правительственныя лица были на своихъ мѣстахъ:
рафа Лорисъ-Меликова на посту Министра Внутреннихъ
Дѣлъ еще не смѣнилъ графъ Игнатьевъ, и Абаза все еще
ставался Главноуправляющимъ по Дѣламъ Печати. И вотъ
тотъ самый Лорисъ-Меликовъ, на котораго смотрѣли какъ
а главу правительственной либеральной партіи, смѣло всту-
илъ на путь давленія печати. А между тѣмъ его проектъ
акъ называемой конституціи еще не былъ отвергнутъ но-
ымъ Государемъ и его еще нельзя было считать безнадеж-

[1]) Ст. 156 Цензурнаго Уст. изд. 1890 г.

нымъ. Предостереженіями и циркулярами 4 марта дѣло, ко
нечно, не ограничилось. 16 марта послѣдовала мѣра еще
болѣе крутая. За нарушеніе распоряженія 4 марта „Молва“
и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ были запрещены или, говоря
офиціальнымъ языкомъ, „пріостановлены“ безъ предваритель
ныхъ предостереженій на мѣсяцъ. Черезъ недѣлю затѣмъ
послѣдовало запрещеніе „Смоленскаго Вѣстника“ на восьми
мѣсячный срокъ, которое не было даже мотивировано, — и
это послужило прецедентомъ почти для всѣхъ слѣдовавшихъ
затѣмъ пріостановленій подцензурныхъ изданій, производив
шихся на основ. ст. 154 Ц. У. (1890 г.), т. е. просто за
„вредное направленіе“. Въ распоряженіи о пріостановкѣ
„Молвы“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ были указаны
тѣ статьи въ этихъ газетахъ, которыя подали поводъ къ этой
мѣрѣ. Если „Молва“, выразившая желаніе, чтобы „наше
общество имѣло просторъ почина и самодѣятельности“, мо
жетъ еще считаться нарушившею циркуляръ, то запрещеніе
„С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ свидѣтельствуетъ только о
томъ, что растерянность правительства еще не прекратилась,
хотя приняла новую форму. Инкриминируемая статья назы
вается: „Впечатлѣнія и скорбныя думы офицера по поводу
рокового событія 1 марта“. Въ ней очень вычурнымъ язы
комъ подробно и скучно описывается, что передумалъ и пе
речувствовалъ авторъ статьи, постепенно узнавая подробности
событія, тамъ говорилось, какъ онъ не вѣрилъ страшной
истинѣ, не хотѣлъ вѣрить, не могъ вѣрить. Эти убійцы —
это какіе-то гномы, „горсть гномовъ, да, гномовъ, а не лю
дей“, это „ничтожество наемщины (sic), у которыхъ нѣтъ
ничего святаго, которые изъ за временнаго наслажденія не
задумаются устроить какую угодно пакость“. Государь! „Обо
прись на наши крѣпкія плечи, заслони свою священную осо
бу нашими мощными грудями. Мы съумѣемъ сберечь Тебя.
Намъ не нужно матеріальное благосостояніе, намъ нужна
только одна милость: Твоя непоколебимая увѣренность, что
мы не пожалѣемъ себя и принесемъ себя въ жертву для
Твоего счастія и спокойствія“. Подписано: „Артиллеристъ“.
Главн. Управл. по Дѣл. Печ., представляя министру для
подписи распоряженіе о мѣсячной пріостановкѣ газеты, имя
редактора которой (В. Комаровъ) ручалось за достаточный
патріотизмъ и достаточную благонамѣренность ея, очевидно
не имѣло времени прочитать статью съ достаточной внима
тельностью и впопыхахъ приняло предложеніе опереться на
мощныя груди и на крѣпкія плечи г. Артиллериста и его
товарищей за требованіе единенія царя съ народомъ и слѣ

вательно за „неумѣстное сужденіе о необходимости измѣнія нашего государственнаго строя“.

Рядомъ съ карами органамъ печати сыпались, какъ изъ ога изобилія, различные циркуляры, которыми тѣ или друе вопросы нашей общественной или государственной жизни ъявлялись стоящими внѣ предѣловъ, дозволенныхъ для чатнаго обсужденія. Надо замѣтить, что самый вниматель-ый анализъ циркуляровъ 1881 г., равно какъ и предостереній, данныхъ въ то же время, ничего не скажетъ намъ томъ, что въ теченіе этихъ мѣсяцевъ перемѣнилось почти е правительство: на сколько рѣзко отличается правительво по отношенію къ печати до 1 марта и послѣ 1 марта, столько однородны цензурныя мѣры, принятыя Лорисъ-Меиковымъ и Игнатьевымъ, Абазой и кн. Вяземскимъ.

Внѣшняя форма циркуляровъ чрезвычайно разнообразна. ъ однихъ Главн. Упр. по Дѣл. Печ. любезно „предупреждаъ редакціи, что на будущее время помѣщеніе статей поэбнаго содержанія неминуемо повлечетъ за собою принятіе ѣры взысканія, указанной въ ст. 56, т. е. пріостановленіе зданія“; въ другихъ[2]) оно еще вѣжливѣе признаетъ „желаельнымъ, чтобы наше пресса относилась съ осторожностью“ ъ такимъ-то вопросамъ; въ третьихъ[3]) оно заявляетъ даже, то „въ настоящемъ существенно важномъ государственномъ опросѣ г. министръ считаетъ необходимымъ предоставить ечати всю ту долю свободы, какая необходима для всестоонняго разсмотрѣнія этого вопроса, и будетъ весьма сожаѣть, если неумѣстныя выходки нѣкоторыхъ органовъ пеати заставятъ его прибѣгнуть къ ограниченію предоставленой свободы“, другими словами, если печать отнесется къ опросу не такъ, какъ это было бы желательно г. министру; ъ четвертыхъ Гл. Упр. „проситъ“, и иногда даже „покорѣйше проситъ“, а въ иныхъ оно предписываетъ строгимъ ономъ „не сообщать никакихъ подробностей о процессѣ“[4]), не перепечатывать корреспонденціи“ или прямо заявляетъ, то „рѣшено“ или „признано настоятельно необходимымъ оспретить печатаніе“ извѣстій такого-то рода[5]) или оно „не ожетъ быть впередъ терпимо“[6]). Циркуляры по большей

[2]) № 1725 1881 г.

[3]) № 3935. Въ циркулярѣ рѣчь идетъ о переселенческомъ вопросѣ.

[4]) № 1216. Выраженіе „покорнѣйше проситъ“ встрѣчается въ позднѣйшемъ иркулярѣ 1882 г., разосланномъ почему то безъ обозначенія числа и №.

[5]) № 3768.

[6]) Такое выраженіе въ 1881 г. не употребляется, но позднѣе оно встрѣчаетя довольно часто; см. напр. циркул. 1885 г. № 3184.

части не мотивированы; но иногда Главн. Упр. по Дѣлам
Печати предписываетъ „сдержанность въ сужденіяхъ", даб
не усиливать смуты, порожденной въ обществѣ такимъ-т
событіемъ[7]), или потому, что раскрытіе какихъ нибудь фа
товъ въ печати „вредно отзывается на слѣдственныхъ дѣ
лахъ"[8]), или потому, что „обсужденіе этого вопроса въ печат
будучи основано на предположеніяхъ и догадкахъ, не может
принести пользы", а иногда и потому даже, что „неосторо
ныя сужденія" газетъ (о болгарскомъ вопросѣ) „могли б
дурно повліять на весь Балканскій полуостровъ" (!)[9]); был
даже одинъ циркуляръ, указавшій на газетныя замѣтки п
поводу проэкта Военнаго Министерства устроить мукомольн
замѣтки эти вызвали разныя предложенія Министерству,
вотъ „для предупрежденія напрасной переписки, возникше
по этому поводу", Главн. Упр. запрещаетъ сообщать свѣд
нія о подобныхъ проэктахъ[10]).

Не менѣе разнообразно и содержаніе циркуляровъ. Посл
церкуляра 4 марта, который, не смотря на временный ха
рактеръ подобныхъ предписаній (ст. 140 Ц. Уст. 1890 г.
очевидно сохраняетъ свою силу и донынѣ, Главн. Управл
нію всего одинъ разъ, именно 10 іюля 1881 г., пришлос
подтвердить выраженное въ немъ предписаніе „воздержи
ваться отъ всякихъ намековъ на необходимость измѣнені
нашего государственнаго строя, о земскомъ соборѣ, о цен
ральныхъ съѣздахъ представителей земства"[11]). Печать, оч
видно, въ достаточной мѣрѣ прониклась духомъ этого цирку
ляра и если позволяла себѣ изрѣдка „намеки на необход
мость измѣненія государственнаго строя", то дѣлала эт
настолько сдержано и осторожно, что цензура послѣ пріоста
новки „Молвы" и „С.Петербургскихъ Вѣдомостей" не обра
щала на нихъ вниманія[12]). Но за то она пошла дальше. П

[7]) См. уже цитированный циркуляръ отъ 4 марта 1881 г.

[8]) № 2006.

[9]) № 1725.

[10]) 1890, № 4844.

[11]) № 2762.

[12]) Къ ряду мѣръ этой категоріи нужно отнести вырѣзку изъ № 7 „Вѣс
ника Европы" за 1881 г. стр. 353 — 354. Запрещенію подверглась собствен
одна фраза, въ которой цензура, очевидно, узрѣла намекъ на земскій собор
„Мы боимся, чтобы мѣстное самоуправленіе, не связанное органически съ ц
лымъ государственнымъ строемъ, не обратилось въ такую же пародію на сам
управленіе, какою являются теперь, вопреки духу положеній 19 февраля и н
мѣреній его составителей, волостныя учрежденія". Все остальное, что говори
авторъ статьи о мѣстномъ самоуправленіи — уцѣлѣло. Ради одной этой фра
цензура заставила перепечатать цѣлыя двѣ страницы.

воду совѣщанія свѣдущихъ людей по вопросу о пониженіи купныхъ платежей, „Русскій Курьеръ“ замѣтилъ, что было бы „всего вѣрнѣе предоставить земствамъ указать тѣхъ цъ, которыя могли бы явиться наиболѣе знающими и наилѣе искренними представителями интересовъ населенія“. Врядъ ли возможно ожидать особаго успѣха“ отъ дѣятельсти вновь образованной коммиссіи, говорила газета, экспрты будутъ неизбѣжно судить и рѣшать на основаніи акомства со своею мѣстностью, а такъ какъ число ихъ раничено (12 человѣкъ изъ 8 губерній), то сужденія комссіи неизбѣжно будутъ односторонними. Сверхъ того, выпные платежи связаны съ разными сторонами крестьянаго быта, пониженіе ихъ неизбѣжно повлечетъ увеличеніе сходовъ казны, и поэтому этого вопроса нельзя выдѣлять ъ ряда другихъ вопросовъ[13]). Въ статьѣ не было сказано чего болѣе, но въ первые мѣсяцы царствованія Алексана III подобныя мысли уже рѣшительно не допускались, газета получила 2-ое продостереженіе за „возбужденіе довѣрія къ мѣропріятіямъ правительства“.

Статья закона, предоставляющая печати право критикоть „какъ отдѣльные законы и цѣлое законодательство, къ и распубликованныя правительственныя распоряженія“, евидно, оказывалась неудобной, и потому „въ виду чрезчайныхъ обстоятельствъ“, министерство рѣшилось, не отняя ея въ законодательномъ порядкѣ, сократить сколь зможно болѣе ея примѣненіе. Не довольствуясь предостеженіемъ „Русскому Курьеру“ 10 октября того же года, о даетъ 2-ое предостереженіе газетѣ „Земство“ за то, о она, „не смотря на объявленное ей 31 марта 1-ое престереженіе и на неоднократныя предупрежденія позволяь себѣ относиться съ непозволительной рѣзкостью къ дѣйвіямъ и распоряженіямъ правительства, и тѣмъ возбуждаь къ нему недовѣріе“. Въ подтвержденіе обвиненія укаю 6 статей газеты (первыя статьи въ №№ 34, 44, 45 и утреннія Обозрѣнія въ №№ 32, 38, 43). Изъ приведенхъ статей врядъ ли хоть одна превосходитъ рѣзкостью на о мѣропріятіяхъ правительства цитированную статью усскаго Курьера“, а въ одной (Внутреннее Обозрѣніе №) говорится объ обнищаніи народа, пониженіи урожайноі земли, задолженности крестьянства, но ни однимъ слоиъ не упоминается „о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ прагельства“.

[13]) „Русскій Курьеръ“ 1881 г. № 149.

Этими мѣропріятіями цѣль была достигнута: печать обу
дана и „неумѣстныя разсужденія" о государственномъ стр
прекращены. Только относительно одного, хотя и весь
важнаго вопроса, входящаго въ область вопросовъ о гос
дарственномъ строѣ, министерству пришлось еще однаж
прибѣгнуть къ суровой репрессивной мѣрѣ. Это былъ в
просъ о свободѣ слова. Въ 1880 году и первые два мѣся
1881 г. русская журналистика была полна разсужденіями
положеніи печати въ Россіи и на Западѣ; она вся, за н
многими исключеніями, выражала рѣшительное сочувст
принципу свободы слова и относилась съ строгимъ осужд
ніемъ къ порядкамъ, господствовавшимъ у насъ въ этой о
ласти. Въ новое царствованіе это стало невозможнымъ. Вст
пивъ на путь строго національной политики, признавъ по
ную самобытность нашего государственнаго и общественн
го строя, правительство не могло допустить, чтобы так
важный институтъ, какъ цензура, подвергся болѣе или м
нѣе суровой критикѣ. Между тѣмъ печати не легко бы
примириться съ новымъ, созданнымъ для нея положеніем
и въ ней время отъ времени проскальзывали статейки,
которыхъ съ завистью говорилось о положеніи прессы
Западѣ. 1 августа 1881 г. появилась даже газета, систем
тически подчеркивавшая и выдвигавшая на первый пла
вопросъ о свободѣ печати. Это была „Новая Газета", р
дактировавшаяся г. Модестовымъ. Въ № 1 ея было заявл
но, что редакція, получившая право на изданіе газеты у
довольно давно, въ тѣ времена, когда печать могла над
яться на лучшее будущее, хотѣла было въ виду измѣни
шихся общественныхъ условій вовсе отказаться отъ свое
предпріятія; но пробѣлъ, образовавшійся въ нашей либ
ральной журналистикѣ воспослѣдовавшимъ въ іюлѣ того ж
года закрытіемъ „Голоса", заставилъ ее воспользоваться св
имъ правомъ. Такимъ образомъ „Новая Газета" прямо з
являла себя органомъ либерализма. Въ то время это ещ
допускалось; впослѣдствіи правительству удалось добить
того, что даже органы несомнѣнно либеральные избѣгаю
этой клички въ примѣненіи къ самимъ себѣ. Въ слѣду
щихъ №№ „Новая Газета" помѣстила нѣсколько статей, п
священныхъ свободѣ печати и законодательству о печа
во Франціи. На 7 № „Новая Газета" подверглась карѣ.

«Принимая во вниманіе, что сужденія редакціи «Нов. Газеты»
правѣ и обязанностяхъ печати, выраженныя въ передовыхъ статья
№ 3 и въ фельетонѣ № 5 подъ заглавіемъ «Свобода печати» — н
ходятся въ явномъ противорѣчіи съ дѣйствующими у насъ пост

вленіями о печати и потому не могутъ быть терпимы; что въ № 1 едакторъ уже напередъ заявлялъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ и вызывающимъ тономъ о полной солидарности «Нов. Газеты» съ газеою «Голосъ», пріостановленной за предосудительное направленіе и что «Нов. Газ.» приняла внѣшній видъ пріостановленной газеты, оправдываемый вполнѣ матеріальными условіями и явно разсчитанный самымъ распредѣленіемъ отдѣловъ на усиленіе въ обществѣ вѣренности, что она въ дѣйствительности не что иное, какъ проолженіе «Голоса». —

Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ объявить „Новой Газетѣ" первое предостереженіе и прекратить ея розничную продажу. Газета отвѣтила на это въ послѣднемъ воемъ 8 № статьей, въ которой рѣзче и смѣлѣе говорила невозможномъ положеніи у насъ печати и заявила о своемъ прекращеніи.

Предостереженіе, данное „Новой Газетѣ", представляетъ ѣкоторый шагъ впередъ сравнительно съ предыдущими. О ормальной правильности предостереженія, даннаго „Русскому Курьеру", еще можно спорить, предостереженіе же Новой Газетѣ" представляетъ уже несомнѣнное беззаконіе. и въ какихъ законахъ и никогда не было запрещено газетѣ принимать внѣшій видъ другой, хотя бы и запрещенной газеты; тѣмъ менѣе могло быть запрещено принимать нѣшній видъ или даже заявлять о своей солидарности съ Голосомъ", который былъ пріостановленъ на время вовсе е за „предосудительное направленіе", а только за „выходящіе изъ послѣднихъ предѣловъ приличія сужденія и отзывы о князѣ Болгарскомъ" и за „неумѣстныя сужденія, скорбительныя для флота"[14]. Что касается до статей о вободѣ слова, то при всей ясности и опредѣленности ихъ зыка, министръ не съумѣлъ указать статьи Цензурнаго става, которой бы онѣ противорѣчили. И дѣйствительно, азъ сохраняется право критическаго отношенія къ отдѣльымъ законамъ или всему законодательству, — не можетъ одлежать сомнѣнію и право относиться съ сочувствіемъ къ французскимъ законамъ о печати и отрицательно къ русскимъ цензурнымъ порядкамъ, конечно, при условіи не призывать къ неповиновенію имъ, — но о чемъ нибудь подобомъ „Новая Газета", конечно, и не помышляла. Не со-

[14]) Слова предостереженія, что внѣшнее сходство не оправдывается матеріальными условіями есть, очевидно, возраженіе на объясненіе „Новой Газеты", то внѣшнее ея сходство съ „Голосомъ" опредѣляется исключительно печатаніемъ въ той же типографіи, въ которой печатался „Голосъ" и которая не располагаетъ другимъ шрифтомъ.

всѣмъ вѣрно также заявленіе министра, будто „Новая Газе
та“ „въ рѣзкихъ выраженіяхъ и вызывающимъ тономъ“ за
являла о своей «полной солидарности съ „Голосомъ“». Он
заявляла только о томъ, что она возникаетъ въ виду пре
кращенія „Голоса“, образовавшаго пробѣлъ въ либерально
журналистикѣ, а это далеко не одно и то-же.

Однако, въ то самое время, когда „Новая Газета“ под
вергласъ преслѣдованіямъ за защиту свободы и печати, в
то самое время „Русская Мысль“ могла напечатать стать
г. С. — Пр. о „Положеніи печати“, которая сообщила мно
фактовъ изъ русской цензурной практики самаго послѣдня
го времени и, разумѣется, выставляла цензуру не въ осо
бенно привлекательномъ видѣ. Статья эта по своему хара
теру врядъ ли является менѣе предосудительной, скорѣ
даже болѣе, чѣмъ статьи „Новой Газеты“. Тѣмъ не менѣе
цензура оставила ее безъ возмездія. Точно также впо
слѣдствіи цензура нерѣдко пропускала отдѣльныя замѣтк
въ газетахъ, въ томъ числѣ многія замѣтки г. Суворина в
„Новомъ Времени“, а тѣмъ болѣе Ивана Аксакова въ „Ру
си“ (въ послѣднее время г-на Гаммы въ Лучѣ), которы
представляютъ развитіе той же идеи. Такимъ образомъ
ставя печати предѣлы на каждомъ шагу, цензура все так
съ нѣкоторою снисходительностью предоставляетъ ей меч
тать о будущемъ или прошломъ, весьма впрочемъ относи
тельномъ, благополучіи.

Въ связи съ запрещеніемъ говорить объ общемъ государ
ственномъ строѣ Россіи, о земскомъ соборѣ и конституали
мѣ, совершенно естественно было запретить говорить о по
литическихъ преступленіяхъ, объ арестахъ, о революціон
ныхъ движеніяхъ и о политическихъ процессахъ; это и вос
послѣдовало въ цѣломъ рядѣ циркуляровъ[15]. Въ этихъ цир
кулярахъ строго установлено, чтобы газеты не смѣли сооб
щать чего бы то ни было, какъ на основаніи собственных
свѣдѣній, такъ и на основаніи свѣдѣній, заимствованных
изъ иностранныхъ газетъ, ни о производимыхъ арестахъ, н
о процессахъ, ни объ отдѣльныхъ политическихъ преступле
ніяхъ, какъ, напримѣръ, о покушеніи на жизнь генерал
Черевина[16]), кромѣ того, что сообщается объ нихъ въ „Пра
вительственномъ Вѣстникѣ“. Запрещеніе говорить объ аре
стахъ мотивируется обыкновенно интересами слѣдствія, н

[15]) Циркуляръ 12 марта, 24 марта, 26 марта, 15 и 27 мая, 21 августа.

[16]) Объ этомъ покушеніи мы не знаемъ ровно ничего, кромѣ того, что об
немъ 13 ноября 1881 г. запрещено говорить.

къ какъ интересы слѣдствія не вели еще въ то время за
бою подобныхъ же мѣропріятій относительно уголовныхъ
лъ и такъ какъ эти интересы не могли бы препятство-
ть помѣщенію болѣе добросовѣстнаго отчета о процессѣ
марта, чѣмъ тотъ, который печатался въ „Правитель-
венномъ Вѣстникѣ“, то совершенно естественно, что эта
тивировка не возбуждаетъ довѣрія, — къ тому же она не
егда приводилась. Такъ въ циркулярахъ 27 мая сказано
осто: не сообщать объ арестахъ даже такихъ краткихъ
ѣдѣній, какъ въ № 144 „Голоса“.
Между тѣмъ 1881 г. былъ временемъ разгара революці-
наго движенія; политическіе аресты шли длинной вере-
цей одинъ за другимъ, вырывая изъ среды общества мо-
дыя силы, нерѣдко разоряя или губя цѣлыя семьи; ко-
чно, они не могли не интересовать, даже не волновать
щество. Понятно, что печать, отзываясь на требованія
блики, не могла совершенно молчать о едва ли не важ-
йшемъ событіи того времени. Этимъ и объясняется, что
нзура не могла установить молчанія въ этой области
азу однимъ циркуляромъ, а должна была подтверждать
инъ циркуляръ другимъ, другой—третьимъ. Замѣтка „Го-
са“, вызвавшая одинъ изъ нихъ, сообщала въ трехъ стро-
хъ о разнесшемся слухѣ, что арестовано нѣсколько чело-
къ, служащихъ въ флотѣ. Хотя говорить объ этомъ было
е запрещено, но цензура не сочла возможнымъ подверг-
ть „Голосъ“ какому либо взысканію. Это было въ маѣ
81 г. Въ іюлѣ она дѣйствовала уже рѣшительнѣе. Въ №
2 „Русскаго Курьера“ была помѣщена короткая коррес-
денція изъ Восточной Сибири, въ которой говорилось:

Въ Средней Карѣ въ послѣднее время изъ политическихъ ссыль-
хъ М. Ковалевская сошла съ ума, Родинъ отравился (жена его
перь ѣдетъ въ Россію), Семеновскій застрѣлился, Чарушину (по
оц. 193) срокъ каторги окончился, и онъ отправленъ на поселеніе
Якутскую область».

Въ томъ же №, въ корреспонденцій изъ Кіева, сообщает-
о многочисленныхъ арестахъ и высылкахъ, произведен-
хъ слишкомъ поспѣшно, такъ что сами власти принужде-
были признать свою ошибку. Черезъ нѣсколько дней,
зета отягчила свое преступленіе корреспонденціей изъ
ѣжина о еврейскомъ погромѣ, во время котораго войска
йствовали неправильно, защищая только одного богатаго
рея и оставляя другихъ на жертву бушевавшей толпѣ.
го августа воспослѣдовало распоряженіе министра внут-
нихъ дѣлъ. Указывая на двѣ корреспонденціи: „о поли-

тическихъ ссыльныхъ съ подробностями, обнаруживающи
стремленіе дѣйствовать раздражительно на общественн
мнѣніе", и на корреспонденцію изъ Нѣжина, въ коей „дѣ
ствія властей преднамѣренно объясняются съ весьма нев
годной стороны", министръ опредѣлилъ дать газетѣ 3
предостереженіе и прекратить ее на 4 мѣсяца.

Дискредитированіе властей, какъ мы уже видѣли, яв
лось поводомъ для 2-го предостереженія „Земству" и д
3-го предостереженія „Русскому Курьеру"; 1-ое же пред
стереженіе „Земству" и 2-ое „Голосу" были даны за „н
дозволительное и несправедливое осужденіе дѣятельнос
лицъ, занимающихъ высшія государственныя должности
именно за неблагопріятный отзывъ о министрѣ Маковѣ. О
зывъ этотъ былъ сдѣланъ на основаніи оффиціальной брош
ры: „Обозрѣніе Олонецкой губ. Министромъ Внутренни
Дѣлъ Маковымъ въ 1879 году" (Петрозаводскъ 1879), и
которой „Земство" убѣдилось, что все обозрѣніе губерн
состояло въ торжественныхъ встрѣчахъ и пріемахъ, въ п
стыхъ разговорахъ съ исправниками и другими чиновник
ми. Статья „Земства" (№ 17) заканчивалась указаніемъ, ч
Макова смѣнилъ на его посту графъ Лорисъ-Меликовъ, о
наружившій талантъ и привлекшій симпатіи общества. „Н
увы, графъ Лорисъ-Меликовъ былъ той ласточкой, котор
одна не дѣлаетъ весны. Вокругъ него оставались стар
дѣятели временъ реакціи, которые не внушали довѣрія о
ществу и способны были только противодѣйствовать велик
му дѣлу государственнаго замиренія на почвѣ государстве
ныхъ реформъ". Комплиментъ Лорисъ-Меликову не смя
чилъ министра, и предостереженіе было дано.

Не одинъ Маковъ подлежалъ защитѣ цензуры. Циркул
ромъ 17 августа было строго предписано „воздерживать
отъ помѣщенія какихъ либо неблагопріятныхъ отзывовъ
дѣятельности бывшаго С.-Петербургскаго градоначальник
генерала Баранова", и это какъ разъ послѣ того, ка
правительство этого самаго Баранова за его дѣятельнос
въ качествѣ С.-Петербургскаго градоначальника отправи
въ ссылку губернаторомъ Архангельской губерніи.

Если цензура такъ относилась къ дѣятельности второст
пенныхъ правительственныхъ лицъ, то совершенно понятн
что она подвергла особенной защитѣ Государя Императо
и „признала", въ рядѣ циркуляровъ, „настоятельно нео
ходимымъ воспретить печатать, помимо заимствованій и
«Правительственнаго Вѣстника», что либо, касающееся Г
сударя Императора и Августѣйшей Фамиліи", „даже о м

ахъ и учрежденіяхъ, которыя будутъ посѣщаемы", тѣмъ лѣе о какомъ-то таинственномъ событіи съ великимъ княмъ Николаемъ Константиновичемъ (по всей вѣроятности ѣчь идетъ не о произведенной имъ кражѣ брилліантовъ у тери и о воспослѣдовавшемъ за этимъ по Высочайшему велѣнію возмездіи, — это событіе имѣло мѣсто гораздо раѣе, — а можетъ быть о его самовольной женитьбѣ); даже ечатки въ титулѣ Его Императорскаго Величества обрали на себя вниманіе цензуры, и Главное Управленіе прило редакціи остерегаться ихъ[17]).

Стремясь къ тому, чтобы печать не говорила ничего о исшемъ правительствѣ, Главное Управленіе 1-го мая разоало по редакціямъ такой циркуляръ.

„Признано совершенно необходимымъ, чтобы напечатаное въ «Порядкѣ» извѣстіе о болѣзни Лорисъ-Меликова и о ограммѣ его въ № 96 «Рижской Газеты» не были перечатываемы". Воспрещается „и сообщеніе какихъ-бы то ни ыло слуховъ о перемѣнахъ въ личномъ составѣ государвенныхъ высшихъ чиновъ"[18]). Циркуляръ этотъ черезъ за мѣсяца былъ подтвержденъ новымъ[19]).

Вотъ замѣтка „Порядка", о которой идетъ рѣчь:

«Вчера въ городѣ распространились слухи о болѣзни гр. Лорисъ-еликова, мѣшающей ему заниматься государственными дѣлами: ворятъ о возможномъ оставленіи имъ поста. Слухи о болѣзни гр. Милютина и А. Абазы распространялись сегодня».

На слѣдующій день „Порядокъ" вышелъ съ бѣлыми столбами: наложенное на него запрещеніе объявленій пришло ишкомъ поздно, и газета не успѣла заполнить пробѣла, бразовавшагося вслѣдствіе вынутія уже набранныхъ и притовленныхъ къ печати объявленій. Не прошло и недѣли ослѣ наложенія взысканія на „Порядокъ", какъ Лорисъ-Іеликовъ, а вслѣдъ за нимъ Абаза и Милютинъ дѣйствиельно вышли въ отставку. Между тѣмъ „Порядокъ" все ще выходилъ въ свѣтъ безъ объявленій.

Къ этой же категоріи циркуляровъ относится циркуляръ іюня за № 2244, т. е. изданный уже при графѣ Игнатьвѣ, въ которомъ Главное Управленіе, въ изысканныхъ и еобычно деликатныхъ выраженіяхъ „проситъ господъ реакторовъ относиться, по возможности, съ крайней осторожостью, хотя бы на первое время", къ организаціи и дѣя-

[17]) Циркуляры 13 марта, 8 апрѣля, 16 іюля, 27 августа, 3 декабря.
[18]) Циркуляръ № 1764.
[19]) Циркуляръ № 2129.

тельности Высочайше утвержденнаго Особаго Совѣщанія
вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей.

Послѣдній циркуляръ говоритъ уже, хотя еще не совсѣм
рѣшительно, о намѣреніи цензуры изъять по возможност
изъ вѣдѣнія текущей печати крестьянскій вопросъ; вп
слѣдствіи это было установленно тверже и опредѣленнѣ
но въ 1881 г. мы знаемъ, кромѣ вышеприведеннаго, толь
одинъ циркуляръ отъ 12 іюня[20]), которымъ запрещены ст
тьи, подобныя статьямъ „Русскихъ Вѣдомостей“ о Лютар
ческомъ дѣлѣ и вообще сообщенія „тенденціозныхъ слухо
и свѣдѣній объ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣл
цамъ“. Дѣло, о которомъ здѣсь упоминается, есть дѣл
крестьянъ села Люторочи (Тульской губерніи), которые с
стематическими вымогательствами со стороны управляюща
имѣніемъ помѣщика графа Бобринскаго, г. Фишера был
доведены до сопротивленія властямъ.

Сюда же еще можно отнести циркуляръ, коимъ Главн
Управленіе предписываетъ „относиться къ вопросу о пер
селеніяхъ съ особою осторожностью и спокойствіемъ, во
держиваясь отъ всего, могущаго возбуждать народъ ил
вызывать въ немъ неосновательныя и гибельныя для сел
скаго населенія стремленія къ переселенію“[21]).

На ряду съ крестьянскимъ вопросомъ подобную-же забо
ливость правительства вызываетъ вопросъ еврейскій. Ценз
ра въ двухъ циркулярахъ[22]) запретила сообщать какія б
то ни было подробности о еврейскихъ безпорядкахъ или п
репечатывать уже проскользнувшія въ печать извѣстія о
нихъ.

Такимъ же образомъ цензура беретъ подъ свою охра
университетъ, университетскіе порядки, гимназіи и друг
учебныя заведенія, запрещая говорить „о какого бы то н
было рода происшествіяхъ и явленіяхъ внутренней и
жизни“[23]); войско и флотъ[24]), „внутренніе порядки“ кот

[20]) Циркуляръ № 2376.

[21]) Циркулятъ 10 октября за № 3935.

[22]) Циркуляры №№ 1926 и 3681

[23]) Циркуляры 16 апрѣля, 31 мая, 4 ноября.

[24]) 14 апрѣля, 3 октября, 24 декабря. За сообщеніе между прочимъ свѣд
ній о флотѣ, „Голосъ“, какъ мы видѣли выше, подвергся предостереженію.
№ 202 „Голоса“ было сообщено, что съ корвета „Аскольдъ“ въ Средиземно
морѣ бѣжалъ мичманъ Григорьевъ, завѣдывавшій денежною и хозяйственн
частью; въ кассѣ оказался недочетъ; въ книгахъ путаница. Мичманъ Григо
евъ обращалъ на себя вниманіе и ранѣе нѣкоторыми странностями, но кома
диръ суда не придавалъ этому значенія. „Надо надѣяться, говорилось

ихъ дѣлаются недоступными для печати; земство и ду-
ы[25]). О внутреннихъ ихъ порядкахъ говорить, конечно,
ожно, но нельзя сообщать о „противозаконныхъ заявлені-
хъ, дѣлаемыхъ на ихъ собраніяхъ, о ихъ постановленіяхъ
приговорахъ и въ особенности адресахъ“, безъ предвари-
ельнаго разрѣшенія подлежащихъ властей. Запрещеніе на-
равлено, очевидно, противъ составлявшихся въ то время
ногочисленныхъ земскихъ адресовъ съ требованіями Зем-
каго Собора, но фактически оно устраняло (въ этомъ отно-
еніи, впрочемъ, только возстановляя дѣйствіе статьи 82
ензурнаго Устава) изъ вѣдѣнія столичной печати почти
сю земскую жизнь, такъ какъ для нея крайне затрудни-
ельно обращаться за разрѣшеніемъ къ мѣстнымъ губерна-
орамъ.

Въ области иностранной политики только одинъ вопросъ
ызывалъ въ 1881 году спеціальную цензурную охрану; это
ылъ вопросъ болгарскій. Какъ извѣстно, въ 1881 году въ
олгаріи совершился государственный переворотъ, напоми-
ающій coup d'état Л. Наполеона: князь Александръ Бат-
енбергъ отмѣнилъ конституцію и провозгласилъ себя само-
ержавнымъ монархомъ. Само собою разумѣется, что этотъ
ереворотъ, быть можетъ совершенный не безъ поддержки
стороны русскаго правительства, вызвалъ восторги въ
усской реакціонной печати (въ особенности въ „Москов-
кихъ Вѣдомостяхъ“, а такъ-же въ „Руси“), и нашелъ пол-
ую поддержку въ русскомъ правительствѣ. Она сказалась
ежду прочимъ въ цензурномъ циркулярѣ 29 апрѣля[26]):

«Въ виду совершившагося въ Болгаріи переворота и необходи-
ости (sic) поддержать князя Александра, потому что удаленіе его
овлекло бы анархію, признано желательнымъ, чтобы наша пресса
тносилась съ осторожностью къ настоящимъ событіямъ въ Софіи,
ѣмъ болѣе, что неосторожныя сужденія могли бы дурно повліять
а весь Балканскій полуостровъ». (!?)

Такъ какъ нѣкоторыя статьи и корреспонденціи во враж-
ебномъ князю Александру духѣ все таки успѣли про-
кользнуть въ печать, то черезъ два дня цензурѣ пришлось
овымъ циркуляромъ запретить перепечатку этихъ статей,

татьѣ, что случай этотъ заставитъ морское вѣдомство осмотрительнѣе назна-
ать командировъ судовъ дальняго плаванія, ибо они — главные представители
ести русскаго флота, а эту честь какже не держать высоко“. Въ статьѣ бы
и найдены „неумѣстныя сужденія, оскорбительныя для флота“.

[25]) Циркуляры 28 мая, 4 іюля.

[26]) Циркуляръ № 1725.

а черезъ три мѣсяца министръ внутреннихъ дѣлъ далъ 3-
предостереженіе „Голосу“ съ 6-тимѣсячной пріостановкої
между прочимъ за его „выходящія изъ послѣднихъ предѣ
ловъ приличія сужденія и отзывы о князѣ Болгарскомъ
(другимъ поводомъ были „неумѣстныя сужденія, оскорби
тельныя для флота“).

Въ 1881 г. еще не было ни одного циркуляра по вопро
самъ финансовымъ, но за то мы уже находимъ одинъ слу
чай закрытія для гласности грубаго преступленія; а имен
но, было запрещено говорить о расхищеніи земель въ Орен
бургской губерніи[27]).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами, можно было бы остановить
ся еще на десяткѣ циркуляровъ, посвященныхъ разным
частнымъ событіямъ, въ родѣ избранія графа Лорисъ-Мели
кова петербургскою думою въ почетные граждане, которо
вмѣстѣ съ происходившими при этомъ преніями должн
было быть скрыто отъ публики[28]), но мы пройдемъ мим
нихъ и остановимся еще на одномъ циркулярѣ, имѣющем
общій характеръ[29]).

Имъ было запрещено перепечатывать изъ спеціальных
изданій „нѣкоторые научные выводы, имѣющіе нецензурны
смыслъ; за всякаго рода тенденціозные выводы изъ науч
ныхъ статей, изъ сопоставленія изложенныхъ въ нихъ исто
рическихъ фактовъ съ обстоятельствами настоящаго време
ни, послѣдуетъ взысканіе“, говорилось въ немъ и дѣлалас
ссылка на правительственное заявленіе, опубликованное в
№ 179 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1869 годъ. В
этомъ длинно и пространно мотивированномъ заявленіи со
общалось, что спеціальныя изданія въ виду ихъ научнаг
характера и малой распространенности „составляютъ перед
закономъ предметъ нѣкотораго снисхожденія“, но перепе
чатки изъ нихъ въ общихъ литературныхъ изданіяхъ бу
дутъ преслѣдоваться по всей строгости законовъ“. Цирку
ляръ этотъ, очевидно, обязанъ своимъ возникновеніемъ ка
кому то частному факту, но правительство придавало ем
болѣе широкое значеніе и впослѣдствіи дважды подтверди
ло его[30]).

Таковы въ общихъ чертахъ принципы, которыми руково
дилась цензура въ первые мѣсяцы новаго царствованія. Н

[27]) Циркуляръ 4 октября 1881 г.
[28]) Циркуляръ 18 мая № 2046.
[29]) Циркуляръ № 1928.
[30]) Циркуляры 9 сентября 1881 г. и 3 сентября 1883 г.

рактикѣ (мы уже видѣли тому доказательства), — происхо-
или иногда колебанія и въ сторону излишней строгости, и
ь сторону нѣкоторыхъ послабленій. Поворотъ, произошед-
ій въ дѣятельности этого учрежденія послѣ 1 марта былъ
акъ крутъ, что даже цензора не всегда умѣли понять
ребованія минуты. Такъ, распоряженіемъ 25 мая былъ прі-
становленъ на 6 мѣсяцевъ подцензурный журналъ „Свѣтъ
Тѣни", а вмѣстѣ съ тѣмъ цензоръ, пропустившій зло-
частный нумеръ журнала, г. Никитинъ, уволенъ отъ долж-
ости[31]). Просмотрѣвъ отъ начала до конца весь нумеръ
урнала, мы не могли догадаться, за что его постигла ка-
а[32]). 19 іюня былъ пріостановленъ на 4 мѣсяца „Одесскій
истокъ", и вскорѣ послѣ этого „мѣстный предсѣдатель
ензурнаго комитета г. Егоровъ устраненъ отъ внутренней
ензуры; по общему говору, — какъ заявляетъ «Русская
ысль», — поводомъ къ этому послужила исторія съ «Одес-
имъ Листкомъ»"[33]).

Само собой разумѣется, что наиболѣе сильныя уклоненія
ь сторону наибольшей строгости имѣли мѣсто въ провин-
и. Мы приведемъ здѣсь одинъ фактъ, заимствованный изъ
ой же статьи „Русской Мысли". Въ городѣ Томскѣ испол-
явшій должность цензора чиновникъ Гиляровъ зашелъ въ
воемъ рвеніи такъ далеко, что не дозволилъ „Сибирской
азетѣ" напечатать въ полномъ видѣ циркуляръ министра
нутреннихъ дѣлъ отъ 6 мая, разъясняющій Высочайшій
анифестъ отъ 29 апрѣля. Буквально понимая смыслъ цен-
рныхъ постановленій объ участіи общества въ дѣлахъ
правленія, онъ вычеркнулъ изъ циркуляра всѣ тѣ мѣста,
дѣ говорится, что правительство предоставитъ надлежа-
іе способы общественнымъ силамъ участвовать въ искоре-
еніи крамолы, что права дворянства, земства и городскихъ
ословій останутся неприкосновенными и что крестьяне по-
учатъ возможныя облегченія, улучшеніе ихъ общественна-
о устройства и хозяйственнаго быта"[34]).

Въ то время это было еще смѣло и оригинально; впо-

[31]) См. „Русскую Мысль" 1881 г. № 8, стран. 61.

[32]) Во время печатанія этой статьи мы узнали, что кара объяснялась помѣ-
енною въ № 19-мъ картинкою, въ родѣ загадочной, въ которой можно было
смотрѣть висѣлицу, составленную изъ двухъ воткнутыхъ въ чернильницы
рьевъ и перевивающей ихъ узорной надписи: „Наше оружіе для разрѣшенія
сущныхъ вопросовъ".

[33]) „Русская Мысль" 1881 г., № 8, стр. 61.

[34]) Ibid. стр. 63.

слѣдствіи, какъ мы скоро увидимъ, само Главное Управле-
ніе стало находить не цензурными нѣкоторыя сообщені
„Правительственнаго Вѣстника“.

ГЛАВА III.

Цензурные циркуляры съ начала 1882 г. до смерти императора Александра III.

Правительство вступило на новый путь; ни литератур
ни общество не протестовали сколько нибудь серьезным
образомъ. Было ясно, что можно смѣло идти впередъ
той же дорогѣ. Она была уже расчищена, основные при
ципы выработаны: высшая политика, основныя черты гос
дарственнаго строя, всѣ высшія правительственныя лиц
жизнь университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, вну
ренніе порядки въ арміи, отношенія между помѣщиками
крестьянами, въ большей или меньшей степени, стали нед
ступными для общественнаго обсужденія и критики. Коне
но, это было еще не все: финансы, иностранная полити
(кромѣ одного вопроса) не вызвали еще спеціальной охр
ны, помимо той общей, которая и безъ того предоставле
имъ Цензурнымъ Уставомъ.

Эпоха 1860-хъ годовъ вызвала къ жизни и самодѣятел
ности общественныя силы русскаго народа. Историческа
задача эпохи царя миротворца была уничтожить и подавит
эти общественныя силы, на сколько это возможно; земст
изъ выборнаго нужно было сдѣлать назначаемымъ; сокр
тить районъ дѣятельности суда присяжныхъ; за невозмо
ностью возстановить крѣпостное право возвратить хоть час
власти дворянству въ лицѣ его земскихъ начальнико
Правительство очень хорошо понимало, что достигнуть св
ихъ цѣлей оно можетъ только, предварительно лишивъ о
щество права и возможности обсуждать новое направлен
политики. Въ виду этого роль Главнаго Управленія по Д
ламъ Печати была чрезвычайно важная, и оно бодро
смѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно осмотрительно, пр
ступило къ своей работѣ.

Правда, число циркуляровъ, достигшее въ 10 мѣсяце
1881 г. — 47-ми, постепенно падаетъ до 1889 г., когда о

стигаетъ 9; затѣмъ оно постепенно поднимается до 25-ти
94 г. — годъ смерти царя миротворца (изъ нихъ 5 прихо-
тся на время его наслѣдника); въ 1895 г. оно вновь по-
жается до 11, чтобы подняться до 17 въ первые 10 мѣ-
цевъ 1896 г.[1]) Но характеръ циркуляровъ доказываетъ,
о причина численнаго ихъ уменьшенія лежитъ не въ
лабленіи цензурной энергіи, а скорѣе въ томъ, что благо-
ря общему характеру значительной ихъ части, въ новыхъ
было надобности. Такъ, напримѣръ, мы уже не встрѣча-
ся болѣе съ циркулярами, запрещающими говорить о
нституціи, Земскомъ Соборѣ или общихъ недостаткахъ
шего государственнаго строя. Напротивъ того, циркуляры
Высочайшихъ Особахъ время отъ времени повторяются,
тя характеръ ихъ отчасти мѣняется. Теперь не запреща-
тъ сообщать о Государѣ что бы то ни было, кромѣ напе-
таннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", а требуютъ
лько прежде всего представленія подобныхъ извѣстій на
еціальную цензуру министра Императорскаго Двора, а за-
мъ того, чтобы „редакціи представляли въ Цензурный
митетъ каждый разъ одновременно съ нумерами изданій
подлинныя рукописи съ надписями, удостовѣряющими,
о къ напечатанію ихъ со стороны министра внутреннихъ
лъ препятствій не встрѣчается"[2]).
Въ 1894 г. является новый поводъ для предписаній по-
бнаго рода: болѣзнь Императора Александра III. 17 ян-
ря Главное Управленіе предупреждаетъ редакціи „не пе-
тать никакихъ статей, извѣстій и корреспонденцій, кромѣ
народованныхъ бюллетеней"[3]), а 6 октября оно дѣлаетъ
едписаніе, чтобы №№ газетъ, доставляемые къ Импера-
рскому Двору, печатались вовсе безъ бюллетеней о здо-
вьѣ Его Императорскаго Виличества[4]). Черезъ нѣсколько

[1]) Нашъ матеріалъ не отличается безусловной полнотой, но количество недо-
ющихъ у насъ циркуляровъ сколько нибудь значительно только для 1881
и 1896 г.; для перваго оно можетъ быть достигаетъ десятка, для послѣд-
го, вѣроятно, нѣсколько менѣе; для каждаго изъ остальныхъ лѣтъ оно врядъ
достигаетъ пятка.

[2]) 1889 г., 4 февраля № 812; кромѣ того, см. циркуляры 1882 г., 31 мая,
83 г. 7 мая и 16 декабря, 1884 г. — 23 января, 1888—20 марта и 12 ію-
, 1889 г. 1 августа, 1892 г. 23 марта. 8 января 1891 г. циркуляромъ за
100 Главное Управленіе въ виду вновь появляющихся опечатокъ въ титулѣ
сударя нашло нужнымъ вновь напомнить объ прежнихъ на этотъ счетъ цир-
лярахъ.

[3]) № 334.

[4]) № 5764.

дней Главное Управленіе оповѣщаетъ редакціи, чтобы он
не смѣли перепечатывать изъ парижскаго „Journal“ „сове
шенно нелѣпыя извѣстія о причинахъ болѣзни Государя“
Этими циркулярами министерство добилось, что въ то вр
мя, какъ весь міръ съ глубокимъ интересомъ слѣдилъ
болѣзнью русскаго царя, одно русское общество объ н
ничего не знало, или знало изъ слуховъ, не возбуждавши
довѣрія; этимъ оно добилось, что когда французская печа
была полна выраженіями сочувствія, въ то время русская
поражала иностранца своимъ непонятнымъ для нихъ и
дифферентизмомъ.

Государственныя преступленія по прежнему вызываю
заботливость цензуры. Не довольствуясь предписаніями о
щаго характера, дѣлаемыми обыкновенно по какому нибу
поводу, о которомъ въ самомъ циркулярѣ не упоминается,—
дѣйствительности же то по поводу событія 1-го матра 18
года, то по поводу процесса военныхъ кружковъ[6]), — мног
отдѣльныя политическія преступленія вызываютъ специал
ные циркуляры. Такъ, было запрещено сообщать какія ли
свѣдѣнія, кромѣ правительственныхъ, объ убійствѣ Суде
кина[7]), о взрывѣ динамитныхъ бомбъ въ Цюрихѣ[8]), о взр
вѣ въ Якобштадтѣ[9]). Въ свою очередь, основанная нѣскол
кими аристократами священная дружина была поставле
подъ охрану циркуляромъ 24 ноября 1882 года, запрети
шимъ печатать какія бы то ни было „свѣдѣнія и разсужд
нія о существующемъ будто бы (sic) тайномъ обществ
поставившемъ себѣ задачею дѣйствовать противъ терр
ристовъ“.

Было три циркуляра, подтвердившихъ запрещеніе соо
щать о предстоящихъ перемѣнахъ въ правительствѣ[10])
одинъ циркуляръ, запрещающій сообщать о чемъ бы то
было, происходящемъ въ Государственномъ Совѣтѣ, такъ ка
по мнѣнію Мин. Вн. Дѣлъ это „не совмѣстимо съ чувство
уваженія къ высшему государственному установленію“[11]). Н
конецъ, нужно отмѣтить нѣсколько циркуляровъ, которы
изъемлются изъ общественнаго обсужденія нѣкоторые зак

[5]) 14 октября 1894 г.

[6]) 1882 г., 21 марта. 14 и 28 сентября 1883 г., 24 апрѣля. 1887 г.
марта и 13 октября.

[7]) 1883, 17 декабря.

[8]) 1889, 16 марта.

[9]) 1885 г. 25 января.

[10]) 1882 г. 12 іюля, 2 ноября и 1885 г. 7 октября.

[11]) 1888, 18 декабря.

проэкты и обсужденія въ правительственныхъ коммисіяхъ зличнаго рода вопросовъ; сюда относятся проэктъ рефор- законовъ о натурализаціи иностранныхъ подданныхъ въ ссіи[12]), совѣщаніе трехъ министровъ и свѣдущихъ людей питейному вопросу, о которомъ нельзя писать, „не пред- вивъ предварительно Министру на просмотръ самой тьи“[13]), ревизія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ[14]), проектъ зобожденія татаръ отъ воинской повинности[15]), происхо- вшія у М. Г. И. Ермолова совѣщанія по сельско-хозяй- венным вопросамъ[16]), совѣщанія коммиссіи Сипягина „для суждения нѣкоторыхъ вопросовъ, соприкасающихся съ пе- селенческимъ дѣломъ“[17]); совѣщанія комитета Сибирской л. дороги[18]) и т. д. Перечисленными и еще немногими черпываются всѣ циркуляры подобнаго рода.

Несравненно обильнѣе циркуляры, касающіеся отдѣльныхъ раслей управленія, отдѣльныхъ вопросовъ и отдѣльныхъ цъ. Еврейскій вопросъ вызвалъ 4 циркуляра, однимъ изъ торыхъ „ввиду распространившихся слуховъ, что нѣкото- я лица имѣютъ безсмысленное и дерзкое намѣреніе со- вить протестъ противъ какого то мнимаго угнетенія ев- евъ“, Главное Управленіе предупреждаетъ редакціи, „что чего подобнаго не должно появляться на страницахъ ихъ даній“. Другимъ предписывается „не порождать безплод- й и раздражающей полемики“, какъ посредствомъ „огуль- го выставленія ихъ положенія въ печальномъ свѣтѣ“, такъ посредствомъ нападокъ на всю массу евреевъ[19]).

Земельный вопросъ вызвалъ одинъ общій и очень важный ркуляръ, коимъ воспрещено появленіе въ печати всякихъ вѣстій „о передѣлахъ, равненіи земли, слушномъ часѣ, а вно и статей, въ которыхъ проводится мысль о пользѣ и справедливости измѣненія поземельнаго положенія кресть- ъ“[20]). Затѣмъ появился еще болѣе общій циркуляръ, ко- рымъ запрещено изображать въ дурномъ видѣ отношенія жду землевладѣльцами и крестьянами и подтверждающій стный циркуляръ, изъемлющій изъ вѣдѣнія общества

[12]) 1883, 19 іюня, 1886, 13 августа.
[13]) 1882 г., число на циркулярѣ невыставлено.
[14]) 1882 г., 25 мая.
[15]) 1884, 15 марта.
[16]) 1893, 14 мая.
[17]) 1894, за № 2015.
[18]) 1893, 18 марта.
[19]) 1882, 20 апр.; 1890, 7 ноября. 1891. 7 и 31 іюня.
[20]) 1882, 17 марта. 12 іюня.

тяжебное дѣло князей Щербатовыхъ съ крестьянами[21]). Н
конецъ, ввиду полнаго измѣненія отношенія правительст
къ крестьянскому вопросу, ввиду стремленія изгладить, н
сколько это возможно, изъ памяти общества, самое собы
19 февраля, — Главное Управл. грозитъ журналамъ самы
строгими карами „за замѣтки и извѣстія о предстояще
будто бы праздновании дня 25-лѣтія освобожденія крестьянъ
Глав. Упр. напоминаетъ изданіямъ, что подобныя празд
ванія „происходятъ не иначе, какъ съ разрѣшенія высша
правительства, а такого разрѣшенія не было". Циркуля
былъ изданъ ввиду нѣкоторыхъ газетныхъ замѣтокъ, но п
явленіе ихъ впредь „терпимо быть не можетъ"[22]). Это
циркуляръ былъ послѣднимъ, посвященнымъ крестьянско
вопросу. Но за то въ 1890-хъ годахъ выступаетъ на сце
рабочій вопросъ, и вотъ 28 іюня 1893 г. Главн. Упр., у
завъ на статьи въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ по пово
безпорядковъ на Хлудовской фабрикѣ, въ Сынѣ Отечест
по поводу безпорядковъ въ Шуѣ, и въ Новомъ Времени о
Юзовскихъ заводахъ, Глав. Упр. предписало: „прекрати
вовсе печатаніе подобныхъ статей, ибо, отличаясь тенде
ціознымъ направленіемъ или сообщая невѣрныя свѣдѣн
онѣ могутъ причинять существенный вредъ[23]).

Земству и думамъ въ этотъ періодъ было посвящено 5 ци
куляровъ, двумя изъ которыхъ періодическія изданія пре
упреждались отъ опубликовыванія постановленій, „несоотвѣ
ствующихъ", по мнѣнію Глав. Управ., „правамъ и обяза
ностямъ этихъ учрежденій"[24]), однимъ — не говорить ниче
о мѣрахъ противъ Новгородскаго земства[25]). Что касает
городовъ, то циркуляры находились въ связи со скандала
которые были вызваны проведеніемъ на практикѣ нова
Городоваго Положенія и его грубыми недостатками, обнар
женными на выборахъ въ Петербургѣ. Такъ, однимъ цир
ляромъ было запрещено говорить о „порядкѣ пополненія н
доизбранныхъ гласныхъ С.Петербургской Думы", другимъ
„воздерживаться отъ разжигающихъ страсти и волнующи
общество (sic) разсужденій по поводу городскихъ выборо
и новаго ихъ порядка"[26]). Изъ длиннаго ряда циркуляро

[21]) 1882, 26 іюля.
[22]) 1885 г., 18 сент.
[23]) 1893 г., 28 іюня.
[24]) 1882, 22 іюня, 1883, 2 января.
[25]) 1883, 29 января.
[26]) 1893 г., 2 апр. и 7 мая.

актующихъ на разные лады и съ разныхъ сторонъ объ ганизаціи нашей арміи и флота, и преслѣдующихъ, очедно, двоякую цѣль: во первыхъ, скрыть отъ общества нѣторые крупные недостатки въ нашей военной организаціи, вторыхъ, утаить отъ иностранныхъ государствъ (хотя ядъ ли это возможно) о различныхъ военныхъ приготовленяхъ, стратегическихъ работахъ, передвиженіяхъ войскъ, енныхъ заказахъ и проч.[27]), — мы отмѣтимъ только нѣкорые. Въ одномъ изъ нихъ дѣлается строгое объясненіе, о крейсеры представляютъ извѣстный типъ военныхъ сувъ, и потому суда Добровольнаго флота слѣдуетъ называть осто судами или пароходами, а отнюдь не крейсерами. другомъ возбраняется излагать „оскорбительную для сти русскаго войска“ и „могущую ослабить уваженіе публики къ военному сословію“ публичную лекцію художника В. Верещагина, прочитанную имъ 5 февр. 1892 года, которой тотъ сказалъ (эти цитаты приведены въ циркурѣ), „будто генералы и офицеры остаются внѣ сферы гутельнаго огня, будто полковники, проскакавъ нѣсколько во авѣ полка и указавъ путь къ славѣ, остаются тоже нади“. Предпослѣдній изъ перечисленныхъ циркуляровъ заещаетъ сообщать что либо о самоубійствѣ одного пѣхонца. Ни имя, ни мѣсто происшествія въ циркулярѣ не азаны, и потому редакціямъ, объ этомъ происшествіи нико не знающимъ, конечно, остается только догадываться, ивели ли къ самоубійству общіе военные порядки, или кое нибудь особенное издѣвательство, учиненное надъ саубійцей кѣмъ либо изъ начальства.

Въ 1881 году въ области иностранной политики, только инъ болгарскій вопросъ былъ изъятъ изъ вѣдѣнія печати; слѣдующіе годы иностранная политика дала поводъ весьма льшому количеству циркуляровъ. Тутъ и циркуляры общаго рактера о томъ, что печать не должна полемическими выдками противъ Германіи и другихъ опредѣленныхъ госурствъ осложнять нашихъ отношеній съ державами, и спеальные циркуляры, запрещающіе печатать статьи, оскорбильныя для германскаго кронпринца, и циркуляры, запреющіе при обсужденіи торговаго соглашенія съ Франціей, роявлять задоръ по отношенію къ иностраннымъ государ-

[27]) 1882 г. 6 мая, 9 мая, 2 ноября; 1883 г. 28 января, 14 мая, 24 августа, сентября; 1884 г. 9 сентября; 1885 г. 12 февраля и 15 декабря; 1886 г. марта, 22 мая, 20 іюня, 12 августа; 1887 г. 16 января; 1890 г. 15 ноября; 91 г. 20 марта; 1892 г. 28 апрѣля; 1893 г. 4 февраля, 6 октября, 24 ноября

ствамъ, въ частности же къ Германіи“ и предписываю не отыскивать въ означенномъ соглашеніи политически мотивовъ, а при его оцѣнкѣ оставаться исключительно экономической почвѣ[28]). По поводу столкновенія между р скими и афганскими войсками на Кушкѣ, въ виду того, извѣстія эти „могутъ интересовать публику“, редакціи бы приглашены печатать только тѣ свѣдѣнія, которыя буду доставлены имъ изъ Глав. Упр. по дѣл. печ.[29]). Какъ извѣст въ 1886 г. было закрыто портофранко въ Батумѣ; по это поводу было предписано „при обсужденіи означенной мѣ сообразоваться со взглядами, высказанными въ правите ственномъ сообщеніи, опубликованномъ въ „Правительств номъ Вѣстникѣ“[30]). Въ названномъ сообщеніи правительст заявляетъ, что закрытіе портофранко не противорѣчи берлинскому трактату, ибо статья 59 его не представляе результата соглашенія между державами, а есть одност роннее заявленіе воли Его Имп. Вел., а затѣмъ закры это требовалось интересами Россіи. Въ этомъ циркуля насъ можетъ интересовать, конечно, не столько стран толкованіе берлинскаго трактата, какъ любопытное свид тельство того безпристрастія и независимости русской пол тической печати, о которой такъ много и часто заявляе „Новое Время“ и другія консервативныя газеты[31]). На остается еще указать на 2 очень характерныхъ циркуляр 10 октября 1888 года Гл. Упр. разослало по редакція такого рода заявленіе: „Въ «Русскомъ Курьерѣ» помѣще оскорбительные отзывы о женахъ султана. Такъ какъ подо ные отзывы затрогиваютъ честь самого султана, какъ гла дружественнаго съ Россіей государства, то Гл. Упр. пре писываетъ не печатать подобныхъ отзывовъ, которые, точки зрѣнія мусульманъ, дѣйствительно въ высшей степе оскорбительны для султана“. Черезъ пять лѣтъ пришло

[28]) 1893 г. 7 іюня.

[29]) 1885, 27 марта, 22 апр.

[30]) 1886 г. 27 іюня.

[31]) Вотъ текстъ двухъ статей Берлинскаго трактата:

„Ст. 58 Блистательная Порта уступаетъ Русскому Императору въ Азіи т риторіи Ардагана, Карса и Батума.

„Ст. 59 Его Императорское Величество объявляетъ, что его намѣреніе с лать Батумъ портофранко по преимуществу коммерческимъ“.

Если вторую изъ этихъ статей толковать, какъ выраженіе воли одной с роны, то нѣтъ основанія толковать иначе и первую, и многія другія стат Берлинскаго трактата.

дтвердить этотъ циркуляръ другимъ, еще болѣе рѣшитель-
імъ, который мы приводимъ цѣликомъ.

«Распоряженіемъ, объявленнымъ 10 октября 1888 г. за подпискою
цакторамъ безцензурныхъ періодическихъ изданій, предложено
ло не оглашать въ печати отзывовъ, затрогивающихъ честь ту-
цкаго султана, состоящаго главою дружественнаго Россіи госу-
рства.

Не смотря на такое распоряженіе, въ газетахъ въ послѣднее
эмя вновь начали появляться оригинальныя и заимствованныя изъ
эстранныхъ изданій статьи, въ которыхъ подвергается осмѣянію
тань Абдуль-Гамидъ.

Вслѣдстіе этого Гл. Упр. по дѣл. печати по приказанію Мин. Вн.
лъ предупреждаетъ гг. редакторовъ, что вышеуказанное распоря-
ніе сохраняетъ свою силу и что вообще въ виду ст. 102 и 104
т. о ценз. и печ., изд. 1890 г., въ періодическихъ изданіяхъ от-
дь не должны быть допускаемы статьи, оскорбительныя короно-
нымъ особамъ дружественныхъ Россіи державъ, подъ опасеніемъ
рожайшихъ взысканій, которымъ могутъ быть подвергнуты винов-
я изданія [32]).

Интересно, знаетъ ли султанъ о томъ вниманіи, какое цен-
ра въ Россіи оказываетъ его женамъ. Къ сожалѣнію, въ
шемъ распоряженіи нѣтъ коллекціи циркуляровъ, разсы-
емыхъ турецкой цензурой турецкимъ газетамъ, и потому
не знаемъ, пользуется ли въ Турціи подобными же пра-
ми напр. г-жа Кшесинская.

Первый циркуляръ въ интересахъ Министерства Финан-
зъ былъ изданъ 6 марта 1886 г. Имъ запрещалось сооб-
іть слухи о проектѣ конверсіи нѣкоторыхъ займовъ. Послѣ
денія Бунге циркуляры этого рода сдѣлались гораздо мно-
нисленнѣе. Изъ нихъ мы укажемъ только на 2. Такъ 11
рта 1888 года было запрещено говорить о проектѣ зо-
гой валюты, который сталъ доступенъ свободному об-
жденію печати не ранѣе 1894 г. Какъ извѣстно, впослѣд-
віи въ оффиціальныхъ изданіяхъ дѣлались заявленія, что
ободное обсужденіе этого вопроса принесло большую поль-
— но трудно надѣяться, чтобы выводъ, къ которому при-
ю Министерство Финансовъ, ослабилъ на будущее время
цензурное рвеніе. 23 сентября 1892 г. было запрещено
чатать статьи о соляномъ налогѣ; черезъ 4 мѣсяца (3 янв.
93 г.) это запрещеніе было снято.

Министерство Путей Сообщенія тоже не разъ прибѣгало
цензурной защитѣ, но здѣсь она имѣла нѣсколько иной
рактеръ: главною цѣлью тутъ, повидимому, было не
олько проводить безъ помѣхи, въ тиши, правительствен-
я предначертанія, сколько оградить нѣкоторыя личности

[32]) 1 марта 1893 г.

отъ разглашенія непріятныхъ и не всегда почетныхъ д
нихъ обстоятельствъ. Оно и понятно: какъ извѣстно, ни
одномъ министерствѣ высшіе чины не смѣняются такъ ч
сто, какъ въ министерствѣ путей сообщенія; въ послѣдн
десятилѣтіе перемѣнилось у насъ цѣлыхъ 6 министровъ п
тей сообщенія, изъ нихъ 3 (Посьетъ, Гюббенетъ, Кривош
инъ) вслѣдствіе грубыхъ безпорядковъ въ ихъ отрасли упра
ленія, въ томъ числѣ одинъ (Кривошеинъ) вслѣдствіе обн
руженныхъ хищеній. Но падали министры только тог,
когда совершаемыя ими кражи и мошенничества доходи
до свѣдѣнія верховной власти, или когда на безобразно п
строенныхъ дорогахъ происходили крушенія поѣздовъ, ли
но затрогивавшія государя; до тѣхъ же поръ, пока гиб
отъ нихъ только простые смертные, пока кражи не дѣл
лись извѣстными всему свѣту, эти лица оставались на с
емъ посту и дѣлали, конечно, все возможное, чтобы пред
предить катастрофу. Вѣроятно, въ такихъ видахъ былъ р
зосланъ по редакціямъ циркуляръ 12 іюля 1882 года, гл
сившій: „Появились статьи, заключающія въ себѣ не тол
ко неосновательныя обвиненія противъ отдѣльныхъ ли
вѣдомства путей сообщенія, но и рѣзкое систематическ
порицаніе всей дѣятельности этого министерства по желѣ
нодорожной части. Дальнѣйшее появленіе подобныхъ, им
ющихъ агитаціонный характеръ, статей.... вызоветъ кары
15 іюня 1885 года цензура вновь сочла нужнымъ указа
на то, что въ печати появляются „позорящія и неоснов
тельныя обвиненія... съ наименованіемъ даже фамилій вы
шихъ должностныхъ лицъ Департамента Желѣзныхъ Д
рогъ"; Главное Управленіе по Дѣламъ Печати не отказ
лось даже поинсинуировать, что статьи эти доставляют
газетамъ лицами, раздраженными противъ министра пут
сообщенія „за непринятіе ихъ предложеній коммерческа
свойства", и обѣщало впредь къ изданіямъ, позволяющи
себѣ подобныя нападки, примѣнять взысканіе, указанное
ст. 156 (по изданію 1890 г.), — т. е. пріостановку на сро
до 3 мѣсяцевъ. Еще рѣшительнѣе звучитъ предписаніе
января 1886 года, сдѣланное по поводу разбирательства
Сенатѣ дѣла о злоупотребленіяхъ по ремонту Орловск
харьковскаго шоссе за время отъ 1872 г. по 1876 годъ:
сообщать „никакихъ свѣдѣній и сужденій, какъ по этому дѣ
вообще, такъ и о лицахъ, имена коихъ съ нимъ связаны"

[33]) 1886 г., № 228. Въ защиту Мин. Путей Сообщенія имѣется еще цир
ляръ 1894. № 541.

Проходя мимо многочисленныхъ циркуляровъ, предупреж-
ющихъ распространенiе извѣстiй о безпорядкахъ и иныхъ
бытiяхъ въ разныхъ учебныхъ заведенiяхъ; не касаясь
обще циркуляровъ, вызванныхъ Мин. Народнаго Просвѣще-
я, ибо они только разъясняютъ и пополняютъ циркуляры
лѣе общаго характера, разсмотрѣнные нами въ II-ой гла-
[34]), мы оставимъ въ сторонѣ также довольно многочислен-
ие и довольно разнообразные циркуляры, составленные съ
элью запретить публикѣ интересоваться такими дѣлами
ин. Внутреннихъ Дѣлъ, какъ, напримѣръ, увеличенiе шта-
въ сыскной полицiи въ Москвѣ въ 1883 году[35]), админи-
ративныя мѣропрiятiя въ Одессѣ[36]), или полицейскiя рас-
ряженiя по случаю похоронъ Тургенева[37]). Мы отмѣтимъ
ѣсь одинъ циркуляръ, непосредственно связанный съ во-
росомъ о свободѣ печати. Въ 1890 году въ газетѣ „Ново-
и" и нѣкоторыхъ другихъ появился проектъ празднованiя
-тилѣтiя вступленiя въ силу цензурныхъ правилъ 1865 г.
. е. выхода въ свѣтъ первыхъ безцензурныхъ изданiй).
о министръ внутреннихъ дѣлъ лучше „Новостей" зналъ
эйствительное положенiе печати, и потому Главное Управ-
енiе особымъ циркуляромъ предупредило редакцiи, что пра-
тельство не допуститъ подобнаго юбилея[38]).

Теперь намъ нужно остановиться на той сторонѣ цензур-
ой практики, которая имѣла, можетъ быть, самое серьез-
ое практическое значенiе, по крайней мѣрѣ, непосред-
венное. Какъ извѣстно, въ 1891 году всѣ приволжскiя
бернiи и часть внутреннихъ постигъ сильнѣйшiй неуро-
ай, естественнымъ результатомъ котораго были голодъ и
олера. О первыхъ признакахъ неурожая печать заговорила
це весной 1891 года, но заговорила робко и осторожно.
ъ нашей коллекцiи циркуляровъ нѣтъ ни одного, который
прещалъ бы статьи на эту тему, и потому мы не знаемъ,
ъясняется ли эта робость какими либо недостающими у
съ циркулярами, спецiальными ли внушенiями, которыя
лаются иногда Цензурными Управленiями отдѣльнымъ из-
нiямъ, или, наконецъ, общимъ характеромъ нашей прес-
ы, воспитанной 10-тилѣтней цензурной практикой. Какъ въ

[34]) 1882 г. 28 января, 19 марта, 29 сентября, 1 ноября,; 1890 г. 8 марта,
марта; 1892 г. 30 января, 2 ноября; 1893 г. 13 января, 9 апрѣля.

[35]) 1883 г. 25 апрѣля.

[36]) 1888 г. 10 iюня.

[37]) 1883 г. 17 сентября.

[38]) 1890 г. 18 мая.

томъ, такъ и въ другомъ и въ третьемъ случаѣ связь меж-
ду этой практикой и поведеніемъ прессы не можетъ подле-
жать сомнѣнію, ибо въ сообщеніяхъ изъ мѣстъ неурож
не было недостатка; редакціи только не хотѣли ихъ печ
тать — и въ извѣстномъ смыслѣ слова онѣ были правы:
ноябрѣ 1891 года „Русскія Вѣдомости“, какъ мы увиди
въ слѣдующей главѣ, все таки получили предостережен
за статьи о голодѣ, не смотря на всю ихъ скромность. П
слѣдствія замалчиванія голода достаточно хорошо извѣстн

Но у насъ есть, помимо предостереженія „Русскимъ В
домостямъ“, одинъ позднѣйшій циркуляръ, который дост
точно убѣдительно свидѣтельствуетъ о той враждебност
съ какой Главное Управленіе смотрѣло на толки о голод
12 ноября 1891 года Главное Управленіе напомнило реда
ціямъ, что онѣ могутъ печатать воззванія и приглашен
частныхъ лицъ къ пожертвованіямъ въ пользу голодающа
населенія только въ томъ случаѣ, если эти лица предст
вятъ удостовѣренія отъ подлежащей власти, что имъ та
вой сборъ пожертвованій разрѣшенъ. Само собою разумѣе
ся, что достать такое разрѣшеніе не всегда было возможн
что когда оно было возможно, оно требовало времени; ч
разъ оно даже было получено, посылка его въ каждую о
дѣльную редакцію требовала снова времени и времен
благодаря чему воззваніе не могло быть напечатано сра
въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Такимъ образомъ, трудно сомн
ваться въ томъ, что голодающіе лишились не одного деся
ка тысячъ рублей, которые были бы имъ доставлены чере
Льва Толстого или другихъ лицъ (очень возможно, что ци
куляръ былъ направленъ именно противъ Толстого). Коне
но, нѣкоторыя изъ частныхъ лицъ могли оказаться не впо
нѣ добросовѣстными, но вѣдь и правительственныя и общ
ственныя учрежденія не были гарантированы отъ хищен
и растратъ (знаменитая пухертовская мука и процессъ пр
тивъ Самарской земской управы служатъ тому блестящи
доказательствами).

Черезъ годъ (19 октября 1892 года) былъ разосланъ ци
куляръ, запрещающій всякія заявленія о пожертвованія
находящимся въ нуждѣ лицамъ, буде на такое заявлен
нѣтъ особаго разрѣшенія отъ мѣстныхъ властей. На скол
ко намъ извѣстно, впрочемъ, циркуляръ этотъ никогда
исполнялся съ особенной строгостью.

Въ томъ же 1892 году (23 января) было запрещено п
репечатывать изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ письмо Ль
Толстого, помѣщенное сперва въ англійскихъ газетахъ

реведенное въ русской газетѣ съ приличными случаю убыми ругательствами противъ автора. Письмо, дѣйствильно, отличающееся необычною въ русской печати прямою тона и рѣзкостью формы, говорило о голодѣ и выставло рядъ обвиненій противъ правительства и правящихъ ассовъ. Народъ голоденъ, говорилось въ немъ, потому, о мы сыты; правительство хочетъ накормить народъ; не зуміе ли это? Ребенокъ хочетъ накормить кормилицу, пазитъ—то растеніе, соками котораго онъ живетъ.

Если у насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній о дѣятельнои цензуры по отношенію къ голоду, то ихъ вполнѣ достачно для холеры. Холера застала насъ врасплохъ, и это вершенно понятно: 27 іюля 1891 года, т. е. за годъ до явленія страшной эпидеміи, Главное Управленіе, по пово- нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ заболѣваній, предпило, чтобы свѣдѣнія о нихъ посылались газетою для спеальной провѣрки въ Медицинскій Департаментъ. Черезъ дъ, 13 іюля 1892 года, Главное Управленіе подтвердило ое предписаніе. Черезъ 3 дня оно замѣтило, что циркуръ плохо подѣйствовалъ на печать. „Въ виду такого орства періодической печати, заявило оно въ новомъ цирлярѣ, которая пользуется эпидеміей, вовсе не имѣющей озныхъ размѣровъ, для того, чтобы смущать публику сенціонными статьями и извѣстіями, Главное Управленіе по ѣламъ Печати считаетъ нелишнимъ предупредить господъ дакторовъ газетъ и журналовъ, что отнынѣ всякій разъ и повтореніи съ ихъ стороны чего либо подобнаго, оно детъ ходатайствовать передъ Министромъ Внутреннихъ ѣлъ о примѣненіи къ ихъ изданіямъ наиболѣе строгихъ министративныхъ каръ“.

Событія скоро блестящимъ образомъ опровергли увѣренія чальства, что эпидемія не имѣетъ грозныхъ размѣровъ, не убѣдили Главное Управленіе въ нецѣлесообразности о способа дѣйствій. Въ 1894 году, по случаю нѣсколькихъ заболѣваній холерою въ Петербургѣ, Главное Управніе циркулярами 1 іюня и 4 іюля подтвердило свое поановленіе[39]).

[39]) Для характеристики отношенія цензуры къ холерѣ приведемъ слѣдующее общеніе, заимствованное нами изъ „Отчета Коммиссіи Народныхъ Медицинихъ Чтеній при обществѣ Кіевскихъ врачей за 1891—94 гг.“ (стр. 5—6). Общество издало популярную брошюру „Какъ охранять себя отъ холеры“. езидентъ общества, находя необходимымъ дать каждой національности нашего ая возможность познакомиться на своемъ родномъ языкѣ съ мѣрами охране-

Намъ остается теперь указать на нѣкоторые циркуляр
изданные по частнымъ поводамъ; количество ихъ необыча
но велико и смыслъ многихъ изъ нихъ для насъ соверше
но не понятенъ. Тутъ мы находимъ добрый десятокъ ци
куляровъ, которыми охраняется честь отдѣльныхъ, опред
ленныхъ лицъ, нашедшихъ себѣ защитника въ лицѣ цен
ры. Такъ, напримѣръ, 4 февраля 1882 года было предпис
но не касаться семейныхъ отношеній тайнаго совѣтни
Маркуса. 23 ноября того же года было запрещено говори
о недоразумѣніяхъ между почетнымъ опекуномъ Нейгар
томъ и докторомъ Кватцомъ или перепечатывать замѣт
объ нихъ изъ „Русскаго Курьера". Эта послѣдняя, весь
краткая замѣтка („Русскій Курьеръ" № 309), была толь
поправкой къ замѣткѣ „Врача", въ которой было сказа
что докторъ Московскаго Воспитательнаго Дома долже
былъ выйти въ отставку потому, что не обнаружилъ дост
точнаго подобострастія при встрѣчѣ почетнаго опекуна Не
гардта. „Русскій Курьеръ" дѣлаетъ поправку, что до си
поръ докторъ Кватцъ еще не вышелъ въ отставку. Вотъ
все. Въ видахъ защиты чести г. Нейгардта, разговоры о
этомъ приключеніи были прекращены. Такимъ же точно о
разомъ не дозволено касаться покушенія на самоубійст
воспитанника Морскаго училища, какого-то Николая Мур

нія себя отъ холеры, приступилъ къ переводу этого народнаго чтенія на по
скій, еврейскій и малорусскій языки. Еврейскій переводъ былъ изданъ оч
быстро, и при томъ евреи позаботились о дешевизнѣ изданія, которое ока
лось возможнымъ пустить въ продажу по 5 коп. экземпляръ, а не по 20 ко
какъ обошлись русскія изданія. Польскій переводъ былъ отправленъ въ Варш
скую цензуру, откуда разрѣшеніе на изданіе его послѣдовало уже
окончаніи самой холеры; что же касается малорусскаго изданія, то п
зидентъ, встрѣтивши нынѣ уже ставшую рѣдкостью статью доктора А. И.
халевича: „Про холеру" (ціна 7 коп. Дозволено цензурою. Кіевъ. 17 авгу
1875 г.), нашелъ ее вполнѣ соотвѣтствующей своему назначенію и, получив
отказъ отъ Кіевскаго цензурнаго управленія, обратился узаконеннымъ порядко
съ прошеніемъ въ Медицинскій Департаментъ и къ г-ну Министру Внутр. Д
съ покорнѣйшею просьбою: 1) о разрѣшеніи перепечатать ее въ неизмѣнно
видѣ вторымъ изданіемъ и 2) дозволить сдѣлать къ ней необходимое крат
дополненіе въ концѣ на великорусскомъ языкѣ; но разрѣшеніе съ августа
сяца 1892 года до настоящаго времени не послѣдовало и даже никакого отвѣ
не смотря на приложенныя узаконенныя 80-ти коп. марки, не получено.

Отмѣтимъ здѣсь еще одинъ циркуляръ отъ 18 апрѣля 1883 года, запре
ющій помѣщать „невѣрныя извѣстія о санитарномъ состояніи мѣстностей,
которыхъ расположены наши минеральныя воды и другія лѣчебныя заведені
которыя возбуждаютъ напрасную тревогу и наносятъ вредъ администраціи эт
заведеній".

ева[40]) (можетъ быть родственника будущаго министра юс-
ціи) и какого-то „несчастнаго случая, происшедшаго въ
ночь на 11-ое февраля съ сыномъ великобританскаго посла
ра Роберта Морьера“[41]), а также болѣзни тайнаго совѣт-
ика Аракина[42]).

Въ числѣ прочихъ лицъ, подлежащихъ охранѣ цензуры,
стоятъ и палачи. 12 ноября 1882 года было строго пред-
исано „не сообщать никакихъ свѣдѣній о лицахъ, испол-
яющихъ смертные приговоры надъ преступниками“.

Сравнительно часто встрѣчаются циркуляры по поводу раз-
ыхъ происшествій съ офицерами. Такъ, 22 мая 1886 года
ыло сдѣлано слѣдующее предписаніе: „Такъ какъ есть
снованіе ожидать появленія въ печати сообщеній или на-
вековъ (sic) о столкновеніи, происшедшемъ въ минувшемъ
оду между командующимъ одною изъ Кавказскихъ дивизій
командиромъ полка, то“... Главное Управленіе предупреж-
аетъ, что „распоряженія о статьяхъ, касающихся внутрен-
ей жизни войскъ, сохраняетъ свою силу“ или, другими
ловами, что нельзя ничего говорить о какой то ссорѣ
вухъ офицеровъ, хотя она, конечно, имѣетъ самое отда-
енное отношеніе до внутренней жизни войскъ. Чрезъ годъ
отъ же циркуляръ былъ зачѣмъ то повторенъ вновь[43]).
риблизительно въ то же время предписано „не сообщать
овершенно никакихъ свѣдѣній о столкновеніи въ Крестов-
комъ саду вечеромъ 20 августа между двумя гвардейски-
и офицерами и публикой“[44]). Нѣсколько позднѣе заявлено
оже самое относительно дуэли князя Акашидзе съ какимъ-
о гвардейскимъ офицеромъ[45]), а еще позднѣе былъ разо-
ланъ уже совсѣмъ непостижимый циркуляръ такого рода:
не печатать никакихъ свѣдѣній и извѣстій объ арестѣ
фицера одного изъ расположенныхъ въ Петербургѣ пол-
овъ“[46]), — и ничего въ поясненіе, какого офицера, какого
олка. Редакціи, вѣроятно, были поставлены въ большое за-
рудненіе.

Если такъ усердно защищается честь простыхъ офице-
овъ, то, понятно, что честь полицейскихъ, призванныхъ
хранителей государственнаго порядка, собственности и се-

[40]) 1887 г. 20 ноября.
[41]) 1890 г. 11 февраля.
[42]) 1891 г. 21 мая.
[43]) 1887 г. 21 августа.
[44]) 1886 г. 21 августа.
[45]) 1893 г. 13 сентября.
[46]) 1894 г. 12 октября.

мейнаго очага, — должна стоять еще выше. И вотъ мы в
димъ, что для печати объявляются недоступными судебн
процессы винницкаго исправника Пешкевича и казанска
полиціймейстера Панфилова, обвиняемыхъ въ преступлен
яхъ по должности[17]), послѣдняго, впрочемъ, уже послѣ тог
какъ въ газетахъ были сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія
его преступленіи: оно состояло въ насильственномъ освид
тельствованіи двухъ вполнѣ порядочныхъ дѣвушекъ.

Рядомъ съ частными лицами и чиновниками, Академ
Художествъ обратилась въ Главное Управленіе съ жалобо
на печать. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ текста этой жалоб
и о самомъ ея существованіи мы узнаемъ только изъ це
зурнаго циркуляра, который „вслѣдствіе жалобы Импер
торской Академіи Художествъ предписываетъ воздерживат
ся отъ статей, затрогивающихъ достоинство Академіи"[48
Въ теченіе 1880 годовъ цензура охотно брала подъ сво
защиту желѣзнодорожныя компаніи; въ слѣдующемъ дес
тилѣтіи она охотно дѣлаетъ тоже относительно разных
коммерческихъ обществъ; наиболѣе яркими примѣрами м
гутъ служить два циркуляра, запрещающіе сообщеніе св
дѣній о положеніи дѣлъ, первый — Страхового Обществ
Россіянинъ, второй — Россійскаго Общества транспортирова
нія кладей[49]).

Рядомъ съ запрещеніемъ извѣстій о торговой несосто
тельности или о разстройствѣ дѣлъ той или иной компані
идетъ защита уже прямыхъ злоупотребленій, совершающи
ся въ нихъ. Въ 1884 году правительство соблюдаетъ в
этомъ отношеніи еще нѣкоторое приличіе; такъ, по повод
извѣстій о происшедшей будто бы растратѣ въ Моско
скомъ Торговомъ банкѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ пр
зналъ необходимымъ пригласить господъ редакторовъ „с
блюдать всевозможную осторожность при оглашеніи каких
либо неблагопріятныхъ слуховъ о коммерческихъ предпрі
тіяхъ"[50]). Черезъ годъ оно говоритъ языкомъ болѣе рѣши
тельнымъ. „Не печатать никакихъ свѣдѣній по дѣлу о п
лученіи изъ Государственнаго банка 225 тысячъ рублей
подложнымъ документамъ"[51]).

[17]) 1893 г. 28 сентября и 1 дек.
[48]) 1885 г. 20 мая.
[49]) 1893 г. 23 сентября и 1894 г. 18 іюня.
[50]) 1884 г. 27 марта.
[51]) 1885 г. 11 августа.

Въ слѣдующіе годы было еще нѣсколько подобныхъ же ›ркуляровъ[52]).

На этомъ мы остановимся, такъ какъ исчерпать содержа- ›е всѣхъ циркуляровъ мы рѣшительно не въ состояніи.

. . . .

ГЛАВА IV.

›звитіе цензурнаго законодательства въ царствованіе Александра III. ›министративныя кары, налагавшіяся на періодическія изданія въ 1882—1894 гг.

Мы видѣли уже, что въ теченіе царствованія Александра I вся сфера русской государственной жизни, значительная ›сть законодательной дѣятельности правительства, точно ›къ же, какъ и его административная дѣятельность, нако- ›ецъ, поведеніе значительнаго количества частныхъ лицъ ›ло сдѣлано недоступнымъ для печатнаго обсужденія. До- ›игнуть этого одними предписаніями было бы, конечно, не- ›зможно, если-бы правительство не располагало средствами ›инудить имъ подчиниться. Средства эти — административ- ›ія кары По своему характеру онѣ довольно разнообразны. ›ромѣ задержанія и уничтоженія неправящагося цензурѣ газеты или журнала, или статьи въ нихъ, что практику- ›ся сравнительно рѣдко съ газетами и довольно часто съ ›урналами, сюда относятся, во первыхъ, запрещеніе роз- ›ичной продажи безъ опредѣленнаго срока, во вторыхъ, за- ›рещеніе объявленій на срокъ отъ 2 до 8 мѣсяцевъ, въ ›етьихъ—запрещеніе безцензурнаго журнала за неисполне- ›е циркуляра на срокъ до 3 мѣсяцевъ, въ четвертыхъ, ›прещеніе „за вредное направленіе“ журнала подцензур- ›го на срокъ до 8 мѣсяцевъ и въ пятыхъ — предостереже- ›е журналу безцензурному, при чемъ 3-е предостереженіе ›лечетъ за собою закрытіе журнала на срокъ до 6 мѣся- ›евъ. Предостереженіе должно быть обязательно мотивиро- ›ано, чѣмъ оно отличается отъ другихъ каръ. Эти кары ›становлены закономъ. Кромѣ нихъ цензура, какъ мы уже ›идѣли изъ текста 2 предостереженія „Земству“ 10 октяб-

[52]) 1886 г. 15 января, 1894 г. № 2018.

ря 1881 года, пріобрѣла себѣ на практикѣ право дѣлат
личныя внушенія и выговоры редакторамъ журналовъ, кот
рые для этого приглашаются въ цензурный комитетъ. Вн
шенія эти сдѣлались въ теченіе 1880 годовъ весьма част
ми, и редакторы, какъ школьники, выслушивали ихъ, рад
ясь, что цензура не прибѣгаетъ къ болѣе серьезнымъ сп
собамъ воздѣйствія Для провинціальныхъ, слѣдователь
издаваемыхъ съ разрѣшенія предварительной цензуры г
зетъ практиковалось иногда, тоже непредусмотрѣнное
законѣ, перенесеніе цензированія въ Москву. „Смоленск
Вѣстникъ" довольно долгое время долженъ былъ посылат
свои №№ на просмотръ въ Москву, и, слѣдовательно, доста
лять ихъ подписчикамъ въ Смоленскѣ дней черезъ 5 —
послѣ составленія.

Но цензура находила, что всего этого недостаточно дл
обузданія печати. Въ 1882 году были установлены новы
„временныя правила о печати", донынѣ не отмѣненныя
даже включенныя въ Цензурный Уставъ 1886 и 1890
(примѣчанія къ статьямъ 144 и 148). Ими было установл
но, во первыхъ, что въ случаѣ, если временная пріостано
ка будетъ найдена недостаточной, то министръ внутре
нихъ дѣлъ по совѣщанію съ нѣкоторыми другими минис
рами имѣетъ право и вовсе прекратить всякое изданіе д
же безъ предостереженій, съ воспрещеніемъ редактору ил
издателю онаго впредь быть редакторомъ или издателем
какого бы то ни было другого изданія. Въ то время, когд
предостереженіе должно быть мотивировано, эта мѣра м
жетъ быть принята безъ объясненія мотивовъ.

Во вторыхъ, журналъ, получившій 3 предостережені
послѣ своего возобновленія, подвергается предварительно
цензурѣ, при чемъ срочность или безсрочность сего уст
новляется по ближайшему усмотрѣнію министра внутре
нихъ дѣлъ. Отнынѣ всякое 3 предостереженіе сопровожд
ется указаніемъ, что оно влечетъ за собой послѣдстві
предусмотрѣнныя въ статьѣ 144. Такимъ образомъ множес
во изданій изъ безцензурныхъ обратились въ подцензурны
и только одинъ „Наблюдатель", да „Гражданинъ" (послѣ
ній по особому повелѣнію) были избавлены отъ послѣдстві
3 предостереженія; при этомъ Главное Управленіе забыл
что оно должно опредѣлять срочность или безсрочност
этой мѣры, и фактически назначало ее всегда безсрочно[1]

[1]) Разборъ „временныхъ правилъ" см. въ Вѣстн. Евр. 1882, № 10. Внутре
нее Обозрѣніе. В. Е. доказываетъ, что правила эти напрасно названы време

Такимъ образомъ были приняты мѣры, чтобы возвратить урналистику къ тому положенію, въ какомъ она была до 365 г., или въ какомъ въ самое лучшее время находилась ровинціальная печать[2]).

ми, ибо „новаго закона о печати въ ближайшемъ будущемъ ожидать нельзя. той простой причинѣ, что въ направленіи, одинаковомъ съ духомъ „времен-хъ правилъ, идти больше немыслимо“ Въ этомъ, какъ мы увидимъ ниже. Е. ошибся. Какъ на примѣръ строгости цензуры В. Е. указываетъ на состо-шуюся незадолго передъ тѣмъ вырѣзку изъ Русской Мысли статьи Льва лстого „Что же намъ теперь дѣлать“. В. Е. могъ бы, еслибы хотѣлъ, и либы это ему позволили, указать на много подобныхъ же примѣровъ. Черезъ сколько мѣсяцевъ, (1883 г. № 4, Общественная Хроника) В. Е. сообщилъ сколько въ высшей степени любопытныхъ фактовъ изъ исторіи нашей цензу-въ эпоху М. В. Д. Макова (1879—80).

[2]) 5 января 1884 г. въ законодательномъ порядкѣ были приняты „въ видѣ еменной мѣры правила“, вошедшія въ Ц. У. изд. 1886 и 1890 г. (ст. 175, им.), и, конечно, до нынѣ не отмѣненныя, въ силу которыхъ М. В. Д предо-авлено право запрещать къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и обще-венныхъ читальняхъ книги, цензурою разрѣшенныя. М. В. Д. тотчасъ же со-авилъ длинный списокъ книгъ, изъятыхъ имъ изъ библіотекъ; списокъ этотъ свое время былъ опубликованъ въ газетахъ и вызвалъ гомерическій смѣхъ границей, и критическія замѣчанія даже въ русской публикѣ. Въ этомъ искѣ М. В. Д. смѣшалъ эмигранта П. Лаврова съ губернаторомъ П. Лиліен-льдомъ, и запретилъ благонамѣренныя произведенія послѣдняго, напечатанныя дъ иниціалами П. Л.; число подобныхъ промаховъ весьма значительно. Нау-нный опытомъ, въ 1894 г., М. В. Д. опубликовалъ особой брошюрой новый лфавитный списокъ произведеніямъ печати, которыя на основаніи пункта 3 имѣчанія къ статьѣ 175 Уст. о ценз. и печ. воспрещены Министромъ Внутр. лъ къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ. ставленъ въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, по 1 января 1894 г. тербургъ. 1894 г.“ На заглавномъ листѣ брошюры красуется надпись: „Пе-печатка сего списка отдѣльнымъ изданіемъ, а равно обнародованіе онаго во общее свѣдѣніе (хотя бы даже въ извлеченіяхъ) въ изданіяхъ періодическихъ, къ частныхъ, такъ оффиціальныхъ, воспрещается“, и брошюра разослана по ѣмъ библіотекамъ. Списокъ содержитъ 8 журналовъ („Дѣло“ 1867—1884 г., наніе“, „Отечественныя Записки“ 1867—84, „Русская Мысль“ 1880—91. усское Слово“ 1857—66, „Слово“ 1878—81, „Современникъ“ 1856—66. стои) и 171 названіе книгъ. Въ списокъ включены между прочимъ:

1. Алабинъ, 4 войны, походныя записки.
16. Брайсъ. Американская республика. 3 тома.
20. Ватсонъ. Исторія Коммуны (NB. Книга, враждебная Коммунѣ).
24. Вятская незабудка
25. Гаршинъ. Разсказы: „Трусъ“, „Изъ записокъ рядового Иванова“, „Четыре я на полѣ сраженія“, во всѣхъ изданіяхъ. (Слѣдовательно, фактически Сбор-къ разсказовъ Гаршина).
26. Гексли. О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ.
29. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX в. т. I. (Огромное спеціальное, весьма кое изслѣдованіе).

Теперь, казалось, цензурѣ было дано закономъ все, че
она могла только пожелать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у цензур
не было и не могло быть никакого побужденія, чтобы де
жаться строго на почвѣ законности. Она этого и не дѣлал

Запрещеніе розничной продажи налагалось особенно част
обыкновенно безсрочно и всегда безъ мотивовъ. За врем
1882—94 гг. мы насчитали, пользуясь ежегоднымъ Указ
телемъ къ Правительственному Вѣстнику, 55 случаевъ пр
мѣненія этой мѣры; но такъ какъ указатель этотъ состав
ляется и въ особенности составлялся въ началѣ 1880 годов
довольно небрежно, то истинное число ихъ несомнѣнно н
сколько превышаетъ названную цифру. Были случаи, что га

30. Гринъ. Исторія англійскаго народа. 4 тома.
31. Гюббаръ. Исторія литературы въ Испаніи.
32. Гюго В. 2 тома сочиненій въ изданіи Вольфа.
41. Добролюбовъ. Сочиненія.
47. Златовратскій. Сочиненія.
51. Ибервегъ. Исторія новой философіи.
53. Кетлэ. Человѣкъ и развитіе его способностей.
56. Ковалевскій П. (проф.). Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе.
58. Короленко. Очерки и разсказы.
75. Мержеевскій. Судебная гинекологія.
77—79. Милль. Почти всѣ сочиненія, существующія на русскомъ языкѣ.
85. Михайловскій. Сочиненія I—III т.
92. Молешоттъ. Физіологическія лекціи.
102. Ольденбергъ. Будда.
105. Писаревъ. Сочиненія.
117. Риль. Теорія науки и метафизика.
123. Скабичевскій. Очерки изъ исторіи русской цензуры.
128—132. Спенсеръ. Разныя сочиненія.
136. Сѣченовъ. Рефлексы головнаго мозга.
138. Сюдръ. Исторія коммунизма (враждебная всяческому соціализму и ко
мунизму книга, притомъ крайне пустая и поверхностная; въ списокъ попал
вѣроятно, по ошибкѣ).
139—148. Л. Толстой. Сочиненія, тт. XII и XIII и отдѣльныя брошюры.
149. Файфъ. Исторія Европы. 3 тома.
151. Фогтъ. Зоологическіе очерки.
153. Фогтъ. Физіологическія письма.
161. Чернышевскій. О причинахъ паденія Рима. (Такой книги никогда
существовало; это заглавіе одной статьи Чернышевскаго въ „Современникѣ
1861 г. Совершенно непонятно, почему другія сочиненія Чернышевскаго, дѣйств
тельно существующія, избѣгли той же участи. Изъ нихъ въ индексъ попал
еще только:
162. Чернышевскій. Матеріалы для біографіи Добролюбова.
164. Шелгуновъ. Сочиненія.
166—169. Щаповъ. Разныя его изслѣдованія о расколѣ и др.
171. Янжулъ. Книга о книгахъ. 2 тома и т. д.

ты, только что получившія вновь разрѣшеніе розничной
одажи, подвергались временному закрытію; по прошествіи
редѣленнаго срока онѣ возникали вновь, но высшая кара,
преки постановленіямъ уголовнаго права, не погашала низ-
ей, и розничная продажа оказывалась по прежнему запре-
енной (такъ было съ „Газетой Гатцука" въ 1884 г.). Были
учаи, что газета въ теченіе одного года дважды подвер-
лась этой карѣ, одинъ разъ возвращала себѣ утраченное
аво, а вторичное запрещеніе сохраняла за собою на слѣ-
ющій годъ. Такъ было, напр., съ „Русскими Вѣдомостями"
1886 г., съ „Гражданиномъ" въ 1888 г.

Сравнительно рѣдко прибѣгало Главное Управленіе къ
прещенію объявленій. Первый извѣстный намъ случай (не
итая случая въ 1881 г.) имѣлъ мѣсто съ газетой „Эхо"
1885 г.; послѣдній — въ 1894 г. съ „Русской Жизнью",
а газета 3 раза въ 1892, 93 и 94 гг. лишалась своего
ава. Всѣхъ такихъ случаевъ мы знаемъ 13. Вопреки за-
ну, эта кара налагается по большей части безсрочно.

Случаевъ пріостановки подцензурныхъ журналовъ за тотъ
е періодъ мы знаемъ 18. Въ спискѣ ихъ мы встрѣчаемъ
мянскую газету „Ардзаганъ" (1884), еврейскую газету
Гецефира" (1888), польскія газеты „Gazeta Radomska", „Ka-
zanin" и „Dziennik Lodzki" (1892). Эта кара въ громадномъ
льшинствѣ случаевъ налагалась безъ мотивовъ. Мотивы
сто сообщались редакторамъ при личныхъ ихъ объясне-
яхъ съ цензурою или Главнымъ Управленіемъ. Но намъ
и мотивы остаются въ громадномъ большинствѣ случаевъ
доступными.

Зато довольно обильный матеріалъ для исторія цензуры
едставляютъ предостереженія, всегда мотивированныя, хотя
огда и въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ. Число предо-
ереженій въ означенный періодъ равняется 36, изъ нихъ
третьихъ, т. е. съ пріостановками („Востокъ", „Газета Гат-
ка", Восточное Обозрѣніе", „Русское Дѣло", „Русскій Курь-
ъ", „Восходъ" — съ «послѣдствіями», т. е. съ отдачей подъ
едварительную цензуру безсрочно, и „Наблюдатель" — безъ
юслѣдствій»). Къ этому нужно прибавить 4 случая времен-
й пріостановки безцензурныхъ органовъ за несоблюденіе
ркулярныхъ предписаній, да 1 случай совершеннаго пре-
ащенія журнала „Отечественыя Записки".

Какъ мы уже говорили, отрицательное отношеніе къ само-
ржавію и конституціонныя стремленія въ этотъ періодъ
е не являются поводами для цензурныхъ мѣропріятій.
динственной карой, наложенной на журналъ, по причинамъ

общеполитическимъ, является закрытіе „Отечественныхъ З
писокъ“ въ апрѣлѣ 1884 г. Журналъ этотъ, самый популя
ный изъ когда либо существовавшихъ у насъ журналов
преслѣдовалъ идеалы, весьма мало подходящіе къ условія
нашего цензурнаго строя, а между тѣмъ, благодаря умѣн
Салтыкова говорить между строчками, читатели всегда чу
ствовали наличность этихъ идеаловъ. Но они ихъ толь
чувствовали. Совѣщаніе министровъ, закрывая журналъ,
преки обыкновенію, подробно мотивировало свое рѣшен
но не могло указать ни одной статьи, ни одного мѣста,
торыя давали бы поводъ къ такой страшной карѣ, и пре
почли отдѣлаться ссылкой на доказанную будто бы слѣдст
емъ (но не судомъ) связь нѣкоторыхъ сотрудниковъ „От
чесрвенныхъ Записокъ“ съ революціонной партіей (име
названы не были) и голословной фразой, что „Отечестве
ныя Записки“ проповѣдуютъ теоріи, находящіяся въ прот
ворѣчіи съ основными началами нашего государственна
и общественнаго строя, причемъ проповѣдь эта, обращенн
къ незрѣлымъ умамъ, не остается безплодной.

Послѣ гибели „Отечественныхъ Записокъ“ дѣятельнос
цензуры пріобрѣла болѣе скромный характеръ. Обыкновен
въ мотивахъ ея мѣропріятій встрѣчаются общія фразы
вредномъ направленіи журнала, но анализъ инкриминир
емыхъ статей доказываетъ, что дѣло идетъ или о крити
отдѣльныхъ правительственныхъ мѣропріятій, или о напа
кахъ на отдѣльныхъ лицъ.

Въ 1882 году было дано первое предостереженіе газет
„Восточное Обозрѣніе“. Эта газета, основанная Н. М. Я
ринцевымъ, была посвящена исключительно дѣламъ Сибир
и слѣдовательно, была газетою мѣстною. При другомъ пол
женіи печати она издавалась бы, конечно, въ Иркутскѣ и
Томскѣ, но такъ какъ тамъ (не по закону, а въ силу уст
новившейся практики) можетъ существовать только подце
зурная газета, то Ядринцевъ предпочелъ вести ее въ П
тербургѣ. Извѣстія съ мѣста попадали въ руки редакц
чрезъ нѣсколько недѣль послѣ событій, № газеты попадал
въ руки читателей чрезъ нѣсколько недѣль послѣ его в
хода въ свѣтъ, и онъ читалъ какъ новость о томъ, о чем
изъ слуховъ зналъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назад
Но съ этой ненормальностью Ядринцовъ мирился ради то
чтобы быть избавленнымъ отъ предварительной цензур
И вотъ 27 мая его газета получила первое предостережен
за то, что она „своею тенденціозностью и безпрерывны
нападками на сибирскую администрацію стремилась ее диск

тировать въ глазахъ мѣстнаго населенія". Черезъ два года а получила второе предостереженіе за ту же самую пронность, а 19 сентября 1885 г. за представленіе „въ неаговидномъ видѣ сибирской администраціи" — 3-ье, вмѣстѣ тѣмъ она была пріостановлена на двѣ недѣли, но съ приненіемъ къ ней послѣдствій, указанныхъ въ статьѣ 144, е. съ отдачею подъ предварительную цензуру. Такимъ обзомъ газета лишилась того преимущества, какимъ она льзовалась, благодаря изданію въ Петербургѣ. Въ виду ого, Ядринцевъ просилъ о разрѣшеніи перенести изданіе зеты въ Иркутскъ. Ходатайство было уважено, и газета ходитъ съ тѣхъ поръ въ Иркутскѣ подъ предварительной нзурой, которая не избавляетъ ее отъ разныхъ каръ въ дѣ 4-хмѣсячной пріостановки въ 1890 г.

Но въ чемъ состояли ея нападки на сибирскую админиацію? Въ мотивахъ всѣхъ трехъ предостереженій указа статьи, числомъ 7. Не имѣя возможности, по недостатку ста, излагать ихъ всѣ, мы остановимся на 3-хъ корреспонаціяхъ, давшихъ поводъ 2-му предостереженію, и извлемъ изъ нихъ наиболѣе рѣзкія мѣста.

№ 1 за 1880 г., корреспонденція изъ Четы.
У насъ неурожай, голодъ, дороговизна. Бичурское общество рѣло сдѣлать заемъ у купца Флорова 8 тысячъ пудовъ пшеницы, іравникъ тоже доказывалъ цѣлесообразность займа, «но увы! у съ нѣтъ никого, кто бы принялъ къ сердцу народное бѣдствіе и увственно на него откликнулся! Нѣтъ, лучше пропадай съ голоду! къ и не разрѣшили займа!»

№ 5. Укыра. Нѣсколько кулаковъ взяли почту значительно дороже, мъ ее можно было сдать. Объясняется это взяткою, данною почтйстеру.

№ 11. Мы слышали, что въ Ирбитѣ одно лицо убѣждаетъ купцовъ инять участіе въ экспедиціи для обслѣдованія Обской губы. Жаль. стынная Обская Губа для насъ не можетъ имѣть значенія, а утри у насъ достаточно дѣла, на которое можно было бы истраъ деньги и энергію.

Въ такомъ же родѣ были и провинности „Востока", котой въ 1884 г. получилъ 3-е предостереженіе, былъ оставленъ на 4 мѣсяца и отданъ подъ предварительную ценру

за дерзкія нападки на лицъ высшей духовной іерархіи и за невволительную запальчивость и рѣзкость при обсужденіи различхъ вопросовъ церковнаго управленія.»

Нѣсколько болѣе общаго свойства были поводы къ предоереженіямъ „Голосу", поведшимъ къ его прекращенію. 2-е едостереженіе было дано ему въ 1882 г. за три статьи. первыхъ, это былъ фельетонъ г. Арс. Введенскаго, въ

которомъ тотъ критиковалъ Щедрина, какъ „выразителя л
беральныхъ стремленій“; авторъ фельетона доказывалъ, ч
свобода дѣлать и говорить не ведетъ къ общественному р
вращенію. Вяло и тяжеловѣсно написанная статья эта н
чемъ не говорила съ достаточной опредѣленностью, но в
таки давала понять, что авторъ ея убѣжденный либера

2) „Наша великая бѣда“ А. Кошелева, — славянофильск
статья, какимъ то вѣтромъ занесенная на столбцы запад
ческаго „Голоса“, — рѣзко порицала нигилизмъ, какъ зан
ное ученіе, не имѣющее смысла на русской почвѣ, но с
же тоже достаточно рѣзко порицала излишнюю энергію в
стей въ розыскахъ неблагонадежныхъ элементовъ.

3) Передовая статья по поводу слуха о предстоящей п
редачѣ школъ въ вѣдѣніе духовенства. Въ ней говорило
что земство доказало свою способность руководить образо
ніемъ народа, а духовенство еще не доказало.

Одновременно съ „Голосомъ“, погибшимъ въ 1883 г., це
зура вела упорную борьбу съ „Русскимъ Курьеромъ“, п
слѣдуя его всевозможными карами, пока, наконецъ, эта г
зета, будучи въ 1889 г. отдана послѣ 3-го предостереже
подъ предварительную цензуру, не прекратилась доброволь
1-ое предостереженіе было дано ей въ 1883 г. за вредн
направленіе, выразившееся въ „подборѣ и невѣрномъ осв
щеніи фактовъ о бытѣ крестьянъ“; послѣднее за стат
оскорбительныя для „высшаго сословія въ государств
Инкриминируемыя статьи по крестьянскому вопросу объясн
ютъ причины крестьянскихъ переселеній. „Недостатокъ н
дѣльной земли, чрезмѣрная обременительность платежей
повинностей, чаще и чаще повторяющіеся неурожаи... во
причина крестьянскаго бѣдствія“. Объ этомъ трактуетъ п
чать, и общество, и земство, говоритъ „Русскій Курьеръ“.

Другая, указанная въ предостереженіи, статья, трактова
не о крестьянскомъ вопросѣ, а о Катковѣ, занимающем
по словамъ газеты, систематическимъ обругиваніемъ рефор
прошлаго царствованія.

Катковъ же послужилъ причиной предостереженій, а
концѣ концовъ и гибели „Газеты Гатцука“. Это была м
ленькая иллюстрированная, издававшаяся въ Москвѣ, газе
ка, умѣренно консервативнаго и ярко антисемитическаго н
правленія. Но она постоянно и рѣзко нападала на Катков
и вотъ, 24 марта 1884 г. она получила предостереженіе
„несомнѣнно вредное направленіе, выразившееся, между пр
чимъ, съ особенною рѣзкостію въ статьяхъ“ такихъ то. Од

ь этихъ статей была именно нападеніемъ на Каткова, сдѣннымъ съ безусловно консервативной точки зрѣнія.

Получивъ предостереженіе, редакторъ позволилъ себѣ нѣ), совершенно у насъ необычное. Онъ помѣстилъ передою статью, въ которой протестовалъ противъ предостереженія.

:Мы не понимаемъ, говорилъ онъ, основаній этого страшнаго привора, такъ какъ ни объясненіе малаго успѣха коммиссій по реормамъ отсутствіемъ участія общества въ ихъ трудахъ (№ 1), ни смѣшка надъ «Московскими Вѣдомостями», позволившими себѣ пристойныя выходки противъ высшаго государственнаго учрежде въ Россіи (№ 2), ни разсказы г. Лѣскова, художественно оттѣющіе столь нежелательныя русскому человѣку схоластическо-сенарскія начала и невѣжество, доселѣ встрѣчающіяся въ нашемъ итенномъ духовенствѣ (№ 9, 10 и 11), не могутъ быть признакомъ сомнѣнно вреднаго направленія».

Къ этому редакція присоединяла заявленіе, что религія, асть и нравственность — это три принципа, которые она рячо отстаиваетъ, и что ея полемика съ „Московскими Вѣмостями“ вовсе не говоритъ объ отсутствіи у нея вѣрнодданническихъ чувствъ. Немедленно вслѣдъ за этимъ гага получила второе предостереженіе, данное на томъ основніи, что ея передовая статья въ № 14 доказываетъ, что ринятая относительно ея мѣра не послужила ей на пользу“. Газета смирилась и промолчала, но въ томъ же 1884 г. е таки получила 3-ье предостереженіе; ибо, „не смотря на ьявленныя ей предостереженія, не измѣнила своего пресудительнаго направленія“, что сказалось въ двухъ статьъ, изъ которыхъ одна была вновь направлена противъ аткова, а другая — противъ Гилярова-Платонова. Послѣ ого газета до 1889 г. влачила подъ предварительной ценрой жалкое существованіе, пока не перешла въ руки друй редакціи и не погибла. Но ея редакторъ не успокоился, въ выраженіи своего негодованія противъ цензуры обнажилъ такое мужество, какое рѣдко обнаруживали русскіе тераторы. За полной своей подписью онъ опубликовалъ въ ной изъ англійскихъ газетъ свое письмо, въ которомъ разазывалъ исторію своей газеты и въ дополненіе къ ней сощилъ, что вопреки всякимъ законамъ, безъ всякихъ къ му поводовъ, полиція закрыла его типографію; все это тцукъ объяснялъ ненавистью къ нему царящаго въ Россіи аткова [3]).

[3]) Къ величайшему сожалѣнію мы не могли розыскать того №-ра Times'а и Standard'а, въ которомъ было помѣщено (въ концѣ 1887 или въ началѣ 88 г.) письмо Гатцука, но совершенно ясно помнимъ его содержаніе.

Подобнымъ же образомъ протестовалъ противъ цензуры И. С. Аксаковъ, когда его „Русь" получила предостережен (1885 г.) за „обсужденіе текущихъ событій тономъ, несовм стимымъ съ истиннымъ патріотизмомъ и за стремленіе возб дить неуваженіе къ правительству, доказательствомъ че служитъ статья въ № 21". Указанная статья противъ ру ской и иностранной политики дѣйствительно написана т номъ, совершенно необычнымъ въ русской журналистикѣ п слѣдняго времени и напоминающимъ прежняго Аксако редактора „Дня". „Не хватаетъ уже и духа глумиться на нашей дипломатіей", таково было вступленіе статьи. Мы х тѣли, говорилось въ ней далѣе, замѣнить политику славя скихъ чувствъ политикой реальныхъ интересовъ, совсѣ забывъ, что реальные интересы неотдѣлимы отъ идеальны цѣлей, но въ дѣйствительности мы замѣнили ее политик мелкихъ чувствъ досады, гнѣва, обиды.

Въ № 22 было напечатано предостереженіе, а въ № статья Аксакова, написанная еще менѣе обычнымъ у на тономъ.

«Повинуясь закону, мы помѣстили въ прошломъ № данное «Рус предостереженіе безъ всякихъ съ нашей стороны примѣчаній и ясненій. Предостереженіе это намъ было доставлено помощнико частнаго пристава черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ те графъ уже оповѣстилъ о немъ всю Европу къ великому торжест австрійскихъ газетъ. Благоразумѣе, быть можетъ, было бы и тепе оставить вовсе безъ оговорокъ это оффиціальное назиданіе, но немъ есть нѣчто необыкновенное... Намъ брошено въ лицо обвин ніе въ недостаткѣ патріотизма... Въ статьяхъ 12—30 Ценз. Уста перечисленны всѣ провинности печати, которыя могутъ служить водомъ для принятія упомянутой мѣры, но ни о патріотизмѣ вообщ ни о патріотизмѣ истинномъ въ этихъ статьяхъ нѣтъ ни слова, даже намека. Мѣняться намъ поздно, да и не подстать... мы расположены, да и не сумѣли бы... Правительство можетъ закры нашу газету... но пока мы держимъ перо въ рукахъ, оно будетъ тѣмъ же независимымъ и искреннимъ, и уже несомнѣнно истин патріотическимъ».

Немедленно же слѣдовала статья объ иностранной п литикѣ въ прежнемъ тонѣ. Цензура сочла благоразумны уступить.

Всѣ мѣры, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, ес не считать нѣкоторыхъ пріостановокъ въ 1881 г. за нар шеніе циркуляровъ, были приняты противъ органовъ бол или менѣе либеральныхъ; исключеніе составляетъ „Газе Гатцука", съ которой не считали нужнымъ церемониться Но къ 85 г. цензура настолько справилась съ либерально журналистикой, что сочла возможнымъ налагать взыскан

органы консервативные уже не за вредное направленіе, за случайныя провинности, за разногласія со взглядами о или другого министра. Въ 1885 г. „Гражданинъ“ полуъ 1-ое предостереженіе за рѣзкую статью о морскомъ зѣ. Это предостереженіе было погашено, когда „Гражданъ“ обратился изъ газеты, выходящей два раза въ недѣлю, большую ежедневную газету. Въ 1888 г. онъ вновь поилъ 1-ое предостереженіе за то, что „при благонамѣренъ вообще своемъ направленіи, позволяетъ себѣ постоянно айне неприличные отзывы о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ авительства и о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ“. криминированныя статьи говорятъ: одна о томъ, что Сиское университетъ будетъ разсадникомъ революціонныхъ ей и въ частности идей сепаратизма, другая — о томъ, Сенатъ неправильно, и именно пристрастно въ пользу довъ, толкуетъ у насъ законы о томъ разстояніи, которое жно отдѣлять православныя церкви отъ еврейскихъ мовенныхъ школъ, и наконецъ, третья, озаглавленная „Гдѣ ернаторъ“, обвиняетъ самарскаго губернатора за то, что ъ не опротестовалъ одного земскаго постановленія.

Въ 1888—89 гг. было погублено „Русское Дѣло“, органъ сковскихъ фабрикантовъ, за недостаточно уважительное ошеніе ко дворянству. Въ 1890 г. „Московскія Вѣдомо“ получили 1-ое предостереженіе за „дерзкій отзывъ о ударственномъ дѣятелѣ“, именно финляндскомъ губернаѣ гр. Гейденѣ, который подписалъ, — вѣроятно, какъ дуетъ газета, не понимая того, что онъ подписываетъ, — нляндское Уголовное Уложеніе, назначающее столь нелично легкія наказанія за политическія преступленія.

Чрезъ два года та же газета получила 2-ое предостереніе за нападеніе, — даже не особенно рѣзкое, — на реактора оффиціальныхъ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомой“, которыя, по мнѣнію газеты, позволяютъ себѣ съ замѣтельной небрежностью относиться къ архипастырскимъ поніямъ московскаго митрополита.

Далѣе въ этомъ направленіи идти было некуда, и 2-ое едостереженіе, данное „Гражданину“ въ 1893 г., за упреки сковскому дворянству, которое занимается пустяками вмѣсто о, чтобы посвящать свое время общегосударственнымъ и рянскимъ интересамъ, — не представляетъ уже ничего заго.

Консервативная печать была введена въ предѣлы; отнынѣ не могла уже ни на одну пядь отклониться отъ правиьственныхъ желаній. Съ либеральною печатью церемони-

лись не болѣе. Предостереженіе „Новостямъ“ въ 1891 го
за безконечно невинныя статьи звучитъ прямо издѣвате
ствомъ, такъ какъ оно дано даже не за вредное направлен
а за критику правительственныхъ мѣропріятій „съ точ
зрѣнія фальшиваго либерализма“. Въ 1891—92 г. было н
сколько административныхъ каръ, вызванныхъ голодомъ
холерою. Предостереженіе „Русскимъ Вѣдомостямъ“ указ
вало на помѣщенныя въ № 311 (1891) въ отдѣлѣ телеграм
„тревожныя и не соотвѣтствующія дѣйствительности свѣд
нія о продовольственномъ дѣлѣ въ имперіи, что служитъ н
вымъ доказательствомъ предосудительнаго направленія озн
ченнаго изданія“. Вотъ вся предосудительная телеграмма с
слова до слова.

«Петербургъ, 10 октября. Въ «Вѣстникѣ Финансовъ» опубликова
сводъ данныхъ объ урожаѣ въ Россіи въ текущемъ году. До нов
жатвы для прокормленія населенія не хватаетъ 213 милліоновъ
довъ ржи. Пшеницы осталось не вывезенной немногимъ бол
160 милліоновъ пудовъ, слѣдовательно около 290 милліоновъ не
стающей ржи должно быть покрыто ячменемъ, картофелемъ и д
гими продовольственными хлѣбами. На четырехъ южныхъ, прим
кающихъ къ Кавказу, желѣзныхъ дорогахъ стоитъ въ данное вре
безъ отправки 27000 вагоновъ. Общая сумма залежей хлѣба 1
милліоновъ пудовъ. Въ Петербургѣ цѣна первосортнаго ржан
хлѣба поднялась до 5 коп. за фунтъ».

Вотъ и все. Въ дѣйствительности это предостереженіе бы
дано, конечно, не за невинную цифровую опечатку въ т
леграммѣ, которая легко могла быть исправлена, а за н
задолго передъ тѣмъ помѣщенную статью Льва Толсто
„Страшный Вопросъ“ [1]), какъ это и было объяснено реда
ціи при личныхъ ея переговорахъ съ Главнымъ Управл
ніемъ. Но цензура не нашла нужнымъ лишній разъ обр
щать вниманіе публики на замѣчательную статью, и бе
того надѣлавшую много шума, и предпочла придраться
первому удобному или даже вовсе неудобному поводу.

Голодъ же, и именно статья г. Краснолерова „О Сама
скомъ голодѣ и его причинахъ“ (1892 г. № 3) была дѣйст
тельнымъ поводомъ къ отдачѣ „Юридическаго Вѣстник
подъ предварительную цензуру, вслѣдствіе чего журналъ д
бровольно закрылся.

„Русская Жизнь“ получила предостереженіе 16 іюля 18
за то, что „при вообще неодобрительномъ направленіи, выз
вавшемъ неоднократно примѣненіе административныхъ мѣр
приняла на себя задачу служить органомъ тревожныхъ

[1]) Р. В. 1891. № 306.

лишенныхъ всякаго основанія слуховъ". Дѣло идетъ о хо-
рѣ и холерныхъ безпорядкахъ. „Лишенные всякаго осно-
нія слухи" въ самомъ скоромъ времени оказались грозной
йствительностью.

Проходя мимо пріостановокъ газетъ за случайныя замѣтки
мелкихъ событіяхъ въ гимназіяхъ, или о чрезмѣрныхъ рас-
дахъ при постройкѣ Закаспійской жел. дороги, назначен-
ыхъ за неисполненіе циркуляровъ, мы отмѣтимъ здѣсь пер-
е предостереженіе, данное 15 декабря 1889 г. „Вѣстнику
вропы" за статью г. Вл. Соловьева „Очерки изъ исторіи
усскаго сознанія", въ которой Мин. Вн. Дѣлъ усмотрѣлъ
аздражительную критику противъ церкви и государства",
2-ое предостереженіе „Русской Мысли" (26 ноября 1893).
но, какъ и недавняя кара „Русск. Вѣдомостямъ", инте-
есно по недобросовѣстному формулированію обвиненія. Пре-
остереженіе дано оффиціально за то, что въ статьѣ „Соціо-
огія на эконом. основѣ" („Р. М." 1893, № 11) „изложены
райне вредныя ученія соціализма, причемъ авторъ, прикры-
аясь незначительными возраженіями и оговорками, очевидно
мѣетъ цѣлію пропагандировать ихъ". Недобросовѣстной мы
азываемъ эту формулировку потому, что статья представ-
иетъ изложеніе книги итальянскаго экономиста Лорія, со-
ровождаемое очень рѣшительными и существенными возра-
еніями, стремящимися подорвать основные выводы автора.
редостереженіе очевидно дано за что то другое.

Многія изъ изданій, подвергшись нѣсколькимъ пріостанов-
амъ или инымъ карамъ, не имѣли силъ подняться вновь;
ругія закрылись сами, не дождавшись ожидаемой ими кары,
явивъ въ послѣднемъ №, что при настоящихъ условіяхъ
и не считаютъ возможнымъ или стоющимъ влачить свое
ществованіе. Такъ погибли за время царствованія Алек-
ндра III: „Слово", „Устои", „Земство", „Голосъ", „Дѣло",
Русскій Курьеръ", „Юридическій Вѣстникъ" и многія дру-
я, въ особенности провинціальныя изданія. Новыхъ же си-
ематически не разрѣшали, — исключеній очень немного,
ли не считать такихъ спеціальныхъ изданій, какъ „Вело-
педный Спортъ" и т. под. [5]).

---

[5]) Изъ погибшихъ такимъ способомъ изданій наибольшій интересъ представ-
ятъ „Голосъ". Эта газета, основанная А. А. Краевскимъ въ 1863 г. и редак-
ровавшаяся съ начала 1870-хъ гг. (фактически) проф. Бильбасовымъ, была

ГЛАВА V.

Цензура въ царствованіе Николая II. Заключеніе.

21 октября 1894 года наступило новое царствованіе. Но-
вому государю предстояло только идти по стопамъ своего
родителя, и онъ дѣлалъ это съ полнымъ самосознаніемъ и
твердостью. Область цензурной практики, конечно, не со-
ставляла исключенія. Уже въ прошломъ царствованіи цен-
зура иногда позволяла себѣ нарушать законы; оставалось
сдѣлать еще небольшой шагъ, чтобы поставить законы на
полку и окончательно забыть объ ихъ существованіи.

Если цензурные циркуляры о болѣзни тайнаго совѣтника
Аракина, о семейныхъ отношеніяхъ Маркуса или о получе-
ніи по подложнымъ документамъ изъ Государственнаго бан-
ка 225 тысячъ, хотя и съ большою натяжкой, но могутъ
быть оправданы статьею 140 Цензурнаго Устава, дозволяю-
щею запрещать журналамъ касаться нѣкоторыхъ вопросовъ
государственной важности, то новое царствованіе дебютиро-
вало на этомъ поприщѣ циркуляромъ, который, при какомъ
угодно толкованіи, не можетъ быть оправданъ закономъ:
„Главное Управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію г.
Министра Внутреннихъ Дѣлъ, приглашаетъ господъ редак-

къ моменту своей смерти самою популярною въ Россіи газетою: она расходилась
болѣе чѣмъ въ 20.000 экз. Умѣренная, бюрократически-либеральная, рѣзко враж-
дебная революціонному движенію, она, будучи выразительницей идеаловъ и во-
зрѣній опредѣленной части общества, занимала своеобразное положеніе въ рус-
ской журналистикѣ, и ея гибель оставила въ ней незаполненный до сихъ поръ
пробѣлъ. За время съ 1863—77 гг. она подверглась 11 предостереженіямъ,
3 пріостановкамъ (въ общей сложности на 6 мѣсяцевъ) и 11 разъ запрещенію
розничной продажи. Въ 1881 г. она подверглась вновь тремъ предостереженіямъ
и запрещенію на 6 мѣсяцевъ. Исторія замѣнившей ее было „Новой Газеты“
изложена выше, во II главѣ. Послѣ возобновленія въ 1882 г. „Голосъ“ въ 1[illegible]
года подвергся вновь, кромѣ запрещенія розничной продажи, тремъ предостере-
ніямъ и запрещенію на 6 мѣсяцевъ съ отдачею подъ предварительную цензуру,
послѣ чего закрылся. Исторію его см. въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза под
словомъ *Голосъ*. — Газета „Земство“ въ послѣднемъ своемъ № въ 1882 г. за-
явила: „Въ виду наступленія новыхъ вѣяній, мы предпочитаемъ молчать, чѣмъ
говорить иносказаніями, и прекращаемъ нашъ журналъ, надѣемся не навсегда,
на время: быть можетъ наступятъ новыя вѣянія“....

Любопытные факты изъ исторіи ходатайствъ объ открытіи новыхъ изданій въ
провинціи см. „Вѣстникъ Европы“ 1896, № 5, стр, 433.

ровъ безцензурныхъ періодическихъ изданій не печатать атей бывшаго члена Сыръ-Дарьинскаго областного суда въ шкентѣ, Семена Ивановича Гуссона, безъ предваритель-го просмотра ихъ въ Главномъ Управленіи"[1]).

Очевидно, что требовать на предварительный просмотръ ѣ безъ исключенія статьи какого либо автора не значитъ допускать до обсужденія вопроса государственной важ-сти. Тѣмъ не менѣе въ періодической печати никто не отестовалъ противъ этого циркуляра, никто не обжало-лъ его по начальству, никто не опубликовалъ его на сво-ь столбцахъ, какъ явную насмѣшку надъ закономъ и дъ здравымъ смысломъ. Очевидно было, что цензура мог-и далѣе шествовать въ томъ же направленіи.

Мы оставимъ въ сторонѣ тѣ циркуляры, которые по сво-у характеру не представляютъ ничего новаго сравнитель-съ циркулярами прежняго царствованія, ограничившись мѣчаніемъ, что крестьянскій вопросъ, очевидно, смѣняет-вопросомъ рабочимъ; цензура отнынѣ запрещаетъ гово-ть уже не объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, объ отношеніяхъ рабочихъ къ фабрикантамъ и о волнені-ь на фабрикахъ[2]). Мы отмѣтимъ нѣсколько новыхъ по ху циркуляровъ.

19 января 1895 года Главное Управленіе оповѣстило га-ты, что извѣстіе „Новаго Времени" о томъ, будто Кер-нскій проливъ замерзъ — лишено основанія; а такъ какъ добныя замѣтки приводятъ къ нежелательнымъ результа-

[1]) 12 Ноября 1894 г.

[2]) 1896, 8 іюня, 18 іюля за № 4537. Второй изъ этихъ циркуляровъ гласитъ: „Въ № 158 «Правит. Вѣстн.» опубликовано изложеніе событій, имѣвшихъ сто во время забастовокъ на петербургскихъ фабрикахъ въ маѣ и іюнѣ сего а. Сообщеніе «Правит. Вѣстн.» исчерпываетъ вполнѣ фактическую сторону го явленія и основано на точныхъ, тщательно провѣренныхъ данныхъ. Въ у сего, по порученію г. министра Вн. Д., редакціи повременныхъ изданій глашаются въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ не выходить за предѣлы печатаннаго сообщенія и съ крайней осторожностью пользоваться свѣдѣніями, орыя могли бы дойти до нихъ изъ другихъ источниковъ, а равнымъ обра-ъ съ осмотрительностью переходить отъ разсмотрѣнія этихъ событій, какъ атривается изъ сообщенія «Правит. Вѣстн.», возникшихъ единственно изъ бенностей внутренняго распорядка на бумаго-прядильныхъ фабрикахъ, къ за-юченіямъ относительно общаго положенія всѣхъ фабричныхъ рабочихъ".

Какъ извѣстно, сообщеніе „Правит. Вѣст." было помѣщено уже послѣ оконча-стачки, — и слѣд. все время, пока она продолжалась, общество, весьма сильно тересовавшееся ею, принуждено было довольствоваться слухами. Кромѣ того авительственное сообщеніе было весьма неточно и не полно. Число стачечни-ъ уменьшено въ немъ почти въ 2 раза.

тамъ, то Главное Управленіе проситъ редакціи печата
ихъ только въ томъ случаѣ, если они будутъ доставле
оффиціальными лицами.

25 іюня 1895 г. было заявлено, что Высочайшій Ука
напечатанный въ № 133 „Правительственнаго Вѣстник
„о предоставленіи дѣтямъ капитана Аграновича правъ
преимуществъ по роду и наслѣдію законнымъ дѣтямъ пр
надлежащихъ, — отнюдь не должно быть перепечатано
другихъ газетахъ". Это былъ первый случай запрещен
Главнымъ Управленіемъ перепечатокъ изъ „Правительстве
наго Вѣстника". Интересно, кто бы обратилъ вниманіе
этотъ указъ, если бы этого не сдѣлала цензура.

18 мая 1896 года произошло, какъ извѣстно, страшн
несчастіе на Ходынскомъ полѣ. На слѣдующій день по р
дакціямъ былъ разосланъ циркуляръ.

«Не печатать о происшествіи на народномъ гуляньѣ на Ходы
скомъ полѣ въ Москвѣ невѣрныхъ и преувеличенныхъ слуховъ, н
согласныхъ съ правительственными сообщеніями, которыя появл
ются въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Другими словами, только правительственныя свѣдѣнія м
гутъ быть вѣрны и не преувеличены, не исключая и ци
ры убитыхъ, которая, по общему убѣжденію, была умен
шена въ правительственномъ сообщеніи, по крайней мѣр
раза въ полтора. 15 іюля былъ опубликованъ Высочайш
Указъ, въ которомъ Государь заявлялъ: „Горячо приним
къ сердцу все, что касается этого горестнаго событія, М
въ постоянной заботѣ о правдѣ, признали необходимы
лично разсмотрѣть произведенное по этому дѣлу предвар
тельное слѣдствіе, и нынѣ, тщательно сообразивъ обсто
тельства, выясненныя этимъ слѣдствіемъ, Мы признаемъ
благо, не обращая дѣло къ судебному порядку, разрѣши
его Нашею непосредственною властью", и прикрывъ всѣ
истинныхъ виновниковъ этого дѣла, пожертвовать одни
полиціймейстеромъ, сдѣлать выговоръ, безъ внесенія въ фо
муляръ, чиновнику Беру, и приказать разнымъ властя
никогда впредь не соперничать, а согласовать свои дѣ
ствія. Немедленно вслѣдъ за этимъ былъ разосланъ цирк
ляръ такого рода:

№ 4539. «По приказанію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ редакц
повременныхъ изданій приглашаются: обсужденіе Высочайш
Указовъ относительно несчастій, случившихся на Ходынскомъ
по въ дни священнаго коронованія, производить въ духѣ безпр
страстія и спокойствія, избѣгая тона и выраженій, могущихъ во
новать страсти, и тщательно воздерживаясь отъ всякихъ разг
гольствованій о дѣйствіяхъ высшей мѣстной администраціи по устро

ву народнаго гулянья на Ходынскомъ полѣ. При этомъ редакціи не преминуть держаться въ предѣлахъ правительственныхъ сообщеній относительно фактической стороны Ходынскаго происшествія, какъ то было указано въ распоряженіи Главнаго Управленія по дѣламъ печати отъ 19 мая за № 3264».

Лѣтомъ 1896 года былъ уволенъ Ѳ. Ѳ. Эрисманъ, одинъ изъ наиболѣе популярныхъ профессоровъ Московскаго университета. Редакціи были тотчасъ же приглашены не помѣщать никакихъ статей и извѣстій, выражающихъ сочувствіе его служебной дѣятельности. То же самое было сдѣлано по поводу увольненія врача И. И. Моллесона, завѣдывавшаго медико-статистическимъ отдѣломъ Саратовской земской Управы. Наконецъ, 31 октября и 9 ноября 1896 г. было предписано редакціямъ не помѣщать никакихъ разсужденій о дѣлѣ гласнаго С.-Петербургской думы Кедрина, обвиняемаго въ оскорбленіи 22 гласныхъ той же думы, а также рѣчей, „могущихъ быть произнесенными" на предстоявшемъ обѣдѣ въ его честь (который, кстати, такъ и не состоялся). Циркуляры эти подали поводъ къ слѣдующему курьезу. Предсѣдатель С.-Петербургскаго Окружного Суда распорядился отпечатать въ 100 экземплярахъ мотивированный приговоръ суда, какъ это обыкновенно дѣлается, когда достаточно велико число лицъ, имѣющихъ законное право требовать копію съ приговора. Петербургская цензура задержала этотъ приговоръ, буквально толкуя циркуляръ, запрещающій всякія разсужденія и объясненія по поводу процесса. Конечно, одного визита предсѣдателя суда къ Главноуправляющему по Дѣламъ Печати было достаточно, чтобы исправить ошибку излишне рьяныхъ цензоровъ.

Въ области предостереженій и запрещеній новое царствованіе отмѣчено, помимо нѣкоторыхъ пріостановокъ подцензурныхъ журналовъ („Курскій Листокъ", московская газета „Жизнь",—послѣдняя за разоблаченіе подкупа строительной коммиссіи, осматривавшей зданіе новаго московскаго театра, „Саратовскій Дневникъ"—за корреспонденціи изъ Нижняго-Новгорода объ увеличеніи тамъ расходовъ на тайную полицію и др.), помимо также нѣсколькихъ запрещеній розничной продажи (такъ розничная продажа „Русскихъ Вѣдомостей" была запрещена за появленіе безъ траурной рамки въ годовщину смерти Александра III; то же самое со стороны другихъ газетъ было оставлено безъ вниманія), во первыхъ, не мотивированнымъ прекращеніемъ „Русской Жизни" (1895), во вторыхъ, 1-мъ предостереженіемъ „Наблюдателю" (1895), въ третьихъ, 2-мъ предостереженіемъ „Недѣлѣ",

даннымъ за статьи Меньшикова (1 предостереженіе бы
дано ей въ 1884 году, но предостереженія, какъ извѣстн
никакой давностью не погашаются). Запрещеніе „Русск
Жизни“, ея издатель, г. Пороховщиковъ, въ поданномъ им
прошеніи на Высочайшее имя объяснялъ вліяніемъ мин
стра финансовъ Витте, противъ политики котораго онъ п
мѣстилъ нѣсколько статей. „Нѣсколько недѣль спустя посл
отсылки письма Государю, я получилъ бумагу за подпись
того же г. Дурново, что Его Величество соизволилъ отк
зать мнѣ даже въ томъ, въ чемъ не отказываютъ самом
тягчайшему преступнику, т. е. въ судѣ для выясненія мот
вовъ лишенія добраго имени и достоянія“[3]).

Въ іюнѣ 1896 года мѣсто Ѳеоктистова на посту Главн
управляющаго по Дѣламъ Печати занялъ М. Соловьев
Ѳеоктистовъ, очевидно, сыгралъ свою роль, и нуженъ был
человѣкъ болѣе энергичный. Новый Главноуправляющій сд
лалъ новый шагъ впередъ[4]). Онъ смѣло и совершенно вѣ
но заявилъ въ личномъ разговорѣ, что онъ намѣренъ бы
не Главноуправляющимъ по Дѣламъ Печати, а управля
щимъ печатью[5]). Основываясь на этомъ, онъ потребовал
отъ г. Гайдебурова (редактора „Недѣли“), чтобы тотъ уд
лилъ изъ своего журнала г. Меньшикова, а отъ г. Пропп
ра (издатель „Биржевыхъ Вѣдомостей“), чтобы тотъ сд
лалъ тоже самое съ г-мъ Далинымъ, грозя въ противном
случаѣ суровыми карами журналамъ. Это было сдѣлано д
2-го предостереженія „Недѣлѣ“, и хотя г-нъ Гайдебуров
равно какъ и г. Проппѣръ, исполнили требованіе г. Главн
управляющаго, „Недѣлѣ“ все таки дано было предостер
женіе именно за статьи г. Меньшикова.

Осенью 1896 года издатели „Русскаго Вѣстника“ раз
шлись съ его редакторомъ, г. Стахѣевымъ, вслѣдствіе чре
мѣрныхъ притязаній этого послѣдняго на кассу редакці
Издатели стали просить объ утвержденіи новаго редактор
но Соловьевъ соглашался на это подъ однимъ условіем
чтобы новымъ редакторомъ былъ г. Медвѣдскій, извѣстны

[3]) Пороховщиковъ. „Самодержавіе на канунѣ XX в.“. Лейпцигъ, 1895, стр.

[4]) Къ сожалѣнію, большей части дальнѣйшихъ фактовъ мы не можемъ п
твердить ссылками на источники, но тѣмъ не менѣе настаиваемъ на ихъ дос
вѣрности. Читатель, не расположенный вѣрить намъ на слово, можетъ закры
брошюру.

[5]) Программа такого рода была за нѣсколько времени предъ тѣмъ опредѣлен
намѣчена въ статьяхъ Spectator'a (Грингмута) въ „Московск. Вѣд.“. См. „Вѣс
Европы“ 1896. 11. 439.

мъ, что онъ писалъ либеральныя статьи въ „Наблюдате-„“ и рѣзко реакціонныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“[6]). Издали послѣдняго на это не соглашались; Соловьевъ стоялъ своемъ. Но на этотъ разъ онъ наткнулся на противоэйствіе. Если бы „Русскій Вѣстникъ“ не отличался достачной благонамѣренностью, если бы его издатели не имѣхорошихъ связей, то очень возможно, что онъ одержалъ побѣду. Но случилось иначе: издатели рѣшились пріоановить выпускъ „Русскаго Вѣстника“, а затѣмъ предъять искъ къ Соловьеву объ убыткахъ. Въ концѣ концовъ ѣ стороны пошли на уступки, и „Русскій Вѣстникъ“ пешелъ въ руки другихъ издателей.

Точно также Соловьеву пришлось отступить въ дѣлѣ съ ражданиномъ“. „Гражданинъ“ помѣстилъ нѣсколько груихъ выходокъ противъ президента Французской республики ора какъ разъ во время поѣздки Государя во Францію, гда цензура особымъ циркуляромъ взяла и его подъ свою щиту. Главн. Управл., забывъ о 156 статьѣ Ценз. Уст., рающей за подобныя преступленія временной пріостановй безъ всякихъ послѣдствій, дало „Гражданину“ 5 октября 96 г. 3-е предостереженіе со всѣми его послѣдствіями. днако кн. Мещерскому удалось добиться чрезъ три недѣли ысочайшаго повелѣнія, возстановившаго его права, и онъ тался въ выигрышѣ: газета его теперь чиста отъ предоерeженій[7]).

Зато г. Соловьевъ съумѣлъ навязать въ редакторы „Бирвымъ Вѣдомостямъ“ извѣстнаго порнографическими рома-

) См. любопытныя извлеченія и сопоставленія изъ этихъ статей въ статьѣ Михайловскаго въ „Русск. Бог.“ 1896. № 5.

) Слѣдуя своей системѣ — не вѣрно мотивировать налагаемыя кары, Главн. р. въ предостереженіи „Гражданину“ указываетъ не на нарушеніе циркуляра орѣ, а на нарушеніе ст. 102 и 104 Ц. У. Неправильность этой ссылки дна уже изъ того, что ст. 104 гласитъ объ оскорбленіи иностранныхъ гоарей и членовъ ихъ семействъ, между тѣмъ въ инкриминированныхъ статьяхъ ражданина“ рѣчь идетъ исключительно о Форѣ, который, на сколько намъ вѣстно, государемъ нигдѣ не состоитъ. Самъ кн. Мещерскій въ первомъ по вовновленіи № своей газеты откровенно объяснялъ ея запрещеніе нарушеніемъ ркуляра, причемъ оправдывался тѣмъ, что онъ самъ не читалъ этого циркура, а читавшій его членъ редакціи невѣрно его понялъ. (См. „Новое Время“. 96, № 7425). Изъ этого видно крайнее неудобство того порядка, на основаніи торого правительственныя распоряженія даются только на прочтеніе; но это се не объясняетъ, почему М. В. Д. примѣнилъ къ „Гражданину“ мѣру взыанія, ничего общаго съ предусмотрѣнной закономъ не имѣющую.

нами г. Ясинскаго, и эта газета, еще недавно либеральна
стала безусловно консервативною.

Лѣтомъ 1897 г. московская цензура задержала 7-ую кни
ку „Русской Мысли“ уже по истеченіи указаннаго 4 дне
наго срока, когда одна партія книгъ уже была сдана
почту, и потребовала вырѣзки и перепечатки нѣскольки
страницъ. „Русская Мысль“ имѣла полное право и возмо
ность протестовать, если не неповиновеніемъ, то по крайн
мѣрѣ обжалованіемъ въ Комитетъ Министровъ, — но, оп
саясь мести со стороны цензуры, она покорно подчинила
незаконной мѣрѣ. За годъ передъ тѣмъ „Русская Мысл
подчинилась еще болѣе произвольному требованію предста
лять въ цензуру на предварительный просмотръ всѣ стат
по рабочему вопросу[8]).

[8]) Мы ничего не говоримъ здѣсь о провинціальной печати, потому что об
ея положеніе достаточно выяснено въ I главѣ, а для оцѣнки тѣхъ измѣнен
которыя произошли въ немъ въ послѣдніе годы мы располагаемъ только отр
вочными фактами, число которыхъ недостаточно для какихъ бы то ни б
общихъ выводовъ. Въ послѣднее время нѣсколько курьезовъ изъ области д
тельности провинціальной цензуры проскочило въ столичную печать; такъ
„Руси“, № 7 и 15 за 1897 г. были помѣщены интересныя статьи на эту те
Къ сожалѣнію, „Русь“ держится системы обличенія, осмѣянной еще Добролю
вымъ; она сообщаетъ, что въ одномъ городѣ, одинъ цензоръ, въ одной газе
вычеркнулъ фразу: „голубь склонилъ голову на бокъ“ и надписалъ на поля
„какой же у голубя бокъ?“ и т. под. Мы слишкомъ хорошо знакомы съ
рактеромъ провинціальной цензуры, чтобы заподозривать сообщенія „Руси“;
по нашему мнѣнію было бы лучше, если бы въ нихъ не отсутствовали точн
хронологическія и географическія данныя. — Гораздо интереснѣе, именно б
годаря своей точности и опредѣленности, статьи въ „С.-Петербургскихъ Вѣ
мостяхъ“. Нужно замѣтить, что „С.Пб. Вѣд“ съ января 1896 г. представляю
единичное явленіе въ русской журналистикѣ. Консервативныя по идеаламъ
сударственнаго строя, безусловно монархическія по чувствамъ, онѣ не являют
органомъ ни доносительства, ни мракобѣсія. Уважая и чужое мнѣніе, и въ о
бенности дорожа развитіемъ въ монархическомъ духѣ всѣхъ народностей Росс
газета съ искреннимъ негодованіемъ относится къ попыткамъ насильственна
обрусѣнія инородцевъ или обращенія въ православіе иновѣрцевъ; только
одна осмѣлилась помѣстить добросовѣстный отчетъ объ изданной за грани
книгѣ Леливы о русско-польскихъ отношеніяхъ; она осмѣливается рѣзко на
дать на разныя административныя мѣропріятія, и по поводу оффиціальныхъ в
раженій на ихъ статью о положеніи печати въ Польшѣ (1896, № 324) от
чать съ фактами въ рукахъ доказательствомъ лживости этихъ возраженій (18
№ 16). Глав. Упр. по дѣл. печати принуждено оставлять подобныя выходки б
отвѣта, но къ сожалѣнію только потому, что редакторъ газеты — кн. Ухтомс
— „личный другъ царя“, какъ его называютъ въ иностранной печати. От
тимъ здѣсь еще статью врача В. Б. въ „Недѣлѣ“ 1895, № 47 подъ заглавіе
„Книжный карантинъ“. Въ ней авторъ сообщаетъ очень интересные факты,

Мы отмѣтимъ здѣсь еще одно нововведеніе г. Соловьева. . 6 Ценз. Уст., освобождающая отъ предварительной цен-ры „всѣ оригинальныя произведенія“ и „всѣ переводы“ редѣленнаго объема, казалось бы совершенно ясна. Но Соловьевъ въ разъясненіе ея разослалъ по типографіямъ ркуляръ[9]), въ силу котораго никакой объемъ не освобож-етъ отъ предварительной цензуры книги, заключающей въ бѣ произведенія двухъ или нѣсколькихъ авторовъ.

Циркуляръ этотъ не вполнѣ и не всегда еще примѣняет-, но тенденція его очевидна. Печать по немногу возвра-ается въ дореформенное состояніе.

Этому какъ будто противорѣчитъ тотъ фактъ, что г. Со-вьевъ сравнительно легко разрѣшаетъ новыя газеты, послѣ го какъ въ теченіе цѣлаго десятилѣтія добиться этого не

ктеризующіе порядки въ Варшавской Иностранной Цензурѣ. Авторъ говоритъ о томъ, что разрѣшаютъ и чего не разрѣшаютъ, а о томъ, сколько времени китъ книга въ цензурѣ, какъ трудно добиться отъ нея толку, какія ошибки аетъ цензура, какъ она, даже не разрѣзывая иностранной книги (медицин-й), признаетъ ее запрещенной и отсылаетъ обратно за границу, а потомъ, да эта же книга будетъ разрѣшена цензурой петербургской, свободно про-каетъ ее, и т. д.

[9]) Вотъ текстъ этого циркуляра: „На основаніи статьи 6 Уст. о ценз. и пе-и Св. Зак. Т. XIV изд. 1890 г., отъ предварительной цензуры изъяты въ зихъ столицахъ, между прочимъ, всѣ оригинальныя сочиненія объемомъ не нѣе десяти печатныхъ листовъ и всѣ переводы объемомъ не менѣе двадцати атныхъ листовъ.

Между тѣмъ въ печати постоянно появляются и такія безцензурныя книги, орыя, при объемѣ — оригинальныя въ 10 и переводныя въ 20 листовъ, не тавляютъ одного сочиненія, какъ это должно бы быть по буквальному смы- закона, а составлены изъ двухъ и многихъ сочиненій. Кромѣ того замѣче- что при изданіи переводныхъ сочиненій, могущихъ по объему не подлежать дварительной цензурѣ, въ составъ 20 листовъ или же сверхъ всего включа-ся оригинальныя предисловія и примѣчанія переводчиковъ, не принадлежащія тексту переведеннаго сочиненія и по своимъ размѣрамъ подлежащія предва-тельному цензурному разсмотрѣнію. Наконецъ, печатаются безъ предваритель-й цензуры сборники скабрезнаго и вообще неприличнаго содержанія пѣсенъ, млетовъ, шансонетокъ и т. п. произведеній разныхъ авторовъ, разсчитанные широкое распространеніе среди народа.

Признавая печатаніе подобныхъ книгъ безъ предварительной цензуры не со-ѣтствующимъ требованіямъ указаннаго закона, Главное Управленіе по дѣ-ъ печати предложило разъяснить типографіямъ, что безъ предварительной нзуры могутъ быть печатаемы установленнаго лишь объема книги, заключа-ія въ себѣ одно какое либо сочиненіе. Исключеніе можетъ быть сдѣлано лько для такихъ сборниковъ учебныхъ или научныхъ, каковы, напримѣръ: естоматіи, историческіе матеріалы и т. п.“. (Циркуляръ Инспекторамъ 24-го т. 1896 г.).

было почти никакой возможности. Но при своей системѣ
значенія редакторовъ г. Соловьевъ можетъ быть не бе
основанія надѣется, что при большомъ количествѣ газе
онъ легче будетъ властвовать надъ ними, чѣмъ при малом
закрытіе каждой газеты за малѣйшее уклоненіе отъ его пре
начертаній не будетъ въ такой степени обращать на се
всеобщее вниманіе, и „Новое Время" потеряетъ выгоды с
его монопольнаго положенія, благодаря которому оно може
даже импонировать Управляющему Печатью. Послѣднее пре
положеніе, однако, не оправдалось и не могло оправдать
Система навязыванія редакторовъ привела къ тому, что у
въ январѣ 1897 г. „Лучъ" временно закрывался „впредь
утвержденія новаго редактора", „Русь" тоже дважды вр
менно закрывалась и возобновится ли послѣ вторичнаго з
крытія — Богъ вѣсть; въ „Міровыхъ Отголоскахъ" происх
дятъ внутреннія разногласія, свѣдѣнія о которыхъ доходя
до печати (демонстративный выходъ изъ нея проф. Тарх
нова), а остальныя газеты влачатъ настолько жалкое сущ
ствованіе, что о конкуренціи съ „Новымъ Временемъ" или д
же съ „Новостями" имъ нечего и думать. А между тѣ
именно на нихъ-то по преимуществу и сыплятся всевозмо
ныя кары: „Лучъ" уже 4 января 1897 получилъ предост
реженіе и запрещеніе розничной продажи, „Утро" въ то
же день получило запрещеніе розничной продажи. Въ то
время (10 января 1897 г.) спеціальная сельскохозяйстве
ная газета „Хозяинъ" получила 2-ое предостереженіе (1-
дано ей 17 сентября 1896 г. [10]).

[10]) По окончаніи настоящей статьи прекратились (1 апрѣля 1897) „Луч
и „Гласность". Изъ перваго былъ удаленъ редакторъ Чуйко, а А. Вольфу
ло разрѣшено подписываться „за редактора" только на время. Ни одинъ
представленныхъ Вольфомъ редакторовъ не былъ утвержденъ. Соловьевъ пр
ложилъ на эту должность своего пріятеля г. Головинскаго, который, не смо
на то, что до сихъ поръ не обмолвился ни одной печатной строчкой,
требовалъ жалованья въ 6000 р. и пообѣщалъ въ выборѣ сотрудниковъ стр
слѣдовать указаніямъ Управляющаго Печатью. Г. Вольфъ не согласился и п
кратилъ газету, сдѣлавъ въ ней слѣдующее заявленіе: „Я былъ увѣренъ,
строго сообразуясь въ организаціи, развитіи и веденіи начатаго мною предп
тія съ существующими на этотъ предметъ законами и точно исполняя ихъ,
пуская на столбцахъ газеты лишь то, что призываетъ къ законности, добр
правдѣ и что допускается законами о печати, — я вправѣ былъ считать
дѣло прочно обезпеченнымъ отъ всякихъ случайныхъ внѣшнихъ колебані
искусственныхъ препятствій. Между тѣмъ на опытѣ оказалось, что, при су
ствующихъ условіяхъ положенія печати, газетное дѣло слишкомъ шатко, п
вержено разнаго рода случайностямъ, которыхъ невозможно ни предусмотрѣ

Естественно, что „Новое Время“ по прежнему царитъ на ...етномъ рынкѣ. Царитъ оно впрочемъ не безраздѣльно: ...ь еще одна газета, пользующаяся большимъ распростра...іемъ и значительнымъ вліяніемъ среди публики и прино...дая солидные доходы ея собственникамъ, — это „Русскія ...домости“. Въ противуположность „Новому Времени“, эта ...ета, всегда и неизмѣнно чистоплотная, исповѣдуетъ прин...ы либерализма, какъ они обыкновенно понимаются въ ...сіи[11]), но на столько умѣренно и осторожно ихъ проводитъ, ... до сей минуты правительство не сочло еще нужнымъ ...рыть ее; когда нибудь, идя дальше по своему пути, оно ...удовольствуется по отношенію къ ней запрещеніями роз...ной продажи и угрозами; если общество и литература и ...да не обнаружатъ серьезнаго недовольства, оно сдѣлаетъ ...е одинъ шагъ и запретитъ „Русск. Вѣдом.“. Положеніе ...ополиста кладетъ и на „Русскія Вѣдомости“ свой от...атокъ. Газета не только позволяетъ себѣ трусость, пере...яцую за границу всякаго приличія, отказываясь печа...ь невиннѣйшія корреспонденціи и потомъ перепечатывая ... же изъ другихъ изданій, но она не считаетъ нужнымъ

...редупредить. А потому съ 1 апрѣля выходъ въ свѣтъ газеты пріостонав...ется“. („Лучъ“ 1897, № 67).

...ь „Русь“, возникшую послѣ вторичной пріостановки, Соловьевъ успѣлъ на...ть своего редактора, г. Драгомірецкаго, и въ настоящее время либеральный ...кторъ „Недѣли“ Гайдебуровъ состоитъ въ то-же время издателемъ консер...внаго органа.

...) Такъ, напримѣръ, правительственное сообщеніе по поводу студенческихъ ...орядковъ въ Московскомъ университетѣ, имѣвшихъ мѣсто 18 и 19 ноября ...6 года, было опубликовано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ только 5-го ...бря. Въ этомъ сообщеніи имѣются крупныя недоразумѣнія. Такъ, въ немъ ...рится, что когда ректоръ отказался принять студенческую депутацію, то ...енты насильно ворвались въ его квартиру; затѣмъ будто бы „ректоръ вы...ь къ собравшимся на сходку студентамъ и продолжительно уговаривалъ ... разойтись“. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Ректора сход...е видѣла, и никакіе студенты въ квартиру ректора не врывались. Самъ ...оръ настолько былъ сконфуженъ оффиціальною ложью, что счелъ нужнымъ ...исать по этому поводу оффиціальное разъясненіе въ министерство народнаго ...вѣщенія... Между тѣмъ наша печать, не исключая и либеральной, помѣ...а статьи, восхвалявшія правительство за то, что оно не держитъ общество ...неизвѣстности относительно такихъ событій, какъ студенческіе безпорядки. ...туденческихъ безпорядкахъ того времени, имѣвшихъ мѣсто въ Петербургѣ и ...ѣ, не было въ печати ни одного слова.... О крупной стачкѣ, имѣвшей мѣ... въ январѣ 1897 года въ Петербургѣ, до сихъ поръ не опубликовано ни ...ого слова. Свѣдѣнія о лѣтней стачкѣ 1896 года также были неполны и ...ѣрны.

улучшаться даже съ внѣшней стороны. Корреспонденціи
какъ внутреннія, такъ и заграничныя (кромѣ Берлински
ниже всякой критики; газета запаздываетъ со своими извѣ
ями иногда на нѣсколько дней; иной разъ она вовсе не
общаетъ о важнѣйшихъ событіяхъ русской и иностран
жизни. Въ интереснѣйшіе моменты жизни какого либо
сударства она не считаетъ нужнымъ послать туда специа
ныхъ корреспондентовъ; иногда она помѣщаетъ однѣ и
же статьи, даже фельетоны, по два раза — и все это пото
что читатели все равно будутъ ее выписывать, ибо
людей, невыносящихъ „Новаго Времени", читать бол
нечего.

ДОБАВЛЕНІЯ.

Наша статья уже была совсѣмъ окончена, когда (въ февралѣ 97 г.) Главное Управленіе по Дѣламъ Печати разослало по дакціямъ печатный списокъ циркуляровъ, коимъ какъ бы кодицируется вся та хаотическая масса прежнихъ распоряженій, о торыхъ мы говорили. Приводимъ списокъ цѣликомъ и обращаъ вниманіе на его совершенно новую редакцію.

Секретно.

СПИСОКЪ

Распоряженій Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, объявленныхъ дакціямъ газетъ на основаніи ст. 140 Уст. о Ценз. и Печати сохраняющихъ обязательную силу.

1. 8 Октября 1876 г. — О воспрещеніи печатать всеподданйшіе адресы, безъ особаго на то разрѣшенія Г. Министра Внутнныхъ Дѣлъ, а равно и слухи о предполагаемомъ составленіи и представленіи такихъ адресовъ.

2. 14 Марта 1876 г. — О запрещеніи печатать извѣстія о билизаціи нашей арміи и вообще о военныхъ приготовленіяхъ.— Января 1883 г., 6 и 9 Мая 1882 г. — 2 Ноября 1882 г., Августа 1883 г., 9 Сентября 1884 г., 27 Марта и 24 Норя 1886 г., 16 Января 1887 г. и 22 Апрѣля 1895 г.

3. 18 Іюня 1877 г. — О воспрещеніи печатать какіе бы то было акты государственнаго значенія ранѣе опубликованія ыхъ въ установленномъ закономъ порядкѣ (ст. 74 и 100 Уст. Ценз. и Печ., изд. 1890 г.).

4. 20 Января 1879 г. — О запрещеніи печатать стенографискіе отчеты по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, рае появленія ихъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». — 21 арта 1882 г.

5. 18 Января 1880 г. — О воспрещеніи печатать какія-либо ѣдѣнія объ арестахъ по политическимъ дѣламъ и о производиихъ по нимъ дознаніямъ и слѣдствіямъ. — 14 Сентября 1882 г. 1 Марта 1885 года.

6. 29 Сентября 1882 г. — О безусловномъ запрещеніи п
чатать какія либо свѣдѣнія о политическихъ преступникахъ. -
24 Апрѣля 1883 г.

7. 13 Ноября 1882 г. — О запрещеніи печатать какія ли
свѣдѣнія о лицахъ, исполняющихъ смертные приговоры на
преступниками.

8. 16 Іюля 1881 г. — О запрещеніи оглашать безъ разр
шенія начальства оффиціальные документы и свѣдѣнія.

9. 25 Апрѣля 1883 г. — О воспрещеніи печатать какія ли
свѣдѣнія, какъ о личномъ составѣ сыскной полиціи, такъ и о д
ятельности ея.

10. 26 Февраля 1884 г. — О воспрещеніи печатать извѣст
о поздравительныхъ привѣтствіяхъ, посылаемыхъ воспитанникам
учебныхъ заведеній.

11. 1 Іюня 1885 г. — О воспрещеній частнымъ лицамъ п
чатать фармакопею и аптекарскую таксу безъ разрѣшенія Меди
цинскаго Совѣта, утвержденнаго Министромъ.

12. 18 Февраля 1888 г. — О запрещеніи печатать свѣдѣні
и извѣстія о происходящихъ въ Государственномъ Совѣтѣ сужде
ніяхъ. — 3 Мая 1895 года.

13. 3 Февраля 1892 г. — О запрещеніи печатать неблаг
пріятныя извѣстія относительно кредитоспособности и состоятел
ности торгово-промышленныхъ лицъ и учрежденій впредь до при
знанія ихъ несостоятельными по суду. — 27 Марта 1884 года

14. 14 Декабря 1892 г. — О запрещеніи 1) печатать извѣ
стія, касающіяся внутренней жизни учебныхъ заведеній, как
свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, безъ разрѣшенія подлежащаго учеб
наго начальства и 2) обсуждать дисциплинарныя наказанія, н
лагаемыя на воспитанниковъ этихъ заведеній.

15. 16 Марта 1893 г. — 1) о запрещеніи газетамъ и жу
наламъ печатать какія либо самостоятельныя свѣдѣнія о засѣд
ніяхъ Комитета Сибирской желѣзной дороги и 2) о предоставлен
редакціямъ права заимствовать означенныя свѣдѣнія исключитель
изъ «Правительственнаго Вѣстника», а равно и обсуждать лиш
тѣ изъ бывшихъ на разсмотрѣніи Комитета обстоятельствъ, о к
торыхъ объявлено въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

16. 1 Іюня 1894 г. — О запрещеніи печатать сенсаціонн
телеграммы, получаемыя редакціями отъ неизвѣстныхъ имъ лиц

17. 18 Апрѣля 1895 г. — О запрещеніи печатать свѣдѣн
о состоявшихся послѣ указаннаго закономъ часа для окончан
биржи сдѣлокъ на процентныя бумаги.

18. 29 Апрѣля 1895 г. — О запрещеніи печатать стать
касающіяся внутренней жизни отдѣльныхъ войсковыхъ частей
могущія колебать основы военной дисциплины.

19. 2 Ноября 1895 г. — О запрещеніи печатать свѣдѣнія о
редвиженіи нашихъ судовъ и морскихъ командъ въ Черномъ морѣ.
20. 8 Іюня 1896 г. — О запрещеніи печатать статьи, тракту-
ція о безпорядкахъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ и объ
ношеніяхъ рабочихъ къ ихъ хозяевамъ.
21. 9 Іюля 1896 г. — О запрещеніи печатать въ періодичес-
хъ изданіяхъ слухи о различныхъ назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ
государственной службѣ.
22. 9 Іюля 1896 г. — О помѣщеніи въ частныхъ періоди-
скихъ изданіяхъ актовъ отъ Высочайшихъ Особъ исходящихъ
прежде опубликованія ихъ въ оффиціальныхъ изданіяхъ, или
иначе, какъ всякій разъ съ особаго на то разрѣшенія Ми-
стра Императорскаго Двора.
23. 29 Октября 1896 г. — О соблюденіи установленнаго по-
дка при печатаніи отчетовъ о засѣданіяхъ С.-Петербургской
родской Думы, а также сужденій, преній и рѣчей участвующихъ
этихъ засѣданіяхъ гласныхъ.
24. 4 Января 1897 г. — О запрещеніи печатать какія либо
атьи, замѣтки и разсужденія о заработной платѣ, рабочемъ днѣ
отношеніяхъ фабричныхъ рабочихъ къ фабрикантамъ-хозяевамъ.

Приводимъ циркуляры, разосланные по редакціямъ въ послѣд-
мѣсяцы, начиная съ 20-го ноября 1896 года по 24-е марта
97 года.
20 ноября 1896 г. № 7565. На основаніи 140-й ст. Устава
цензурѣ и печати, по распоряженію Г. Министра Внутреннихъ
лъ, воспрещается впредь до особаго распоряженія печатать
вѣстія о происходящихъ въ Московскомъ университетѣ безпо-
дкахъ.
25 ноября 1896 г. № 2383. Согласно распоряженію Главнаго
равленія по Дѣламъ Печати, С.-Петербургскій Цензурный Ко-
тетъ имѣетъ честь предъявить редакціямъ повременныхъ без-
нзурныхъ изданій циркуляръ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ
26 октября за № 2374 относительно печатанія извѣстій о
ятельности Переписныхъ Коммиссій по предстоящей народной
реписи и покорнѣйше просить редакціи ознакомиться съ со-
ржаніемъ циркуляра и не допускать въ своихъ изданіяхъ, при
чатаніи статей о переписи, отступленій отъ требованій, въ
мъ изложенныхъ.
Циркуляръ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, значительный инте-
съ, проявляемый образованнымъ обществомъ къ предстоящей
рвой всеобщей переписи населенія, даетъ возможность преду-

сматривать, что редакціи мѣстныхъ газетъ будутъ стараться
вать своимъ читателямъ какъ можно болѣе свѣдѣній о ходѣ эт
дѣла и какъ можно ранѣе сообщить имъ о результатахъ перепи

Имѣя въ виду, что, на основаніи Высочайше утвержденн
5 іюня 1895 г. Положенія о первой всеобщей переписи насе
нія Россійской Имперіи, на мѣстныя переписныя коммиссіи в
лагается только подсчетъ итоговъ мѣстнаго населенія, съ р
предѣленіемъ его на мужской и женскій полъ (статьи 36 и 3
статистическая же разработка данныхъ переписи возложена
Центральный Статистическій Комитетъ (ст. 40), а собранн
свѣдѣнія разработкѣ на мѣстахъ не подлежатъ (ст. 41), —
усматривалось бы особыхъ препятствій къ появленію въ мѣ
ныхъ частныхъ газетахъ выведенныхъ мѣстными переписны
коммиссіями, по окончаніи переписи, общихъ итоговъ мѣстн
населенія съ распредѣленіемъ его на мужской и женскій по
печатаніе же даже этихъ общихъ итоговъ въ Губернскихъ Вѣ
мостяхъ и другихъ оффиціальныхъ изданіяхъ, прежде повѣр
итоговъ въ Главной Переписной Коммиссіи и опубликованія
ею, не должно быть допускаемо.

Что же касается сообщенія въ газетахъ свѣдѣній о дѣйст
яхъ мѣстныхъ переписныхъ органовъ въ настоящее время и
время производства переписи, до окончанія таковой, то, при
мая во вниманіе, что таковыя сообщенія и обсужденія вооб
едва-ли могутъ принести пользу, а въ случаѣ ихъ ошибочнос
односторонности и даже неясности изложенія, въ особенно
же при неосторожномъ обращеніи съ печатнымъ словомъ, мог
не только нарушить правильный и спокойный ходъ переписн
операціи, но и вызвать недоразумѣнія и создать мѣстнымъ пе
писнымъ органамъ затрудненія въ исполненіи ихъ обязанност
— я признаю безусловно необходимымъ не допускать въ печа
таковыхъ сообщеній и обсужденій, впредь до окончанія на
стахъ всей переписной операціи, т. е. до 1 февраля 1897 г.

4 декабря 1896 г. № 8020. Въ „Правительственномъ Вѣ
никѣ“ появится сообщеніе о бывшихъ въ недавнее время без
рядкахъ среди студентовъ Императорскаго Московскаго Универ
тета. Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію Г. М
нистра Внутреннихъ Дѣлъ, приглашаетъ господъ редакторовъ
ріодическихъ изданій перепечатать это правительственное сообще
полностью, безъ всякихъ измѣненій, въ ближайшихъ №№ ред
тируемыхъ ими изданій.

Въ виду вышеизложеннаго предоставляется редакціямъ газе
не стѣсняясь состоявшимся 20-го минувшаго ноября распоря
ніемъ, обсуждать опубликованныя событія на почвѣ факто
выясненныхъ въ правительственномъ сообщеніи.

3 декабря 1896 года № 7983. Для предупрежденія появленія правильныхъ слуховъ и толкованій о ходѣ переписи, могущихъ вредить правильному ея теченію, редакціи столичныхъ повреэнныхъ изданій симъ, по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ дополненіе къ объявленному имъ С.-Петербургскимъ ентральнымъ Комитетомъ разъясненію по этому предмету, приашаются публиковать всякія свѣдѣнія, относящіяся до переписи, не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія Г-на Вицередсѣдателя Главной Переписной Коммиссіи.

4 января 1897 г. № 108. Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 140 Устава о цензурѣ и печати, предлагаетъ господамъ редакторамъ безцензурныхъ періодическихъ изданій не допускать помѣщенія въ редактируемыхъ ими изданіяхъ никакихъ статей, замѣтокъ и разсужденій по рабочему вопросу.

15 января 1896 года № 350. Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 140 Устава о цензурѣ и печати, приглашаетъ господъ редакторовъ безцензурныхъ періодическихъ изданій помѣщать, въ редактируемыхъ ими изданіяхъ, сообщенія о докладахъ, ренiяхъ и постановленіяхъ Высочайше разрѣшеннаго съѣзда по бсужденію мѣръ противъ сифилиса въ Россіи, не иначе, какъ предварительномъ представленіи означенныхъ свѣдѣній, хотя въ корректурахъ, на разсмотрѣніе Директора Медицинскаго епартамента.

Конфиденціально.

16 января 1897 г. Главное Управленіе по дѣламъ печати, по иказанію Г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 40 Устава о цензурѣ и печати, приглашаетъ господъ редакторовъ безцензурныхъ періодическихъ изданій не помѣщать въ редактируемыхъ ими изданіяхъ *безусловно* никакихъ извѣстій, заѣтокъ и упоминаній о пріѣздѣ Его Императорскаго Высочества еликаго Князя Михаила Михаиловича въ Россію, о пребываніи о здѣсь и обратномъ отъѣздѣ за границу.

30 января 1897 г. № 870. Въ виду предстоящаго слушанія С.-Петербургской судебной Палатѣ дѣла по аппеляціонной алобѣ гласнаго С.-Петербургской Городской Думы Е. И. Кедри на рѣшеніе С.-Петербургскаго Окружного Суда и въ дополнее къ циркуляру отъ 31 октября 1896 г., временно исполняюій обязанности Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ пети покорнѣйше проситъ господъ редакторовъ безцензурныхъ ріодическихъ изданій не печатать статей и отчетовъ по упо-

мянутому дѣлу, ранѣе объявленія рѣшенія Судебной Палаты в окончательной формѣ.

31 января 1897 года № 900. Главное Управленіе по дѣлам печати, по распоряженію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, сим поставляетъ въ извѣстность господъ редакторовъ безцензурных періодическихъ изданій, что объявленное имъ распоряженіе Глав наго Управленія отъ 3-го декабря 1896 года, на основаніи с 140 Устава о цензурѣ и печати, нынѣ отмѣнено.

10 февраля 1897 г. № 1190. Главное Управленіе по дѣлам печати покорнѣйше проситъ господъ редакторовъ безцензурных періодическихъ изданій не помѣщать въ редактируемыхъ ими из даніяхъ изложенія обстоятельствъ и постановленія Тамбовска Губернскаго Дворянскаго Собранія по дѣлу Вельяминова и К жина, разсмотрѣнному при закрытыхъ дверяхъ 9 сего февраля

24 февраля 1897 г. № 1549. Въ одной изъ петербургских газетъ появилась на дняхъ замѣтка о предстоящемъ судебном разбирательствѣ несостоятельности „Россійскаго Торговаго и Ком миссіоннаго банка“, при чемъ этотъ банкъ неточно назван „Русскимъ торгово-промышленнымъ и коммиссіоннымъ“.

Въ виду того, что подобная неточность можетъ повести к нежелательнымъ недоразумѣніямъ въ публикѣ по отношенію к сходному по названію съ несостоятельнымъ банкомъ „Русском Торгово-Промышленному Коммерческому Банку въ С.-Петербур гѣ“, Главное Управленіе по дѣламъ печати приглашаетъ господ редакторовъ безцензурныхъ изданій, при помѣщеніи въ них всякаго рода извѣстій и статей по поводу несостоятельност банка, *точно* указывать его названіе.

24 марта 1897 года. № 2472. Главное Управленіе по дѣлам печати, по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на ос нованіи ст. 140 Устава о цензурѣ и печати, приглашаетъ го сподъ редакторовъ періодическихъ изданій не помѣщать въ редак тируемыхъ ими изданіяхъ никакихъ статей и замѣтокъ, касаю щихся службы врача *Моллесона* въ Саратовской женской фельд шерской школѣ, за время управленія этой школой Г. Моллесономъ

Въ началѣ 1897 года вышла въ свѣтъ брошюра: „Сборник циркуляровъ и распоряженій по дѣламъ печати, объявленных инспекторами типографій содержателямъ заведеній печати г. С Петербурга. Съ 1882 по 1897 г. Составилъ И. П. Карамышевъ С.-Петербургъ. Паровая Скоропечатня М. М. Гутзацъ, Шпалер ная 26. 1897 г.“ 60 стр. Цензурное дозволеніе дано въ С.-Пе тербургѣ 20 декабря 1896 г. Въ предисловіи заявлено слѣдую щее: „Предназначенный исключительно для петербургскихъ ти

рафій и литографій, сборникъ этотъ отпечатанъ въ ограничен-
іъ числѣ экземпляровъ (300) и въ продажу въ книжные ма-
ины не поступитъ".

Эффиціальное происхожденіе брошюры не подлежитъ сомнѣнію.
ней мы находимъ нѣсколько весьма любопытныхъ циркуля-
въ. Однимъ изъ нихъ (№ 9 Циркуляръ Инспекторамъ 1 де-
бря 1887 года, подтвержденный 20 іюня 1888 г.) требуется,
бы на заглавныхъ листахъ переводныхъ книгъ, кромѣ русска-
заглавія, обязательно стояло и подлинное (циркуляръ этотъ не
олняется). Слѣдующій (№ 10) циркуляръ запрещаетъ печата-
одной книги по частямъ сразу въ нѣсколькихъ типографіяхъ;
тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда такое печатаніе вызыва-
я обширностью книги и спѣшностью работы", предписывает-
входить съ особымъ прошеніемъ въ Главное Управленіе по
амъ печати: въ циркулярѣ не объяснено, черезъ сколько мѣ-
евъ Главное Управленіе соблаговолитъ отвѣтить на подобное
ошеніе, посланное, напримѣръ, изъ провинціи (циркуляръ Ин-
кторамъ 1 марта 1889 г.).

№ 42. По приказанію Г. Градоначальника, содержатели заве-
ій печати въ столицѣ симъ обязываются:

1) При печатаніи объявленій о смерти евреевъ слово: пани-
да замѣнять словами: заупокойное богослуженіе.

2) Не принимать для печатанія въ газетахъ и журналахъ
ъявленій о пріемѣ находящеюся въ Царскомъ Селѣ ламповою
брикою Страковскаго заказовъ на лампы безъ стекла (цирку-
ъ Инспекторамъ 1 мая 1893).

№ 48. С.-Петербургскимъ Цензурнымъ Комитетомъ замѣчено,
типографіи не испрашиваютъ новаго дозволенія цензуры на
ечатаніе отдѣльными брошюрами и оттисками статей изъ пе-
дическихъ изданій, а имѣя дозволеніе на напечатаніе статьи
газетѣ или журналѣ, прямо изготовляютъ отдѣльное изданіе и
едставляютъ подлежащему цензору брошюру на выпускъ въ
ътъ. Между тѣмъ могутъ быть случаи, когда статья, по осо-
мъ соображеніямъ, хотя и можетъ появиться въ журналѣ, но
iюдь не можетъ быть допущена отдѣльною брошюрою, при
ъ дозволеніе иной статьи можетъ послѣдовать въ зависимости
числа предполагаемыхъ оттисковъ. Точно такъ-же замѣчено,
типографіи, изготовляя отдѣльные оттиски журнальныхъ ста-
, печатаютъ число и мѣсяцъ дозволенія не тѣ, которые даны
нзоромъ на напечатаніе отдѣльнаго оттиска, а то число и мѣ-
цъ, въ которые послѣдовало дозволеніе на печатаніе статьи въ
рналѣ или газетѣ,—изъ чего слѣдуетъ заключить, что оттиски
отовляются тогда, когда дозволенія на это типографіи еще не
ѣютъ.

Такъ какъ такіе факты порождаютъ на практикѣ разнаго
да недоумѣнія и никакъ не могутъ быть оправданы требованія
цензурныхъ правилъ, составляя прямое ихъ нарушеніе, то Ценз
ный Комитетъ проситъ объявить заведеніямъ печати: 1) что стат
періодическихъ изданій могутъ быть печатаемы отдѣльными б
шюрами не иначе, какъ по полученіи на это особаго разрѣ
нія цензуры. и 2) что дозволеніе цензурное на такихъ брош
рахъ должно ставиться не то, которымъ дозволена статья
печатанію въ номерѣ журнала или газеты, а то, которое да
будетъ цензурою для отдѣльнаго оттиска (циркуляръ Инспек
рамъ 11 іюня 1894 г.).

№ 52. Во исполненіе циркуляра Главнаго Управленія по
ламъ печати отъ 20 января 1893 г. за № 487, симъ объяв
ется содержателямъ заведеній печати, что Г. Министръ Внутр
нихъ Дѣлъ призналъ необходимымъ воспретить печатаніе от
товъ товариществъ сахарныхъ заводовъ юго-западныхъ губер
на польскомъ языкѣ, какъ отдѣльно, такъ и на ряду съ р
скимъ текстемъ (цирк. Инспекторамъ 5. февр. 1893 года).

№ 67. Въ цензурной практикѣ замѣчено, что нѣкоторыя
пографіи столицы, по собственнымъ побужденіямъ или по нас
янію издателей, позволяютъ себѣ, по полученіи цензурнаго д
воленія на печатаніе сборника статей одного или нѣсколькі
авторовъ, самовольно, безъ спроса о томъ подлежащаго ценз
наго учрежденія, раздроблять статьи и печатать каждую
нихъ отдѣльною брошюрою, а не весь сборникъ отдѣльнымъ
момъ. Не говоря уже о томъ, что при такомъ образѣ дѣйст
страдаютъ интересы казны, ибо при печатаніи отдѣльною б
шюрою каждой статьи, всякая изъ нихъ должна получить
дѣльное цензурное дозволеніе и, слѣдовательно, оплачиваться г
бовымъ сборомъ, — весьма часто страдаютъ интересы цензу
ибо не всегда статья, терпимая въ сборникѣ, можетъ быть до
щена къ выходу дешевою и легко доступною брошюрою.

Въ виду изложеннаго, С.-Петербургскій Цензурный Комит
проситъ объявить содержателямъ заведеній печати, чтобы они
позволяли себѣ дозволенные къ печати сборники статей одн
или разныхъ авторовъ самовольно раздроблять на отдѣльныя
сти или отдѣльныя брошюры, а печатали таковые сборники
ликомъ, въ одномъ томѣ, какъ дозволила цензура. Въ случаѣ
желанія типографіи или издателя печатать статьи изъ таки
сборниковъ отдѣльными брошюрами или раздробить сборникъ
отдѣльные томы или части, они обязаны всякій разъ исправ
вать на это дозволеніе цензуры (циркуляръ Инспекторамъ 19
декабря 1894 г.).

МАТЕРІАЛЫ

для характеристики

положенія русской печати

Выпускъ II.

Изданіе „Союза русскихъ соціальдемократовъ"

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ".
1898

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемая записка члена Совѣта Главнаго Управ-
енія по Дѣламъ Печати тайнаго совѣтника Ѳедора
ленева отличается двумя рѣзко бросающимися въ глаза
ертами: удивительнымъ теоретическимъ невѣжествомъ
скудоуміемъ, съ одной стороны, и столь же порази-
льной практической находчивостью и изобрѣтатель-
остью, съ другой стороны.

Безъ всякаго конфуза г. Еленевъ сваливаетъ всѣ не-
онсервативныя направленія Западной Европы въ одну
учу подъ названіемъ „анархическихъ". Это чрезвы-
йно просто, но свидѣтельствуетъ или о невѣжествѣ,
ли о глупости, или же о крайней беззастѣнчивости
втора. Анархизмъ есть, съ одной стороны, весьма
редѣленная теорія, съ другой — столь же опредѣ-
нное по своимъ пріемамъ и цѣлямъ движеніе: анар-
измъ — какъ это въ настоящее время должно быть
вѣстно всякому гимназисту старшихъ классовъ —
убоко враждебенъ демократическому соціализму со-
еменнаго рабочаго движенія. Конечно — съ точки зрѣ-
я русской „Управы Благочинія" - анархизмъ, соціа-
измъ, либерализмъ и пр. и пр. только несущественно
зличающіяся между собой разновидности неблагона-
жности и духа возмущенія. Г. Еленевъ стоитъ какъ
зъ на высотѣ этого для русской полицейской прак-
ики совершенно достаточнаго пониманія соціальныхъ
политическихъ явленій. Но за то онъ не долженъ
ижаться, если читатели, горизонтъ которыхъ немного
ире русскаго полицейскаго участка, сочтутъ его не-
ждой. Они не ошибутся, ибо невѣжество г. Еленева
каждомъ шагу доказывается его сужденіями и бро-
етъ особый свѣтъ на то, отъ какихъ людей очень
сто зависитъ у насъ судьба литературныхъ произве-

деній. А г. Еленевъ, что называется, „орелъ“ межд
своими коллегами: онъ самъ неоднократно выступал
въ литературѣ. Но что сказать объ уровнѣ развитія
образованія этого „орла“, который въ запискѣ, посв
щенной судьбамъ русской литературы, въ концѣ XIX-
вѣка повторяетъ такія бабьи сказки:

„На Западѣ теперь несомнѣнно доказано, что евре
для пріобрѣтенія себѣ господствующаго положенія
Европѣ, намѣтили два пути: овладѣть денежными к
питалами и разрушить христіанство систематическим
развращеніемъ европейскихъ народовъ посредствомъ л
тературы, разсѣевая повсюду между христіанами ид
безбожія, безнравственности и анархіи“. (Докл., стр. 2
Это замѣчаніе нисколько не выше знаменитой „истины
что русское простонародье съ жадностью ѣстъ сальны
свѣчи и пьетъ чернила.

Что сказать о цензорѣ, который въ популяризац
ученій философовъ Шопенгауера и Гартмана усматр
ваетъ „матеріалистическія“ тенденціи (Новаго Времени
между тѣмъ какъ оба эти писателя являются послѣд
дательными и признанными противниками матеріализм
а Шопенгауеръ къ тому же самымъ чистымъ и бе
примѣснымъ идеалистомъ изъ всѣхъ мыслителей наше
вѣка*).

Г. Еленевъ думаетъ, что въ Западной Европѣ
настоящее время почти прекратились судебныя пресл
дованія по преступленіямъ печати, но всякій скольк
нибудь освѣдомленный въ политикѣ человѣкъ знает
что напр., въ Австріи и Германіи ежедневно происх
дятъ процессы такого рода, а спеціально въ Австр
оппозиціонныя газеты (буржуазныя и рабочія) конфи
куются прокурорами, что называется, походя.

Теоретическое остроуміе г. Еленева сказывается, бы

---

*) Главное произведеніе «матеріалиста» Шопенгауера, «Міръ, ка
воля и представленіе», перевели на русскій языкъ извѣстный поэ
и реакціонеръ Фетъ (1-ая часть) и одинъ изъ петербургскихъ цен
ровъ, Н. М. Соколовъ (2-ая часть).

жетъ, всего полнѣе тамъ, гдѣ онъ, совершенно правильно указывая, что „въ произведеніяхъ мысли и слова когда нельзя доказать съ полной ясностью присутствіе ухъ элементовъ, необходимыхъ для состава каждаго еступленія: злого умысла и матеріальнаго или нравственнаго вреда, происшедшаго отъ преступленія“, — ъ этой вѣрной мысли выводитъ не невозможность и состоятельность вообще преслѣдованія и стѣсненія оизведеній мысли и слова, а лишь невозможность ихъ *дебнаго* преслѣдованія.

Далѣе, вся записка г. Еленева основана на смѣшеніи - частью намѣренно-злостномъ, а частью наивно-невѣжественномъ — двухъ родовъ литературы: 1) политически неблагонадежной и 2) безнравственной, невѣжественной, пошлой и т. д. Точно также и личности, торыя онъ „клеймитъ“, относятся къ двумъ различнымъ категоріямъ: къ политически-неблагонадежнымъ къ аферистамъ, промышленникамъ печатнаго дѣла. мѣшеніе этихъ двухъ категорій литературы и лицъ езвычайно выгодно для г. Еленева: грязью, дѣйствильно лежащей густымъ слоемъ на одной изъ нихъ, ъ въ глазахъ читателя обильно надѣляетъ и представителей другой категоріи. Между тѣмъ, въ дѣйствильности „вредная“ литература и литература „промышнная“, неблагонадежные и аферисты не только не едставляютъ единой массы съ общими интересами, а оборотъ, являются конкурентами и врагами. И тѣ ридическія условія печати, которыя ставятъ въ столь гостное положеніе истиннаго литератора земли русой, прирожденно-вреднаго и неблагонадежнаго челока въ самодержавной Россіи, составляютъ какъ разъ агопріятную почву для роста и преуспѣянія литерарныхъ промышленниковъ. Г. Окрейцъ, котораго въ чествѣ afериста называетъ г. Еленевъ, — преблагомѣренный и даже ультра-реакціонный писатель-„проышленникъ“, „темная личность“ Баталинъ — бывшій новникъ III-го отдѣленія, продѣлывавшій аферы, бла-

годаря своимъ старымъ связямъ. Вся бульварная
порнографическая журналистика, вся такъ-называема
„уличная“ и „мелкая“ пресса, которую такъ честитъ
Еленевъ, въ тоже время буквально *сочится* благонам
ренностью и патріотизмомъ. Для примѣра можно ук
зать журналъ „Родину“ г. Каспари и всю петербур
скую мелкую прессу. Эта бульварно-благонамѣренна
пресса развращаетъ русскую публику гораздо больш
своей благонамѣренностью, чѣмъ своей порнографіе
пошлостью, погонею за уголовщиной и другими сенс
ціями. Противъ послѣднихъ сторонъ у насъ имѣетс
могущественный противовѣсъ въ великихъ произвед
няіхъ нашихъ классиковъ художественной литератур
противъ отравы благонамѣренностью и человѣконен
вистническимъ патріотизмомъ нѣтъ другого лѣкарств
кромѣ свободнаго слова. А свободнаго слова въ Росс
не существуетъ. И г. Еленевъ предлагаетъ дѣйств
тельно остроумныя мѣры къ дальнѣйшему подавлені
и стѣсненію и безъ того скованной печати. Сущност
этихъ мѣръ заключается въ томъ, чтобы окончатель
поставить все существованіе литературы и въ особе
ности періодической печати въ зависимость отъ прои
вола царящихъ въ данный моментъ министровъ,
томъ, чтобы до послѣдней степени упростить для вл
сти подавленіе непріятныхъ органовъ печати и уничт
женіе вредныхъ книгъ. Мѣры г. Еленева придуман
очень умно, и недаромъ одну изъ нихъ правительст
г.г. Побѣдоносцева, Муравьева и Горемыкина уже ос
ществило, подчинивъ переходъ издательскаго права
керіодическое изданіе тѣмъ же правиламъ, которы
раньше было обставлено основаніе новаго періодиче
каго изданія. Г. Еленевъ очень правильно схвати
дѣйствительное положеніе вещей. Онъ понимаетъ, ч
русская литература и пресса стихійно ростутъ съ ка
дымъ годомъ, онъ видитъ, что этотъ ростъ медленно
неуклонно подтачиваетъ основы существующаго
Россіи политическаго строя, покоющагося на безправ

ловѣческой личности и народныхъ массъ. Онъ видитъ
е это и кричитъ караулъ. Г. Еленевъ видитъ то,
о дѣйствительно происходитъ, онъ совершенно правъ,
ича караулъ.

Но будетъ-ли — съ его собственной точки зрѣнія —
кой-нибудь толкъ въ этомъ крикѣ? Не будетъ и не
жетъ быть. Правительство, конечно, можетъ осуще-
вить всю программу г. Еленева и — употребляя его
бственныя слова — воскресить „цензуру сороковыхъ
первой половины пятидесятыхъ годовъ, которая, поль-
ясь огромною властью и подкрѣпляемая по временамъ
сударственною полиціею, была истиннымъ гасильни-
мъ всякой живой и полезной мысли"*). (стр. 48). Со-
еменное русское правительство не прочь это сдѣлать.
о самъ г. Еленевъ видитъ, что теперь этимъ не мно-
го достигнешь — „гасить" приходится слишкомъ
льшой пожаръ. „Не слѣдуетъ, однако, обольщать себя
деждой, — пишетъ г. Еленевъ — что поименован-
ими въ этой запискѣ мѣрами изъ нашей печати бу-
тъ устранены всѣ элементы неблагонамѣренности и
шлости, какими она такъ богата въ настоящее время,
что вся она сдѣлается благонамѣренною и просвѣ-
енною. Цензурныя мѣры могутъ только держать не-
агонамѣренность и пошлость въ извѣстныхъ предѣ-
хъ, не допускать ихъ касаться тѣхъ или другихъ
едметовъ; но измѣнить такое направленіе, заставить
тературу быть нравственною, консервативною и
тріотическою, не дозволять ей проходить упорнымъ
лчаніемъ**) все то, что улучшаетъ нравы, возвышаетъ
хъ и укрѣпляетъ силу государства, этого цензурныя
ры не въ состояніи сдѣлать. Для сего нужны дру-

*) Поистинѣ драгоцѣнное признаніе въ устахъ г. Еленева, кото-
й самъ хочетъ не только повременамъ подкрѣплять цензуру госу-
рственной полиціей, но и прямо превратить цензурное управленіе
органъ, — съ одной стороны — политической полиціи, съ другой
полиціи нравовъ, — въ органъ, дѣйствующій столь же свободно,
къ Департаментъ Полиціи.

**) Не дозволять молчать! Мы благодаримъ г. Еленева за
кровенное выраженіе мыслей.

гія силы, положительныя, которыя перевоспитали б
само наше общество, ибо вездѣ предложеніе соотвѣтству
етъ спросу: извѣстная, наиболѣе читаемая часть наше
литературы потому распущена и пошла, что сами чи
татели ищутъ въ ней этихъ качествъ и отворачиваютс
отъ изданій охранительнаго духа и серьезнаго содер
жанія" (стр. 52).

Русская литература со временъ Новикова и Радищев
до Салтыкова и Льва Толстого находится въ подозрѣні
„неблагонадежности", и — это подозрѣніе совершенн
справедливо. Можно сказать, что великая культурна
миссія русской литературы заключается въ распростран
ніи неблагонадежности. Неблагонадежность является с
временъ Радищева и декабристовъ своего рода истори
ческой традиціей русской литературы и интеллигенці
Въ этомъ отношеніи онѣ поистинѣ консервативны. Об
этотъ здоровый, повелительно диктуемый всѣми условіям
русской жизни, консерватизмъ литературы и интеллиге
ціи разобьются и „положительныя мѣры" оздоровленія
новые цензурные путы, придумываемые г.г. Еленевым
и К⁰. „Безсмысленныя мечтанія", которыя встрѣтил
Николая II, не умерли въ странѣ, а подъ покровомъ бе
молвія, продолжаютъ жить и расти. Къ числу этих
„безсмысленныхъ мечтаній" относится и свобода печат
Этой свободы русская литература, вопреки всѣмъ г
Еленевымъ, добьется своимъ собственнымъ ростом
Хороша была цензура при Николаѣ I, а при ней
подъ ней писалъ страшно „вредный" и „неблагонадеж
ный" писатель Виссаріонъ Бѣлинскій. Теперешніе н
благонадежные писатели, для обузданія которыхъ
Еленевъ проектируетъ свои преобразованія, не бол
вредны съ точки зрѣнія существующаго порядка в
щей, чѣмъ писатели 40-хъ гг. съ Бѣлинскимъ во гла
съ точки зрѣнія николаевскаго режима. Русская лит
ратура перенесла этотъ режимъ и вышла изъ-подъ не
— какъ съ нѣкоторымъ священнымъ ужасомъ конст
тируетъ г. Еленевъ — лишь болѣе дерзкой и неблаг

дежной. Тоже самое произойдетъ и въ томъ случаѣ, ли осуществится тотъ свободный отъ „полицейско-нцелярскаго духа“ современной цензуры патріар-льно-попечительный режимъ, который рисуется г. иеневу. Подчиненіе литературы болѣе чѣмъ стомил-онпаго, многоязычнаго, развивающагося народа такой екѣ — жалкая и, поистинѣ, безсмысленная мечта. ія ея реализаціи и успѣха дѣйствительно нужно еревоспитаніе“ общества, о которомъ говоритъ г. иеневъ въ своемъ элегическомъ заключеніи, или чнѣе, пересозданіе всѣхъ тѣхъ реальныхъ усло-й, въ которыхъ общество живетъ и на основѣ кото-ыхъ оно развивается. Къ оппозиціи правительству, ко-рой, какъ говорятъ г.г. Еленевы и К°., нѣтъ и не мо-этъ быть въ Россіи (хотя именно эти господа постоянно няты выдумываньемъ мѣръ борьбы съ оппозиціей крамолой), неоднократно и вполнѣ справедливо при-внялось вольтеровское изреченіе о Богѣ: „Оппозицію жно было бы выдумать, если бы ея не существо-ло“. Тоже слѣдуетъ сказать о специфически русской рмѣ оппозиціи: неблагонадежности. Богъ земли Рус-ой долженъ былъ бы ее создать изъ ничего, если бы зародыши и гнѣзда не выростали постоянно на рус-й почвѣ и притомъ все въ большемъ и большемъ ко-честве. Русской „неблагонадежностью“ уже испол-ена огромная, и ей предстоитъ еще большая культур-я работа. Съ такой исторической силой не справиться алкими мѣрами г. Еленева.

Но мы сказали выше, что мѣры эти придуманы умно. ъ этомъ отношеніи онѣ заслуживаютъ полнаго вни-нія тѣхъ, надъ чьей шкурой онѣ будутъ приводиться исполненіе. Періодическая печать будетъ ими бук-льно отдана самодержавной бюрократіи на „потокъ и зграбленіе“. Произволъ, который теперь въ лицѣ лусумасшедшаго Начальника Главнаго Управленія по ѣламъ Печати г. М. П. Соловьева такъ тяжело да-тъ на всю русскую печать, станетъ не только фак-

тически, но и юридически безграничнымъ. Влас
будетъ не только надзирать за литературой и печать
но и управлять ею. Теперешняя, внѣзаконная и б
законная, дѣятельность г. Соловьева въ этомъ ду
будетъ тогда не проявленіемъ помпадурскаго капри
а упражненіемъ законнымъ. Литературное и издател
ское барышничество, которое процвѣтало и процвѣтае
на благодатной почвѣ произвола, связаннаго съ нынѣ
ней концессіонной системой и съ современной нѣсколь
все-таки „стѣсненной" цензурой, дѣтскія шутки въ сра
неніи съ тѣмъ административнымъ развратомъ, которь
водворится вмѣстѣ съ *полнымъ* и *вполнѣ узаконенны*
произволомъ. Цензурныя надругательства и насилія б
дутъ тогда „умѣряться" и дополняться взяточничество
во всѣхъ видахъ; цензура будетъ развращать литерат
ровъ и издателей, литераторы и издатели — цензур
Кооперація цензоровъ и писателей, которые вмѣстѣ б
дутъ „дѣлать" литературу, явитъ въ концѣ XIX-го
даже въ Россіи зрѣлище, невѣроятно скандальное. Наст
пятъ времена, не только тяжелыя, но и прямо б
стыдныя. Современный режимъ г. Соловьева дае
только ихъ предвкушеніе.

Таковы перспективы, которыя открываетъ намъ пр
грамма г. Еленева. Противъ ея осуществленія должн
соединиться и дружно бороться представители всѣ
прогрессивныхъ направленій въ нашей печати, начин
съ либеральныхъ консерваторовъ, вродѣ г. Чичери
(да проститъ ему Господь грѣхи 60-хъ годовъ, ког
онъ защищалъ самодержавное правительство отъ „кра
ней" литературы!) и кончая представителями растущ
соціальдемократіи. Здѣсь, передъ этой общей и велик
задачей, должны смолкнуть всѣ партійныя разноглас
какъ бы серьезны и глубоки они ни были.

Но указанныя перспективы назидательны не толь
для однихъ литераторовъ. Онѣ показываютъ, въ как
тупой переулокъ должно попасть правительство, стр
мящееся неуклонно продолжать политику Царя-Мир

орца. Жизнь развивается, общество растетъ, и поли-
ка должна идти или вмѣстѣ съ жизнью или противъ
ея. Шествіе въ этомъ послѣднемъ направленіи будетъ
е углублять пропасть между жизнью общества и по-
тикой правительства. Наконецъ должна наступить
сплата, и чѣмъ глубже окажется въ критическій мо-
нтъ пропасть, тѣмъ тяжеле будетъ расплата. Такъ-
зываемымъ „умѣренным“ людямъ мы особенно пред-
гаемъ задуматься надъ этимъ и заблаговременно по-
ботиться о томъ, чтобы русскій царь и русскіе ми-
истры свыклись хоть постепенно съ европейскими
деями. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ со-
дней съ нами Германской Имперіи на конституціон-
ой почвѣ совершается тотъ же процессъ расхожденія
отребностей общества и политики правительства, ко-
рый наблюдается и у насъ. Развязка можетъ тамъ
аступить каждый моментъ, и она будетъ означать
кончательное торжество демократіи въ Средней Ев-
опѣ. Какъ волны французской революціи 1848 г. до-
тились даже до Россіи, и въ 1854-1855 гг. насту-
ила Севастопольская расплата за Николаевскій „поря-
окъ“, такъ будущая политическая революція въ Гер-
аніи — какъ бы мирно она ни совершилась — ока-
етъ свое могущественное дѣйствіе на нашу страну, и
огда исторія представитъ свой счетъ и потребуетъ
асплаты за политику Александра III и ея продолже-
е. Пусть „умѣренные“ люди помогутъ русскому царю
его правительству заблаговременно уплатить хоть
асть той большой суммы, которая должна быть не-
молимо взыскана исторіей. Это избавитъ правнука
иколая I-го отъ крупныхъ непріятностей.

Записка г. Еленева печатается нами, какъ характер-
ый документъ — мы готовы были сказать — какъ
сторическій документъ, но, къ сожалѣнію, вспомнили
тчасъ, что исторія г. Еленева переживается нами, и
ереживается очень болѣзненно. Нѣтъ, не для исторіи
ы воспроизводимъ на вольныхъ русскихъ станкахъ

этотъ документъ. Мы печатаемъ его съ цѣлями публи-
цистическими, въ интересахъ пропаганды противъ п
зорныхъ условій, въ которыхъ живетъ и развивает
русское общество. Документъ этотъ дѣйствительно пр
восходный комментарій къ прошлымъ, настоящимъ
будущимъ полицейскимъ покушеніямъ на русскую л
тературу и печать.

Въ Запискѣ много крупныхъ искаженій и мелких
ошибокъ. Мы думали сперва, шагъ за шагомъ разобра
Записку, но это значило бы самимъ, съ своей точк
зрѣнія, написать историческій очеркъ положенія наше
литературы и печати. Отчасти указанную задачу выпол
няетъ первый выпускъ нашихъ „Матеріаловъ", нап
санный другимъ лицомъ. Онъ вмѣстѣ съ предлагаемо
Запиской однимъ дастъ богатый фактическій матеріал
другихъ, еще не затронутыхъ людей, заставитъ зад
маться надъ положеніемъ отечественной литературы
впервые почувствовать, какую великую культурну
миссію выполняетъ неблагонадежный русскій писате
и какой тяжелый крестъ онъ несетъ.

I.

О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНІЯХЪ ЛИТЕРАТУРЫ И О ДѢЙСТВІЯХЪ ЦЕНЗУРНАГО ВѢДОМСТВА СЪ КОНЦА ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Первыя льготы, данныя литературѣ и ихъ послѣдствія.

Когда послѣ тяжкихъ испытаній, перенесенныхъ Россіею въ 54—1856 годахъ и завершившихся условіями Парижскаго ми- Императоръ Александръ II и его правительство рѣшили оизвести коренныя преобразованія во всемъ строѣ государ-енной жизни, тогда было обращено вниманіе и на улучшеніе оженія нашей литературы. Дотолѣ она не смѣла касаться только предметовъ, подлежащихъ непосредственному вѣдѣнію авительства (а этому вѣдѣнію подлежало почти все, что тво-ось въ государствѣ), но даже по вопросамъ чисто обществен-мъ и въ области романа и поэзіи она держалась на положе- младенческомъ. Достаточно вспомнить, что въ пятидесятыхъ ахъ профессоръ Бодянскій лишенъ былъ каѳедры въ Москов-омъ университетѣ и должности секретаря Императорскаго Мос-скаго Общества исторіи и древностей россійскихъ за помѣще- въ Чтеніяхъ Общества записокъ Олеарія, хотя эти чтенія ащались, какъ и въ настоящее время, исключительно въ тѣс-ъ кругу спеціалистовъ по русской исторіи и почти вовсе не ли извѣстны въ публикѣ. Какъ скоро правительство рѣшилось звать само населеніе къ участію въ дѣлахъ мѣстнаго управ-ія и суда, въ созданіи частнаго кредита, въ открытіи школъ, устройствѣ желѣзныхъ дорогъ и проч., какъ скоро оно почло зным принимать въ соображеніе мнѣнія сословій и свѣду-хъ частныхъ лицъ при осуществленіи предположенныхъ ре-мъ, то сама собою возникла необходимость прекратить мла-ческое положеніе литературы и предоставить ей право вхо-

*

дить въ обсужденіе вопросовъ государственной и обществен
жизни. Императоръ Александръ II и его правительство бы
исполнены самыхъ великодушныхъ намѣреній относительно ли
ратуры и возлагали большія надежды на ея благоразуміе, п
свѣщенность и патріотизмъ. Осторожность предписывала на п
выхъ порахъ сохранить предварительную цензуру надъ всѣ
произведеніями печати, тѣмъ болѣе, что не были еще созда
новые суды, на которые предположено было возложить охране
государства и общества отъ злоупотребленій печатнаго сло
какъ скоро оно будетъ освобождено отъ предварительной цен
ры. Но сохранивъ существованіе предварительной цензуры, пр
вительство подъ рукой внушало цензорамъ давать извѣстн
просторъ литературѣ и не препятствовать ей обсуждать вопро
государственной и народной жизни, съ соблюденіемъ, конеч
уваженія къ власти, къ общественному порядку и къ предмета
религіи и нравственности. Надежды Государя и правительс
были раздѣляемы тогда едва ли не всѣми просвѣщенными лю
ми въ Россіи. Но надеждамъ этимъ не суждено было исполни
ся, по крайней мѣрѣ относительно общераспространенныхъ ли
ратурныхъ произведеній, читаемыхъ всѣми классами населе
Конечно, писатели серьезные, обладавшіе научными знаніями
практическою опытностію, воспользовались сказанными ценз
ными облегченіями для разработки вопросовъ науки или нар
ной жизни; но ихъ труды, по самой своей серьезности, читал
немногими и не имѣли вліянія на образъ мыслей русскаго
щества и народа. Литературныя же произведенія, бывшія
всеобщемъ ходу, и въ особенности литературно-политическіе ж
налы и газеты, за весьма немногими исключеніями, тотчасъ
употребили ослабленіе цензурныхъ строгостей на то, чтобы
ять въ обществѣ идеи безпорядка, безбожія и безнравственнос
Кромѣ небольшого числа ученыхъ спеціалистовъ, посвятивш
себя отдѣльнымъ отраслямъ знаній, у насъ существовалъ дот
весьма незначительный запасъ людей, соединявшихъ въ се
основательное общее образованіе со способностію давать об
ству наставительное чтеніе. Но и изъ этого небольшого зап
большинство не могло посвящать себя литературному труду,
тому что было занято государственною службой, привлекав
къ себѣ въ то время лучшія умственныя силы страны. За т
насъ оказалось много такъ называемыхъ борзописцевъ, охоч
до писательства людей, нахватавшихся наскоро кое-какихъ
рывочныхъ свѣдѣній изъ иностранныхъ книгъ и журналовъ кр
няго направленія и набившихъ руку на нѣкоторыя излюблен
ими темы матеріалистическаго, соціалистическаго и обличит
наго характера. Они инстинктивно поняли, что въ нашемъ

ствѣ, непріученномъ предшествующею исторіею къ серьезной
сли и потерявшемъ даже всякій интересъ къ практическимъ
просамъ народной жизни, они своимъ дерзкимъ и хлесткимъ
зописаніемъ легко могутъ пріобрѣсть себѣ и деньги, и почетъ,
даже своего рода славу. И вотъ эти, дотолѣ никому неизвѣст-
е люди, иногда едва только оставившіе учебную скамью, ра-
ъ завладѣли вниманіемъ всей читающей Россіи и стали раз-
ать общественнымъ дѣятелямъ, писателямъ, а нерѣдко и пра-
ельственнымъ лицамъ похвальные аттестаты либо ругательные
позорящіе приговоры. Этотъ ареопагъ тогдашнихъ всероссій-
хъ законодателей и судей сгруппировался около нѣсколькихъ
ературныхъ промышленниковъ, преимущественно въ трехъ жур-
ахъ: въ *Современникѣ, Русскомъ Словѣ* и *Искрѣ*. Цензора
всеусердіемъ занимались только тѣмъ, что вычеркивали и
аживали крайнія рѣзкости и слишкомъ откровенныя выраже-
разнузданныхъ журнальныхъ борзописцевъ, другими словами
цензора принаряжали и охорашивали такія произведенія, ко-
ыя, если-бы явились въ свѣтъ во всемъ ихъ первоначальномъ
образіи и наготѣ, отвратили бы отъ себя многихъ читателей
во всякомъ случаѣ обратили бы на себя серьезное вниманіе
спаго правительства. Такимъ образомъ цензура невольно и
авѣдомо для себя служила охраною развращающей литерату-
нисколько не ослабляя ея вреднаго дѣйствія, а еще давая
одъ литераторамъ этого направленія внушать публикѣ, что
раскрыли бы передъ нею не такія еще сокровища знаній и
гресса, если бы не были утѣсняемы невѣжественною и дес-
ическою цензурою.

Въ концѣ 1861 года, вновь назначенный Министромъ народ-
о просвѣщенія А. В. Головинъ потребовалъ отъ петербург-
хъ цензоровъ и отъ редакцій главныхъ повременныхъ изданій
едставить ему изложеніе тогдашняго положенія печати и цен-
ы. Въ запискѣ одного изъ цензоровъ (удостоившейся пред-
вленія на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора) таки-
чертами изображалось направленіе, преобладающее тогда въ
шей періодической печати: „Бить направо и налѣво есть девизъ
го направленія. Молодечество, скандалъ, крайность такъ на-
ваемыхъ убѣжденій, надругательство надъ всѣми возможными
оритетами, часто доводимое до самой невѣжественной нагло-
, безпощадное преслѣдованіе всякаго, кто осмѣлится выступить
словомъ умѣренности и порядка, наконецъ, площадная брань
взаимные доносы публикѣ — вотъ наиболѣе выдающіяся черты
занняго направленія періодической печати“. (Упомянутые от-
зы цензоровъ и редакцій были напечатаны особою брошюрою,
для публики, по распоряженію Министра народнаго просвѣ-

щенія). Это направленіе встрѣчено было сочувствіемъ всей
шей молодежи и большинствомъ читателей зрѣлаго возраста,
торые видѣли въ немъ протестъ противъ дѣйствительныхъ
мнимыхъ злоупотребленій правительственныхъ властей и прот
господствовавшей дотолѣ полной безгласности въ печати.
сказанныхъ изданія держали подъ своимъ тираническимъ госп
ствомъ всю читающую Россію и всѣхъ лицъ, занимавшихся
тературою. Начиная съ той печальной эпохи, къ журнально-
зетному промыслу стали пристраиваться у насъ самые дур
отпрыски общества и грамотнаго простонародья, люди безпок
ные и праздные, кое-какъ владѣющіе перомъ. На журнально
поприщѣ они находили и безбѣдныя средства для своего,
сущности празднаго, существованія, и своего рода извѣстно
среди возрастающей массы читателей. Дошло наконецъ до т
что въ *Современникѣ*, *Русскомъ Словѣ* и *Искрѣ* въ стать
Чернышевскаго, Писарева, Лаврова, Антоновича, Курочкина,
питана генеральнаго штаба Соколова (бѣжавшаго потомъ за
ницу и ставшаго тамъ въ ряды самыхъ ярыхъ анархистовъ)
другихъ, авторы ихъ, поощряемые безнаказанностію подъ пок
вомъ предварительной цензуры, стоіи издѣваться и надъ вѣ
въ Бога, и надъ верховною властію, и надъ существующимъ
всемъ цивилизованномъ мірѣ общественнымъ устройствомъ. В
шія цензурныя власти, слѣдуя общему тогда теченію, не б
равнодушны къ популярности и журнальнымъ лаврамъ. Отъ э
въ ихъ дѣйствіяхъ замѣчалась двойственность, вводившая въ
блужденіе и цензоровъ, и журналистовъ. Министръ народ
просвѣщенія приглашалъ къ себѣ на обѣды „выдающихся“ ж
налистовъ, въ родѣ Чернышевскаго, Писарева, Благосвѣтлов
даже неособенно талантливаго Гіероглифова. Жалобы журна
стовъ на цензуру большею частію выслушивались благосклов
съ обѣщаніемъ поставить цензоровъ въ должныя границы;
когда въ періодической печати выкидывалась какая нибудь
ходившая изъ ряда выходка, тогда цензорамъ подъ рукой в
шалось, чтобы они въ своихъ дѣйствіяхъ брали за примѣръ
еннаго цензора генералъ-маіора Штюрмера (недопускавшаго,
примѣръ, чтобы въ романахъ и повѣстяхъ выводились на сце
хотя бы въ самомъ безобидномъ видѣ, офицеры, и въ то
время пропускавшаго иногда весьма неблагонамѣренныя разс
денія и намеки, по непониманію ихъ смысла). Цензора, примѣ
ясь къ требованіямъ и замѣчаніямъ своего начальства, счита
что они обязаны охранять не народную нравственность, не
торитетъ правительства, въ его общемъ и высшемъ значеніи,
святость семейныхъ узъ, не уваженіе низшихъ къ высшим
младшихъ лѣтами къ старшимъ, а только непогрѣшимость в

хъ правительственныхъ лицъ. Цензура должна была угождать
новременно двумъ различнымъ богамъ: такъ называемой свобо-
слова и личнымъ интересамъ и взглядамъ высшихъ прави-
ьственныхъ лицъ.

Несостоятельность предварительной цензуры при новомъ порядкѣ
дей.

Не взирая на такую разнузданность главныхъ представителей
шей періодической печати, Государь и правительство не измѣ-
ли своихъ великодушныхъ намѣреній относительно литературы.
и питали надежду, что предположенное упраздненіе предвари-
ьной цензуры и возложеніе на самихъ редакторовъ и сочини-
ей отвѣтственности передъ судомъ за выражаемыя въ печати
сли отрезвятъ нашу литературу крайняго направленія. Эти
дежды раздѣлялись тогда большинствомъ образованныхъ рус-
ихъ. При допущенномъ расширеніи области печатнаго слова,
какіе цензора не были бы въ силахъ справиться съ своею за-
чею. Предварительная цензура была возможна и задача ея
ла легко исполнима тогда, когда сфера правительственнаго
йствія была у насъ всеобъемлюща и когда вся правитель-
енная система была основана на недопущеніи никакого вмѣ-
тельства въ эту сферу со стороны частныхъ лицъ. Тогда ма-
йшій неосторожный лепетъ младенчествующей литературы велъ
строгимъ взысканіямъ и съ цензора, и съ издателя, и съ ав-
ра. Всѣ сознавали ненарушимость установленныхъ границъ и
смѣли переступать ихъ, развѣ по недоразумѣнію или минут-
му авторскому увлеченію. Но гдѣ же найти такихъ цензоровъ,
торые были бы компетентными судьями того, что должно счи-
ть дозволительнымъ и что недозволительнымъ во всѣхъ сфе-
хъ человѣческаго мышленія и знаній, во всѣхъ вопросахъ го-
дарственной и народной жизни, и при томъ судьями, никѣмъ
ничѣмъ не руководимыми, ибо для дѣйствій цензуры невоз-
жно придумать никакихъ положительныхъ правилъ, а все за-
ситъ отъ ума, просвѣщенности и врожденнаго такта самихъ
нзоровъ. Къ этому надобно прибавить, что промышленники не-
гонамѣренной литературы истощали всю свою изобрѣтатель-
сть, чтобы маскировать свои мысли, и доходили въ этомъ дѣ-
до большого искусства, тогда какъ цензорами были обыкно-
нно назначаемы самые заурядные люди, хотя и обладающіе
огда ученостью. Всѣ статьи Чернышевскаго и Писарева яви-
сь съ дозволенія предварительной цензуры, а самыя ядовитыя
статей Чернышевскаго, вмѣненныя ему въ вину при его
жденіи, будучи непропущены цензоромъ, были разрѣшены са-
мъ Министромъ народнаго просвѣщенія, по докладу предсѣда-

теля С.-Петербургскаго цензурнаго комитета. Изданные Обще
вомъ переводчицъ «Разсказы о Старинныхъ Людяхъ» Худяко
(одного изъ главарей шайки, устроившей Каракозовское покуш
ніе), въ которыхъ, подъ видомъ египетскихъ и иныхъ древне-
сточныхъ царей и жрецовъ, представлялись въ ненавистномъ
дѣ всѣ вообще властители и духовныя лица, были дозволе
двумя цензорами — духовнымъ, въ лицѣ одного почтеннаго ар
мандрита, и свѣтскимъ, бывшимъ профессоромъ педагогическа
института, самымъ невиннымъ человѣкомъ въ смыслѣ какихъ
то ни было политическихъ тенденцій. Романъ Чернышевска
«Что Дѣлать», написанный авторомъ въ Петропавловской кр
пости, былъ препровожденъ въ цензурный комитетъ изъ III О
дѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеля
при отзывѣ, что препятствій къ его напечананію не встрѣча
ся, хотя при III Отдѣленіи имѣлись особые цензора, наблюда
щіе даже за дѣйствіями общей цензуры и дѣйствовавшіе по
непосредственнымъ руководствомъ Управляющаго III Отдѣленіе
Въ то же время цензура запрещала вполнѣ невинныя вещи
писателей самыхъ благонамѣренныхъ и даже у извѣстныхъ с
имъ консервативнымъ направленіемъ ученыхъ, потому толь
что они, въ сознаніи чистоты своихъ цѣлей и ради достоинст
науки, не прибѣгали къ рабскому языку иносказаній и недом
вокъ. Достаточно, напримѣръ, сказать, что историкъ Соловье
въ своихъ посмертныхъ запискахъ, напечатанныхъ однимъ
его сыновей въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1896 года, горько и р
ко жалуется на частыя и безпричинныя помарки, дѣлавшія
цензурою въ первыхъ томахъ его «Исторіи Россіи», начавш
появляться въ свѣтъ въ 1855 г. (Цензоромъ былъ заслуженн
директоръ гимназіи, получившій цензорскую должность при уво
неніи отъ директорской).

Постановленія о цензурѣ 1865 г.

Наконецъ, въ 1865 году введены были новыя цензурныя пр
вила, освободившія отъ предварительной цензуры, въ обѣи
столицахъ, всѣ выходившія дотолѣ повременныя изданія, кро
иллюстрированныхъ, всѣ оригинальныя сочиненія, заключаю
въ себѣ не менѣе 10 печатныхъ листовъ, и предоставившія М
нистру Внутреннихъ Дѣлъ освобождать отъ цензуры, по
усмотрѣнію, и вновь появляющіяся повременныя изданія. Ко
руя иностранныя законодательства о печати, преимуществен
законы второй французской имперіи, правила 1865 г. предос
вили судебнымъ властямъ карать сочинителей и редакторовъ
выраженіе мыслей, воспрещенныхъ закономъ, и вмѣстѣ съ тѣ
взяли на себя неисполнимую задачу — предусмотрѣть и формул

вать всѣ категоріи мыслей и заявленій, подлежащія запреще-
ю. Административной власти Министра Внутреннихъ Дѣлъ бы-
только предоставлено, по образцу французскихъ законовъ, да-
ть газетамъ и журналамъ предостереженія и пріостанавливать
ъ на срокъ не далѣе 6 мѣсяцевъ; окончательное же прекра-
ніе вреднаго повременнаго изданія могло послѣдовать не ина-
, какъ по постановленію I-го Департамента Сената.

Непримѣнимость судебнаго процесса къ дѣламъ печати.

Въ этомъ перенесеніи обуздывающей власти надъ литературою
цензурнаго вѣдомства на суды и I-й Департаментъ Сената,
е. на установленія, стоящія вдалекѣ отъ литературы и дѣй-
вующія на основаніи правилъ, непримѣнимыхъ въ области мы-
ей и слова, заключалась коренная ошибка новаго законода-
льства о печати. Послѣдующій опытъ доказалъ совершенную
примѣнимость у насъ (какъ и на западѣ) судебныхъ преслѣ-
ваній въ дѣлахъ печати. Причину этого надобно прежде всего
кать въ невозможности уловить и точнымъ образомъ выразить
законѣ всѣ признаки вреднаго проявленія мыслей въ печат-
мъ словѣ. Доказательствомъ тому служатъ всѣ иностранные
дексы. Способы выраженія мыслей до безконечности разнооб-
зны. Авторы, при нѣкоторомъ искусствѣ и навыкѣ, всегда мо-
гъ найти средство достигать извѣстной злонамѣренной цѣли съ
мощью намековъ, аллегорій, сопоставленій и подобныхъ меж-
строчій, или же дѣйствовать на читателей постояннымъ и дол-
временнымъ повтореніемъ идей одного и того же порядка, хо-
бы выражаемыхъ съ большою осторожностію. Въ то же вре-
они будутъ умалчивать о всемъ, что можетъ опровергать или
лаблять эти идеи. Кромѣ невозможности предусмотрѣть и ясно
разить въ законѣ всѣ виды недозволительнаго проявленія мы-
ей, судебный процессъ и потому еще не примѣнимъ къ дѣламъ
чати, что суды не могутъ заниматься литературною экзегети-
й и философскимъ анализомъ представляемыхъ имъ сочиненій:
ъ нужны не намеки, междустрочія и умолчанія, а ясныя до-
зательства, что такая то статья или книга буквально наруша-
ъ такой то законъ. Какимъ образомъ судъ можетъ выслѣдить
иведеніе законопреступныхъ мыслей въ грудѣ нумеровъ какой
будь газеты или журнала за цѣлый годъ? Въ число его сооб-
женій не входитъ та истина, что gutta cavat lapidem non vi,
l saepe cadenda. Равнымъ образомъ для судей невозможно за-
маться предварительнымъ чтеніемъ отдѣльныхъ сочиненій, ино-
а весьма обширныхъ. Они по необходимости должны полагать-
или на заключеніе прокурора, или на убѣжденіе защитника.
ежду тѣмъ правильное примѣненіе уголовнаго закона къ тому

или другому сочиненію требуетъ прежде всего внимательна
анализа заключающихся въ немъ мыслей. За тѣмъ третьею пр
чиною несостоятельности судебнаго преслѣдованія въ дѣлахъ п
чати служитъ то обстоятельство, что въ произведеніяхъ мысли
слова никогда нельзя доказать съ полною ясностью присутств
двухъ элементовъ, необходимыхъ для состава каждаго преступл
нія: злого умысла и матеріальнаго или нравственнаго вред
происшедшаго отъ преступленія. Эта характерная черта выдѣл
етъ злоупотребленія печати изъ всѣхъ другихъ категорій пр
ступныхъ дѣяній. Если кто уличенъ въ убійствѣ или поджиг
тельствѣ, то присутствіе въ этихъ дѣяніяхъ злого умысла
матеріальнаго вреда (хотя бы и не успѣвшаго осуществиться)
подлежитъ никакому сомнѣнію. Но кто можетъ, положа руку
сердце, сказать, что, напримѣръ, Левъ Толстой руководился име
но злымъ умысломъ, а не какою нибудь болѣзненною мономан
ей, пиша свое вполнѣ анархическое сочиненіе «Царство Бож
внутри васъ». Немного найдется судей, которые возьмутъ
свою совѣсть приговорить автора этого сочиненія къ катор
нымъ работамъ, по ст. 251 уложенія о наказаніяхъ; но допу
кать подобныя сочиненія къ распространенію въ народѣ значи
бы подготовлять ниспроверженіе всѣхъ властей. Матеріальны
же или нравственный вредъ отъ анархическихъ или развраща
щихъ сочиненій, хотя во много разъ превосходитъ вредъ о
какихъ бы то ни было единичныхъ убійствъ и поджоговъ,
вредъ этотъ обнаруживается капля по каплѣ, чрезъ долгіе год
когда и самыя имена многихъ изъ этихъ сѣятелей зла дав
уже будутъ забыты; при самомъ же напечатаніи такого сочин
нія нельзя еще указать ни на какое происшедшее отъ не
вредное послѣдствіе. Несомнѣнность такихъ послѣдствій може
быть ясна только для ума проницательнаго и просвѣтленна
историческимъ образованіемъ. Догматическія и неподвижныя юр
дическія опредѣленія признаковъ преступнаго выраженія мысл
могутъ только стѣснять вѣрность заключенія и несправедли
наклонять приговоръ въ ту или другую сторону. Въ наше
уложеніи о наказаніяхъ существуетъ всего одна статья для о
рažденія вѣры противу нападокъ литературы, именно ст. 18
но статья эта выражена въ такой архаической формѣ, что
можетъ быть примѣнена ни къ одному изъ атеистическихъ соч
неній нашего времени. Въ ней говорится о «богохуленіи, пон
шеніи святыхъ Господнихъ или порицаніи христіанской вѣр
или церкви православной, или ругательствахъ надъ священны
писаніемъ и святыми таинствами». Ничего подобнаго мы
найдемъ въ писаніяхъ нашихъ и даже заграничныхъ пропов
никовъ атеизма. Они ниспровергаютъ вѣру въ Бога болѣе тонк

и усовершенствованными путями, представляя ее, какъ оста-
къ первобытнаго состоянія человѣчества, когда люди олицетво-
ли въ видѣ божествъ грозныя или благодѣтельныя силы при-
ды и умилостивляли ихъ жертвами; или представляютъ рели-
о, какъ дисциплинирующее средство въ рукахъ жрецовъ и вла-
ителей, чтобы держать въ повиновеніи народныя массы и
льзоваться ихъ трудомъ и имуществомъ. Несмотря на то, что
насъ около 35 лѣтъ пропагандируется безвѣріе именно въ
ой усовершенствованной формѣ, законодательство не нашло
жнымъ постановить соотвѣтственную статью въ уложеніи. Ма-
того, въ практикѣ новаго уложенія о наказаніяхъ (разослан-
мъ въ началѣ 1896 года на заключеніе разныхъ вѣдомствъ)
все уничтоженъ отдѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ лите-
туры, на томъ основаніи, что, по мнѣнію составителей этого
оекта, преступленія печати ничѣмъ не отличаются отъ одно-
дныхъ преступленій, совершаемыхъ иными способами. Нако-
цъ, самая теорія уголовнаго права допускаетъ наказуемость
спрещеннаго закономъ выраженій мыслей только тогда, когда
и мысли дошли уже до читателей, другими словами — произве-
уже свое вредное дѣйствіе. Если же зловредное сочиненіе
ло арестовано до выхода въ свѣтъ, то оно разсматривается
лько какъ покушеніе на преступленіе, ненаказуемое закономъ
ромѣ покушеній на тягчайшія государственныя преступленія,
нашему уложенію). Вотъ еще одно изъ доказательствъ того,
о посредствомъ уголовно-судебныхъ законовъ нельзя устранить
еднаго дѣйствія печати на общество и народъ, а что здѣсь
жно бороться со зломъ только административными мѣрами.

**Безсиліе западныхъ правительствъ для борьбы съ анархическою
чатью и выгодное въ этомъ отношеніи положеніе нашего прави-
льства.**

Подражаніе законамъ о печати второй французской имперіи
ло у насъ неумѣстно уже потому, что Франція до Наполеона
I была конституціоннымъ государствомъ. Хотя этотъ государь
самомъ дѣлѣ былъ почти самодержавнымъ, но въ его разсче-
входило сохранить за Франціей въ глазахъ ея населенія и
ей Европы престижъ и наружныя формы конституціи. Но въ
нституціонныхъ государствахъ не существуетъ никакой личной
асти, которая могла бы указывать печати извѣстные предѣлы,
о тамъ свобода печати есть народное право, исторгнутое у
ролевской власти, какъ одинъ изъ способовъ ея ограниченія.
мъ народы поневолѣ должны мириться со всѣми вредными по-
ѣдствіями свободы печати, потому, что видятъ въ ней, или по
айней мѣрѣ воображаютъ видѣть одну изъ гарантій своихъ

конституціонныхъ или республиканскихъ вольностей. Мало то
теперь въ большей части западныхъ государствъ почти во
упразднены карательные законы за самыя зловредныя сочине
и воззванія, такъ что и у судовъ отнята всякая возможнос
наказывать враговъ общественнаго порядка, дѣйствующихъ
массы съ помощью печатнаго слова. Послѣдствія такого по
стительства въ законахъ у всѣхъ передъ глазами. Всѣ вра
нравственнаго и политическаго порядка нашли въ свободѣ печ
ти могущественное орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Народ
развращаемые пропагандою разрушительныхъ ученій, увлекают
въ бездну безвѣрія и безначалія. Правительства, допустивъ бр
сить въ среду народныхъ массъ факелъ пожара въ видѣ безгр
ничной свободы печати, тщетно усиливаются теперь удержа
распространеніе пламени полицейскими мѣрами. Когда въ Пар
жѣ стали повторяться динамитные взрывы, проникшіе въ сам
національное собраніе, тогда тѣ самыя газеты и тѣ самые н
родные представители, которые рукоплескали свободѣ печати
народныхъ скопищъ и поддерживали въ массахъ распущеннос
и своеволіе, тѣ самыя газеты и народные представители прив
лись безпощадно обвинять министерство и полицію въ слабос
и недостаткѣ предусмотрительности. Послѣ страшнаго взрыва
полицейскомъ участкѣ въ улицѣ Bons Enfants въ октябрѣ 1892
да, во французской палатѣ депутатовъ произошелъ бурный
мѣнъ взаимныхъ обвиненій между министерствомъ и депутатам
Многіе депутаты обвиняли министерство въ потворствѣ престу
леніямъ. На это глава кабинета Любэ отвѣтствовалъ: «Винова
законодательство, разрѣшающее говорить, писать и призыва
гражданъ къ убійствамъ и грабежамъ». Въ январѣ 1895 г. пр
зидентъ французской республики Казимиръ Перье, слагая съ
бя президентское званіе, послалъ въ палату депутатовъ письм
въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Вотъ уже шесть м
сяцевъ, какъ ведется компанія диффамаціи и ругательствъ пр
тивъ войска, магистратуры, парламента и неотвѣтственнаго гл
вы государства, и эту свободу — раздувать соціальную ненавис
называютъ свободою мысли. Я не въ силахъ нести долѣе т
жесть нравственной отвѣтственности, которая на меня возлож
на, сознавая полное безсиліе, на которое я обреченъ. Констит
ціонныя фикціи не могутъ заглушить во мнѣ требованія полит
ческой совѣсти». Вотъ громкій приговоръ современной свобо
слова и вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на то, откуда анархія поче
паетъ свою силу и кѣмъ она поддерживается: она исходитъ
поддерживается изъ среды законодателей, уполномочивающихъ в
темныя силы, овладѣвшія публичнымъ словомъ, развращать
возмущать народы.

Въ противуположность западу, наше государственное устрой-
во даетъ правительству полную возможность соразмѣрять пре-
ставляемую печати свободу какъ съ истинными пользами наро-
, такъ и съ правами верховной власти. У насъ относительно
чати должно существовать одно руководящее правило: что
едитъ народной нравственности, или что можетъ колебать ав-
ритетъ верховной власти или общественный порядокъ, то не
лжно быть терпимо въ печати. Но всѣ эти истины стали яс-
ı (хотя и не для всѣхъ) только тогда, когда сдѣланный у насъ
ытъ примѣненія къ злоупотребленіямъ печати судебнаго пре-
ѣдованія потерпѣлъ полную неудачу, а въ ту эпоху розовыхъ
деждъ, когда составлялись цензурныя правила 1865 года и
гда Наполеоновская Франція во многомъ служила для насъ об-
зцомъ, въ ту эпоху и правительство, и общество ожидали са-
ıхъ благихъ послѣдствій отъ новаго закона о печати.

**Какъ воспользовалась злонамѣренная часть литературы поста-
вленіями 1865 г.**

Дѣйствительно, въ началѣ дѣйствія этого закона писатели
айнихъ направленій въ политикѣ и нравственности, боясь су-
бной отвѣтственности, стали было наблюдать большую сдер-
анность сравнительно съ прежнею печатью, кромѣ конечно не-
правимыхъ маніаковъ анархизма, въ родѣ капитана генераль-
.го штаба Соколова, напечатавшаго книжку «Отщепенцы» (от-
епенцами, которыхъ слѣдуетъ истреблять, онъ называетъ госу-
рей, судей и священниковъ). Но сказанная литература крайня-
направленія, выйдя изъ подъ прикрытія предварительной цен-
ры, хотя и сдѣлалась на время нѣсколько сдержаннѣе по фор-
, нимало однако не измѣнила существа своей пропаганды; а
жду тѣмъ кругъ ея вліянія сдѣлался гораздо обширнѣе преж-
.го, вслѣдствіе быстраго размноженія періодическихъ изданій и
езвычайнаго прилива къ гимназіямъ, реальнымъ и городскимъ
илищамъ и къ разнаго рода другимъ учебнымъ заведеніямъ,
цъ изъ низшихъ сословій. Большинство ихъ сдѣлалось усердны-
читателями журналовъ и газетъ крайняго направленія. Вновь
рождавшіяся повременныя изданія почти всецѣло оказались
вторителями идей Чернышевскаго, Писарева, Антоновича, Лав-
ва, Курочкина и т. п. Приглядѣвшись къ тому, съ какою лег-
стію и формализмомъ судьи и прокуроры относились къ злоу-
требленіямъ печати, промышленники развращающей литературы
оро потеряли всякій страхъ къ судамъ и стали выражаться
е съ гораздо большею несдержанностію, чѣмъ при предвари-
льной цензурѣ.

Примѣръ того, какъ относились иногда судебныя власти къ зл употребленіямъ литературы.

Въ примѣръ того, какъ относились иногда судебныя власт къ преступленіямъ печати, достаточно привести слѣдующій сл чай. Въ 1871 году въ Петербургѣ напечатанъ былъ перевод книги «Жанъ Маратъ, другъ народа», сочиненіе Вермореля, и вѣстнаго анархиста, сосланнаго потомъ въ Кайену. Книга э была составлена изъ самыхъ яростныхъ рѣчей Марата проти монарховъ, духовенства и владѣющихъ классовъ. Книгѣ предш ствовало предисловіе отъ лица переводчиковъ, которые рекоме довали ее читателямъ и заявляли, что такого именно рода соч ненія слѣдуетъ признавать теперь самыми благовременными д Россіи. Издателями этой книги подписались подставныя лиц какіе-то два мелкихъ сенатскихъ чиновника, Гридинъ и Рожд ственскій. (Они же подписывались издателями и нѣкоторых другихъ книгъ революціоннаго содержанія). Книга эта, буду безцензурною, была своевременно задержана по распоряжен Главнаго Управленія по дѣламъ печати и препровождена къ пр курору палаты для судебнаго преслѣдованія, съ подробнымъ и ложеніемъ основаній для такого преслѣдованія. Прокуроръ дол ничего не отвѣчалъ; но сказанные сенатскіе чиновники приход ли въ цензурный комитетъ и предупреждали, что прокуратура находитъ никакихъ поводовъ къ обвиненію издателей этой кн ги, и потому нельзя-ли ее выпустить. Въ самомъ дѣлѣ, отъ пр курора палаты послѣдовалъ наконецъ отвѣтъ, въ которомъ изл галось, что сказанная книга есть не что иное, какъ собран историческихъ характеристикъ, относящихся при томъ къ давн прошедшему времени и не имѣющихъ никакого отношенія Россіи, и потому прокуроръ не находитъ возможнымъ по пово этой книги вчинать судебное преслѣдованіе. Цензурному вѣдо ству оставалось только одно — испросить черезъ Министра Вну ренныхъ Дѣлъ Высочайшее разрѣшеніе на уничтоженіе этой кн ги, подобно еще двумъ-тремъ такимъ же книгамъ, возвраще нымъ отъ прокурора. Это и было сдѣлано.

Постепенное усиленіе административной власти въ дѣлахъ печа взамѣнъ судебныхъ преслѣдованій.

Какъ скоро правительство на опытѣ убѣдилось въ непримѣн мости судебнаго процесса къ дѣламъ печати, тогда оно кру измѣнило систему дѣйствій въ дѣлахъ этого рода. Всякія суде ныя преслѣдованія за содержаніе печатныхъ произведеній бы прекращены, а взамѣнъ того Министръ Внутреннихъ Дѣлъ п степенно былъ вооружаемъ различными репрессивными мѣрам Кромѣ установленнаго еще въ законѣ 1865 года права дѣла

редостереженія повременнымъ изданіямъ и пріостанавливать ихъ , извѣстный срокъ, Министру Внутреннихъ Дѣлъ были предоавлены права: въ 1868 году воспрещать розничную продажу временныхъ изданій; въ 1872 году задерживать выпускъ въ ѣтъ безцензурной книги или нумера ежемѣсячнаго журнала, съ ымъ, чтобы объ окончательномъ ихъ запрещеніи было представемо Комитету Министровъ; въ 1873 году воспрещать повреенымъ изданіямъ касаться въ теченіе нѣкотораго времени хъ или другихъ вопросовъ государственной важности. Въ 1882 ду постановлено было, чтобы, послѣ третьяго предостереженія, временныя изданія, выходящія не рѣже одного раза въ недѣ, не только подвергались временной пріостановкѣ, но чтобы и подчинялись послѣ того предварительной цензурѣ, съ обяанностію типографіи представлять ихъ на просмотръ цензора, печатныхъ экземплярахъ наканунѣ выхода, и съ правомъ цензора выпускать въ свѣтъ тѣхъ нумеровъ, въ которыхъ онъ усмотитъ что нибудь вредное или вообще недозволительное. Примѣніе этой мѣры къ газетамъ равносильно ихъ прекращенію: тамъ образомъ *Голосъ*, подвергшись дѣйствію этого узаконенія, выпустилъ уже ни одного нумера и прекратилъ свое сущевованіе. По другому узаконенію, состоявшемуся также въ 1882 ду, всякое повременное изданіе, какъ безцензурное, такъ и дцензурное, можетъ быть прекращено по постановленію совѣнія трехъ Министровъ и Оберъ-Прокурора Св. Синода. Кромѣ го, при изданіи устава о цензурѣ и печати 1886 года, сущевовавшее и прежде право Министра Внутреннихъ Дѣлъ преащать временно печатаніе объявленій въ подцензурныхъ поеменныхъ изданіяхъ распространено и на безцензурныя.

Усиленіе административной власти въ дѣлахъ печати не принесло кидавшейся отъ этого пользы. Причины этого факта.

Изъ сказаннаго видно, что административной власти предоавлены теперь весьма сильные способы для того, чтобы дерать въ уздѣ литературу неблагонамѣреннаго, или по крайней рѣ, задорнаго направленія. Но и эти мѣры далеко не принестого плода, который слѣдовало бы отъ нихъ ожидать. Прав, газеты и журналы, говоря вообще, понизили нѣсколько свой нъ и стали избѣгать рѣзкаго сужденія дѣйствій высшихъ авительственныхъ установленій, зная, что именно этого рода зкости чаще всего влекутъ за собою административно-каратель- ія мѣры. Но этимъ пониженнымъ тономъ высказалось опять е то же распущенное и разлагающее направленіе, а вмѣсто зкостей противъ высшихъ лицъ и учрежденій стали учащаться паденія на самыя основы нравственнаго и гражданскаго по-

рядка. Такъ какъ эти нападенія никому не кололи глазъ, то считались терпимыми со стороны наблюдательной и даже пре варительной цензуры. Иногда эта терпимость превосходила вс кую мѣру и поощряла злонамѣренныхъ людей къ самой дерзк пропагандѣ разрушительныхъ идей. Не далѣе, какъ въ 1878—8 гг.. т. е. когда въ рукахъ администраціи находилось уже пра задерживать и запрещать, черезъ Комитетъ Министровъ всяк нумеръ журнала, заключающій въ себѣ что-либо особенно вре ное, въ Петербургѣ издавался въ высшей степени вредный жу налъ *Слово*, имѣвшій большое распространеніе между учащею молодежью и прямо проповѣдывавшій анархію и безбожіе, извѣстными, конечно, весьма прозрачными прикрытіями и д всѣхъ понятными иносказаніями. Журналъ этотъ просуществ валъ однако болѣе трехъ лѣтъ, несмотря на то, что одинъ и его редакторовъ, еврей Гольдсмитъ, оказался причастнымъ государственному преступленію и бѣжалъ за-границу. Нѣкотор другіе, позднѣйшіе примѣры журнальныхъ и газетныхъ стат крайняго направленія будутъ приведены въ дальнѣйшемъ излож ніи этой записки, хотя они составляютъ лишь каплю въ мо статей подобнаго рода.

Причины, почему перечисленныя выше сильныя репрессивн мѣры, данныя въ руки администраціи, не принесли ожидавшей отъ нихъ пользы, заключаются во-первыхъ въ неразборчивомъ д ваніи права издавать газеты и журналы всякимъ темнымъ, не вѣстнымъ или завѣдомо неспособнымъ къ этому дѣлу личностям а во-вторыхъ, въ неудовлетворительности наблюденія за печат со стороны цензурныхъ установленій. Чтобы получить право ч тать лекціи аудиторіи, состоящей изъ какихъ нибудь 25 — слушателей, профессоръ долженъ пройти черезъ цѣлый строй заменовъ и заслужить ученую степень; а чтобы получить пра поучать нравственнымъ и политическимъ доктринамъ десятки т сячъ читателей, не требуется ничего, кромѣ нѣкоторой проте ціи у Министра Внутреннихъ Дѣлъ или въ Главномъ Управле по дѣламъ печати. Профессору, который начинаетъ завирать начальство можетъ безъ церемоніи указать дверь; а издате журнала или газеты, разъ получивши право на ихъ изданіе, ст новится особою несмѣняемою, и для передачи изданія друго лицу не требуется даже по закону согласія Министра Внутре нихъ Дѣлъ. (Въ первоначальномъ проектѣ цензурныхъ постанов ній 1865 г. такое согласіе признавалось необходимымъ). Отъ Ми стра зависитъ только утвержденіе редактора, т. е. въ большинст случаевъ наемнаго лица, пріискиваемаго издателемъ напоказъ, такъ-же для бѣганья въ цензуру и для отбыванія арестовъ, наз чаемыхъ судомъ за личныя оскорбленія и клевету въ печати.

Дурныя силы, таившіяся въ нашемъ образованномъ и полуоб-
зованномъ обществѣ, получили возможность широко влiять на
щество и народъ, въ особенности на образующуюся молодежь,
лѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія повременныхъ изданій, со-
вляющихъ у насъ главное, а въ большинствѣ случаевъ даже
инственное чтеніе какъ образованныхъ классовъ, такъ и гра-
тнаго простонародья. За весьма рѣдкими исключеніями, наши
временныя изданія находятся въ рукахъ людей недостойныхъ
ладать столь важнымъ и опаснымъ правомъ, какъ право обра-
ться съ публичнымъ словомъ ко всему русскому народу. Доз-
ляя такимъ личностямъ издательство и редакторство повремен-
хъ изданій, правительство (конечно, незавѣдомо для себя)
къ бы шло навстрѣчу распространенію въ нашемъ отечествѣ
вращенныхъ, а часто и прямо разрушительныхъ понятій нрав-
венныхъ и политическихъ. Изъ числа безцензурныхъ повремен-
хъ изданій, особенно выдѣлявшихся въ этомъ направленіи, но
нѣ уже не существующихъ, можно припомнить: *Современникъ*,
сское Слово, Дѣло, замѣнившее собою *Русское Слово*, за-
ещенное высшею властію, *Знаніе*, преобразованное потомъ въ
ово (о которомъ говорилось выше), *Голосъ*, *Отечественныя*
писки (со времени перехода ихъ къ Некрасову, подъ мнимою
дакціею Краевскаго), *Искру*, *Гудокъ*, *Московскій Телеграфъ*,
сскій Курьеръ, *Страну*, *Устой*, *Новую Газету*, (замѣнив-
ую *Голосъ*). У насъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ не существуетъ ни-
кихъ политическихъ партій и не допускается никакая оппози-
і правительству, на дѣлѣ существовала оппозиція гораздо бо-
е обширная и дѣятельная, чѣмъ въ какомъ бы то ни было
нституціонномъ государствѣ, оппозиція, захватывавшая въ свои
ти всю читающую Россію и доходившая въ нѣкоторыхъ изда-
ихъ до отрицанія государственной власти и частной собствен-
сти. Нравственныя ученія, распространявшіяся этими изданія-
, наичаще сводились къ издѣвательству надъ религіею, къ не-
ѣняемости преступленій и къ эманципаціи женщинъ отъ семей-
ыхъ узъ и обязанностей. Въ Россіи, взамѣнъ западно-европей-
ихъ парламентскихъ партій, образовались партіи *Современни-*
, Русскаго Слова, Слова, Отечественныхъ Записокъ Некра-
ва и т. дал. Участники этихъ изданій и протежируемые ими
сатели, для болѣе нагляднаго иллюстрированія проводимыхъ въ
ихъ идей, излагали ихъ въ отдѣльныхъ небольшихъ книжкахъ
, видѣ романовъ и повѣстей или въ формѣ якобы научныхъ
чиненій, иногда весьма обширнаго объема. Такія книжки, бу-
чи превозносимы въ дружественныхъ журналахъ и газетахъ,
олучили широкое распространеніе между читателями и проника-
і даже въ массу простонародья. Такими популяризаторами от-

рицательнаго направленія въ нашей литературѣ были, наприм…
Левитовъ, Нефедовъ, Ватсонъ, Де-Роберти, Миртовъ (т. е. Пет…
Лавровъ), Михайловъ, Флеровскій, Шелгуновъ. Въ настоящее вр…
мя хотя и не существуетъ уже такихъ полновластныхъ руков…
дителей «общественнаго мнѣнія», какими были *Современни…*
Русское Слово, Голосъ и проч., за то идеи и пріемы этихъ …
даній раздробились между множествомъ другихъ газетъ и журн…
ловъ, столичныхъ и провинціальныхъ, участники которыхъ поч…
поголовно принадлежатъ къ выученникамъ и поклонникамъ св…
занныхъ провозвѣстниковъ новаго литературнаго направлен…
Чѣмъ мельче и безсодержательнѣе газета или журналъ, чѣ…
ниже умственный уровень ея участниковъ, тѣмъ усерднѣе повт…
ряютъ они уроки своихъ первоучителей.

Наиболѣе распространенныя у насъ (въ 1889 г.) повременныя изд… нія, ихъ издатели и вдохновители и направленіе, въ нихъ про… димое.

Къ 1-му Февраля 1889 года издавалось литературныхъ, лит…
ратурно-политическихъ и предназначенныхъ для юношества п…
временныхъ изданій на русскомъ языкѣ, какъ безцензурных…
такъ и подцензурныхъ: въ Петербургѣ 76, въ Москвѣ 39, …
губерніяхъ 89, всего 204 изданія (ученыя, техническія, офи…
альныя и всякаго рода спеціальныя изданія не входятъ въ это…
счетъ). Стоитъ только посмотрѣть имена издателей, редакторо…
и сотрудниковъ этихъ газетъ и журналовъ, чтобы убѣдиться, ч…
въ большинствѣ случаевъ это суть личности или вполнѣ темн…
и необразованныя, простые промышленники печатнаго товар…
или же борзописцы, извѣстные своимъ вреднымъ направленіем…
Самая распространенная въ Москвѣ газета, читаемая всѣ…
грамотнымъ простонародьемъ, большинствомъ чиновниковъ и оф…
церовъ и учениками учебныхъ заведеній, есть *Московскій Л…*
стокъ, издаваемый безъ цензуры и украшаемый рисунками. О…
издается и редактируется, какъ сказано въ офиціальномъ «Сп…
скѣ повременныхъ изданій 1882 года», московскими мѣщана…
Николаемъ Пастуховымъ и его сыномъ Викторомъ Пастуховы…
(въ Спискѣ же 1889 года они уже названы потомственными п…
четными гражданами, къ каковому преобразованію ихъ зван…
послужило именно быстрое ихъ обогащеніе черезъ этотъ распр…
страненнѣйшій въ Москвѣ листокъ). Не довольствуясь одно…
ежедневною газетою, они съ 1888 г. издаютъ иллюстрированн…
еженедѣльный журналъ, также безцензурный, *Гусляръ*, съ пол…
тическимъ и судебнымъ отдѣлами, съ повѣстями, романами …
стихотвореніями. Наконецъ, однимъ изъ этихъ двухъ Пасту…
выхъ издается въ Нижнемъ-Новгородѣ ежедневная газета *Ниж…*

одскій Листокъ, съ рисунками. *Сынъ Отечества*, газета цензурная, привлекающая массу подписчиковъ своею старин-о фирмою, множествомъ приложеній (еженедѣльно прилагают- иллюстрированный журналъ и шесть большихъ романовъ въ ъ), издается бывшимъ типографскимъ наборщикомъ, а нынѣ е купцомъ 2-й гильдіи Добродѣевымъ, подъ редакціею нѣкоего илетскаго. Тѣмъ же Добродѣевымъ издается и самимъ же имъ дактируется еженедѣльный иллюстрированный журналъ *Живо-сное Обозрѣніе*, съ приложеніемъ 12 книгъ романовъ и по-стей и съ ежегодной преміей—картиной. Литературнымъ отдѣ-ть журнала завѣдываетъ Шеллеръ, пишущій подъ псевдони-мъ Михайлова, одинъ изъ участниковъ *Русскаго Слова* Бла-вѣтлова, извѣстный своимъ соціалистическимъ направленіемъ. числѣ своихъ сотрудниковъ редакція *Живописнаго Обозрѣнія* водитъ имена: Максима Бѣлинскаго (псевдонимъ Ясинскаго), вшаго ревностнаго сотрудника упомянураго выше анархическа- журнало *Слово*, Цебриковой, Бажина, Авенаріуса (написав-го когда то омерзительную повѣсть «Жертва вечерняя»), Ва-ьева, Симоновой и тому подобныхъ личностей, извѣстныхъ нзурному вѣдомству съ самой неодобрительной стороны. Нако-цъ, тѣмъ же Добродѣевымъ издается и редактируется третья ета *Минута*, безцензурная, перекупленная имъ у Баталина, ьма темной личности. Такимъ образомъ какой то бывшій на-рщикъ Добродѣевъ оказывается главою обширнаго литератур-о синдиката, устроившаго цѣлую фабрику газетъ, журналовъ романовъ, а вдохновителями этого синдиката являются такія чности, какъ Шеллеръ и Ясинскій. Стараясь всячески завле-ь читателей, они украшаютъ свои изданія множествомъ поли-ажей и распространяютъ о нихъ громкія рекламы, не отсту- и передъ прямымъ обманомъ. Такъ о своемъ дрянномъ из-ніи *Живописномъ Обозрѣніи* они публикуютъ, что оно издает- 54 года, тогда какъ оно, хотя и куплено ими у Полевого, на извѣстнаго Николая Полевого, но не имѣетъ ничего обща- съ превосходнымъ журналомъ *Живописное Обозрѣніе*, изда-вшимся въ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ Николаемъ и Ксено-нтомъ Полевыми. Еженедѣльная подцензурная газета *Родина*, еженедѣльнымъ же приложеніемъ иллюстрированнаго журнала семейнаго чтенія, подъ тѣмъ же названіемъ, съ 12 книжка- романовъ, съ 12 нумерами «Дѣтскаго чтенія», съ 12 нуме-ми «Всемірнаго Путешественника», съ 12 нумерами «Сельско- хозяйства и домоводства» и съ 12 нумерами «Модъ и руко-ій», издается купцомъ 2 гильдіи Каспари, а редактируется тавнымъ поручикомъ Пономаревымъ, снабжающимъ это изданіе изведеніями своего пера въ родѣ «Уголовнаго романа Милли-

онеръ-преступникъ», безнравственное содержаніе котораго б
замѣчено даже петербургскою публикою. Постояннымъ сотруд
комъ *Родины* по части романовъ и повѣстей состоитъ Соколо
одинъ изъ прежнихъ сотрудниковъ *Петербургскаго Листка*, п
вергшійся судебному преслѣдованію за похищеніе денегъ, со
равшихся редакціею этой газеты въ пользу голодающихъ. Др
этого самаго Соколова, какой-то Скроботовъ, которому Сокол
посвятилъ нѣкоторые изъ своихъ романовъ изъ міра преступ
ковъ и публичныхъ женщинъ, состоитъ редакторомъ весьма р
пространенной въ Петербургѣ газеты *Петербургскій Листо*
Подцензурная газета *Иллюстрированный Міръ* издавалась
теченіе многихъ лѣтъ какимъ то Турбой, который помѣщалъ
ней время отъ времени статьи революціоннаго и атеистическ
характера; потомъ она перешла къ нѣкоему Окрейцу, польс
еврейскаго происхожденія. Еженедѣльная иллюстрированная га
та *Лучъ* (почему то разрѣшенная безъ предварительной цензу
издается какою то Аркадьевой, а редактируется опять тѣмъ
Окрейцомъ. Въ рекламѣ на 1889 годъ эта газета обѣщала с
имъ читателямъ такія произведенія: «Чортово гнѣздо» — ром
Назаревой, «Похожденіе каторжника» — романъ Окрейца, ром
Пономарева, романъ Соколова и нѣсколько олеографическ
премій. Въ рекламѣ, напечатанной въ Маѣ 1890 года, Окре
обѣщаетъ своимъ подписчикамъ ежемѣсячное приложеніе 12
книгъ романовъ, 12 нумеровъ модъ и преміи — сюрпризы въ
дѣ олеографическихъ картинъ. *Русскій Курьеръ*, въ теченіе м
гихъ лѣтъ издававшійся въ Москвѣ производителемъ фруктов
наливокъ Ланинымъ, считавшимся номинально и редакторо
пріютилъ у себя самыя дурныя литературныя личности. *Моск
скій Телеграфъ* редактировался кандидатомъ правъ Родзевиче
полякомъ самаго крайняго направленія. Московскій журналъ *Р
ская Мысль* издается и мнимо редактируется почетнымъ гр
данинолъ Вуколой Лавровымъ, вовсе неизвѣстнымъ въ литера
рѣ: на самомъ же дѣлѣ журналомъ руководили такія личнос
какъ Шелгуновъ, одинъ изъ главныхъ вдохновителей Благосв
ловскаго *Русскаго Слова*, прекращеннаго вмѣстѣ съ *Соврем
никомъ* по Высочайшему повелѣнію. Московская газета *Русс
Дѣло* (безцензурная) имѣла своимъ издателемъ и редакторо
Шарапова, извѣстнаго проходимца и борзописца. Ежемѣсяч
журналъ *Восходъ*, съ еженедѣльною газетою *Хроника Восхо*
издаются и редактируются въ Петербургѣ, для евреевъ, евре
Ландау, учившимся въ раввинскомъ училищѣ. Этотъ Ландау
замѣчательною дерзостью вооружалъ своихъ читателей прот
русскаго правительства и русскаго народа. Совершенно необ
зованный типографщикъ Сойкинъ издаетъ въ Петербургѣ

рнала: *Звѣзду* (купленную имъ у полковника Комарова, издая газеты *Свѣтъ*), подъ собственною своею редакціею, и *ирода и Люди*, подъ редакціею врача Груздева. Безцензурй ежемѣсячный журналъ *Новое Слово* издается и редактируя Баталинымъ, какъ было уже замѣчено—весьма темною личтью. Подцензурный журналъ *Колосья*, издававшійся прежде же Баталинымъ, проданъ имъ купцу Трозинеру, еврейскаго исхожденія, никогда не писавшему въ литературѣ ни одной очки. Тотъ же Трозинеръ издаетъ журналъ *Пантеонъ Литетуры* и еще газету *Эхо*, помѣщавшую часто статьи шантажо характера. Ежемѣсячный журналъ *Русское Богатство*, дольно дрянного направленія, издается двумя дамами — Поповой Михайловской, подъ редакціею нѣкоего Быкова и доктора меины Попова. Ежемѣсячный журналъ *Сѣверный Вѣстникъ*, же весьма неодобрительнаго направленія, издается въ Петергѣ дѣвицею Гуревичъ, замаскированнаго еврейскаго происхожія, подъ мнимымъ редакторствомъ какого-то отставного гунскаго секретаря Альбова. Еврей Абрамъ Липскеровъ издаетъ Москвѣ подцензурную газету *Новости Дня* и ежемѣсячный цензурный журналъ *Новости Иностранной Литературы*, вую подъ собственною редакціею, а второй — подъ редакціей оего Левенсона, несомнѣнно еврейскаго происхожденія. Тотъ еврей Липскеровъ издаетъ еще третье изданіе *Семья*, подъ акціею того же Левенсона.

Въ такихъ то рукахъ находится у насъ повременная литераа, имѣющая такое сильное вліяніе на направленіе образа лей и нравственности общества, грамотнаго простонародья и особенности молодого поколѣнія. Что въ состояніи сдѣлать сь школа, семейство, религія, когда нравственная и умственотрава вливается въ читателей, съ самаго юнаго и впечатльнаго ихъ возраста, сотнями тысячъ газетныхъ листковъ и рналовъ, ежедневно и въ теченіе цѣлой ихъ жизни, весьма го въ заманчивой формѣ иллюстрацій, съ вѣдома и даже дварительнаго разрѣшенія правительственныхъ лицъ? Чѣмъ эти темныя или даже завѣдомо злонамѣренныя личности закили право поучать наше общество и наше бѣдное, беззащитюношество, которое потомъ нерѣдко платится за эти уроки ъ, что попадаетъ на скамью подсудимыхъ и во всякомъ слуизвращается умственно и нравственно? Иллюстрированныя ременныя изданія составляютъ любимое чтеніе образующейся одежи и выписываются преимущественно въ домахъ семейхъ. Каждый нумеръ такого изданія ожидается юными читатеи съ нетерпѣніемъ, прочитывается съ увлеченіемъ и оставлявъ ихъ умѣ неизгладимое впечатлѣніе. Нѣкогда, въ 30-хъ и

40-хъ годахъ, иллюстрированныхъ повременныхъ изданій был
насъ весьма немного; но они доставляли юношеству чтеніе д
ствительно наставительное: тамъ помѣщались путешествія, б
рафіи знаменитыхъ людей, интересныя и поучительныя свѣдѣ
изъ русской и всемірной исторіи, описаніе замѣчательныхъ из
рѣтеній, городовъ, зданій и т. под. О романахъ и повѣстяхъ
было въ нихъ и помина. Что же мы видимъ въ теперешн
иллюстрированныхъ журналахъ? Послѣ картинокъ, главную
привлекательность составляютъ романы и повѣсти на соврем
ныя темы, что конечно не можетъ быть признано здоровою
ственною пищею для юношества, даже когда авторами ихъ
ляются люди, неотличающіеся вреднымъ направленіемъ. Но
ково же должно быть воспитательное вліяніе на русское юно
ство и молодежь такихъ авторовъ, какъ разные Шеллеры, Яс
скіе, Цебриковы, Куплетскіе, Пономаревы, Соколовы и т. п
украшающіе произведеніями своего пера печатный товаръ каки
то литературныхъ промышленниковъ въ родѣ Турбы. Добродѣ
Пастухова, Сойкина, Трозинера, Липскерова? Образованнымъ
дителямъ хорошо извѣстно, что даже въ журналахъ, специал
издаваемыхъ для юношества, и въ томъ числѣ въ такихъ, об
тки которыхъ украшены одобреніями и рекомендаціями разн
ученыхъ комитетовъ, нерѣдко попадаются разсказы прямо
гилистическаго характера, благодушно-разрѣшаемые цензур
Многіе литературно-политическіе журналы издаются и редак
руются дамами и дѣвицами, и это, почти безъ исключенія, ж
налы съ дурнымъ направленіемъ. За этими женскими имена
обыкновенно скрываются настоящіе руководители изданія,
вовсе неизвѣстные въ литературѣ, или извѣстные цензурно
управленію съ самой худой стороны; дамы же и дѣвицы с
жатъ главнымъ образомъ для полученія протекціи вліятельн
лицъ при испрошеніи разрѣшенія на журналъ и для выпраши
нія ему разныхъ льготъ и поблажекъ. Иногда эти женщи
снабжаютъ изданія своими денежными средствами. Даже по С
сонскому закону 1851 года редакторами повременныхъ изда
могутъ быть только мужчины.

Замѣчательно обиліе евреевъ между издателями нашихъ газ
и журналовъ; но цифра ихъ значительно возрасла бы, если
къ ней причислить и всѣхъ тѣхъ евреевъ, издателей и редак
ровъ, которые фиктивно перешли въ христіанство для того, ч
бы не встрѣчать уже никакой помѣхи для своей вредной д
тельности. Каждый еврей непремѣнно издаетъ не одно, а
или три изданія, и конечно главные его сотрудники берутся
евреевъ. Нѣкоторыя еврейскія газеты пользуются у насъ особ
ми привилегіями: напримѣръ еврей Нотовичъ издаетъ двѣ сов

но отдѣльныя газеты, *Новости* и *Биржевую Газету*, имѣя отдѣльную подписку и различную подписную цѣну; а межтѣмъ, въ противность закону, за обѣ газеты представленъ ько одинъ залогъ. На Западѣ теперь несомнѣнно доказано, евреи, для пріобрѣтенія себѣ господствующаго положенія въ опѣ, намѣтили два пути: овладѣть денежными капиталами и рушить христіанство систематическимъ развращеніемъ евроскихъ народовъ посредствомъ литературы, разсѣевая повсюду жду христіанами идеи безбожія, безнравственности и анархіи. дающимся повременнымъ изданіемъ въ этомъ духѣ былъ у ъ упомянутый выше журналъ *Слово*, состоявшій подъ редакі еврея Гольдсмита, до его бѣгства за границу. Другіе журы и газеты еврейскаго рукодѣлія, въ томъ числѣ и двѣ газе- Нотовича, вливаютъ въ читателей свой ядъ исподволь, капля каплѣ, преимущественно стараясь опошлить и убить въ русмъ обществѣ великое чувство патріотизма и содѣйствуя по мѣсилъ сепаратизму нашихъ окраинъ. Эти люди, не имѣющіе имени, ни отечества, проповѣдуютъ русскимъ пошлый космоитизмъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе проложить дорогу еврейскому одству, въ пришествіе котораго они вѣрятъ, какъ въ пришее Мессіи. У насъ выселяютъ евреевъ изъ деревень, чтобы не спаивали и не обирали крестьянъ; но одна еврейская ета, отравляющая тысячи читателей ядомъ своихъ внушеній, чиняетъ несравненно болѣе зла нашему отечеству, чѣмъ сотъ кабатчиковъ, ибо умственная отрава ничѣмъ уже не вылѣчиется и передается отъ отцовъ къ дѣтямъ.

ровинціальныя газеты.

Право на изданіе провинціальныхъ газетъ давалось у насъ съ ою же неразборчивостью, какъ и право на изданіе столичкъ повременныхъ изданій. Многіе вновь назначенные губернаы едва пріѣзжали въ свои губерніи, какъ обращались къ Митру Внутреннихъ Дѣлъ съ представленіями о томъ, что по глубокому убѣжденію, основаніе въ ихъ губерніи мѣстнаго ана печати совершенно необходимо для разработки многоразныхъ вопросовъ экономическихъ, статистическихъ, историчехъ, этнографическихъ и т. д., и при этомъ рекомендовали въ атели и редакторы вполнѣ, по ихъ увѣренію, благонадежныхъ ъ. Разрѣшеніе, конечно, давалось немедленно; но не проходииногда года, какъ этотъ мѣстный органъ экономическихъ, тистическихъ и т. под. интересовъ исключительно посвящалъ я диффамаціямъ разныхъ лицъ своей и сосѣднихъ губерній, денціознымъ разсказамъ и стихотвореніямъ въ соціалистичемъ или угнетенно-жалующемся духѣ, а иногда и доказатель-

ствамъ необходимости введенія у насъ конституціи (о чемъ н
примѣръ, заявляла когда-то газета *Екатеринбургская Недѣ*
издаваемая и мнимо редактируемая купеческимъ сыномъ Сима
вымъ и почетнымъ гражданиномъ Галикомъ). Главные вдохно
тели и сотрудники провинціальныхъ газетъ суть въ большинст
случаевъ жалкіе недоучки, нерѣдко проходимцы и даже ли
состоящія подъ надзоромъ полиціи, кое-какъ набившіе руку
борзописаніи и повторяющіе съ увлеченіемъ зады, затверженн
ими въ писаніяхъ столичныхъ корифеевъ нигилистической ли
ратуры. Вотъ напримѣръ, какой аттестатъ новая редакція *Ас*
раханскаго Дневника выдала печатно (въ концѣ 1889 го
прежней редакціи, устроенной губернаторомъ по предложе
Главнаго Управленія по дѣламъ печати. «Кто же эти жре
вѣщатели истинъ, эти обличители, грозящіе судомъ исторіи?
вотъ эта компанія: вотъ литературный воръ, уличенный, х
несознавшійся; вотъ ренегатъ, смѣнившій, корысти ради, родн
вѣру на другую, въ которую онъ также не вѣритъ; вотъ осу
денный шантажистъ; вотъ фальсификаторъ подписей, наказан
судомъ; вотъ цѣлый рядъ субъектовъ-прихвостней, которымъ
ма скучно, а на улицѣ дѣлать нечего. Таковы ихъ дружбы
родство. Подъ флагомъ космополитизма, не имѣя ни религіи,
чести, они за громкія фразы обираютъ, объѣдаютъ и опиваю
россійскую публику, забираются въ прессу въ качествѣ руко
дителей, а въ сущности на правахъ бездѣльниковъ и шарла
новъ, не забывая, разумѣется, заключить надлежащій контра
съ неустойкой и хорошимъ гонораромъ за свою „иностранн
политику"». (Эта выписка изъ *Астраханскаго Дневника* при
дена въ № 51 *Недѣли* за 1889 г.). Изданіе сказанной газе
было разрѣшено въ 1889 году, по ходатайству Астраханск
губернатора, какому то Зеленскому, подъ редакціей какихъ
Попова и Полякова, о которыхъ губернаторъ далъ одобрительн
отзывъ. Въ томъ же 1889 году редакторы эти были устране
потому что съ первыхъ же нумеровъ стали наполнять свою
зету диффамаціей и шантажемъ; но издателемъ остался все то
же Зеленскій.

Сдѣланная здѣсь характеристика бывшей редакціи *Астрах*
скаго Дневника далеко не есть исключительный примѣръ въ
шей печати: она въ особенности примѣняется къ газетамъ,
даваемымъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи. Напримѣ
по донесенію одного изъ бывшихъ Томскихъ губернаторовъ, *С*
бирская Газета (нынѣ запрещенная) находилась въ полно
распоряженіи лицъ, сосланныхъ въ Сибирь за политическія
другого рода преступленія; главнымъ же дѣйствующимъ лицо
былъ Коршъ, бывшій петербургскій присяжный повѣренный,

анный въ Сибирь за мошенничество. *Уральскій Вѣстникъ* дается и редактируется, по особой рекомендаціи одного изъ вшихъ губернаторовъ, женою статскаго совѣтника Жаворонко-ю, которая, какъ потомъ обнаружилось, заключила съ какимъ частнымъ ходатаемъ по дѣламъ нотаріальный контрактъ о мъ, что она переуступаетъ ему всѣ редакторскія права, съ язательствомъ не вмѣшиваться ни въ приглашеніе сотрудни-овъ, ни въ выборъ статей для газеты. Тѣмъ не менѣе, когда авное Управленіе по дѣламъ печати просило Уральскаго гу-рнатора (преемника того, которымъ была рекомендована г-жа Саворонкова) пріискать на ея мѣсто другое, болѣе, такъ ска-ть, правоспособное лицо, то онъ, хотя и не выразилъ отказа это предложеніе, сдѣланное по приказанію Министра, но все жки отозвался, что находитъ г-жу Жаворонкову весьма образо-нною и развитою женщиною, вполнѣ способною направлять зету въ литературномъ отношеніи (дѣло происходило въ среди-ѣ лѣта 1895 г.). Въ Одессѣ, *Одесскія Новости*, газета еже-евная, издается и редектируется штурманомъ дальняго плава-я Старковымъ, при участіи второго редактора — дѣйствительна- студента Попандопуло. Въ Омскѣ *Степной Край* издается мошнимъ мѣщаниномъ Сунгуровымъ, подъ редакторствомъ от-авкого маіора Яшерова. Въ Ростовѣ-на-Дону одна газета изда-ся какимъ-то несовсѣмъ грамотнымъ титулярнымъ совѣтникомъ рутюновымъ, другая Балабановымъ 1-мъ и лѣкаремъ Хараха-мъ, третья Балабановымъ 2-мъ, подъ редакціей титулярнаго со-тника Каммохина. Въ Саратовѣ *Саратовскій Дневникъ* изда-ъ лѣкарь Марковскій (полякъ) и крестьянинъ Стерцеръ; сей е Стерцеръ числится и редакторомъ сей газеты, вѣроятно по-му, что Марковскаго, какъ поляка, губернаторъ не рѣшился екомендовать Главному Управленію въ качествѣ редактора, хо-, очевидно, онъ и есть настоящій хозяинъ литературной части зеты, а не крестьянинъ Стерцеръ. Въ Томскѣ *Сибирскій ѣстникъ* издаетъ вдова прежняго издателя Картамышева, а дактируетъ севастопольскій мѣщанинъ Прейсманъ.

Понятно, если провинціальныя газеты будутъ находиться въ добныхъ рукахъ, то всякія охранительныя мѣры будутъ без-льны. Цензура можетъ до нѣкоторой степени сдерживать край-я выходки этихъ испорченныхъ или неспособныхъ, а иногда и онамѣренныхъ личностей, но не въ силахъ заставить ихъ пи-ть въ просвѣщенномъ и благонамѣренномъ духѣ. Надобно при мъ замѣтить, что лица, цензурующія провинціальныя газеты, е. вице-губернаторы, въ большинствѣ случаевъ оказываются способными справляться съ этимъ дѣломъ.

Правительство, разрѣшая столичныя и провинціальныя по-

временныя изданія совершенно неизвѣстнымъ или завѣдомо не способнымъ для этого дѣла лицамъ, само создаетъ то, против чего должно будетъ потомъ бороться, и бороться большею ча стію безплодно, потому что единственною дѣйствительною мѣро противъ такихъ изданій было бы совершенное ихъ запрещені къ чему правительство не рѣшится прибѣгать слишкомъ часто Опытъ многихъ лѣтъ доказалъ, что у насъ, даже въ столицахъ слишкомъ мало свободныхъ умственныхъ силъ для веденія хоро шихъ литературно-политическихъ или общеобразовательныхъ из даній. Способные и серьезно образованные люди посвящаютъ се бя службѣ или заняты частною практическою дѣятельностію. З перо литераторовъ хватаются большею частію люди, ни къ чем неумѣвшіе себя пристроить, съ жалкимъ, но высоко мнящимъ себѣ полуобразованіемъ. Просматривая списокъ провинціальных литературно-политическихъ газетъ, число которыхъ доходило в 1889 г. до 89-и, можно насчитать всего 5 газетъ, издаваемых удовлетворительно и имѣющихъ нѣкоторое значеніе для своих мѣстностей. Таковы: ***Рижскій Вѣстникъ*** въ Ригѣ, ***Кіевлянин*** и ***Кіевское Слово*** въ Кіевѣ, ***Кронштадтскій Вѣстникъ*** в Кронштадтѣ и ***Волжскій Вѣстникъ*** въ Казани (довольно, впро чемъ, посредственный, не смотря на то, что издается [въ 188 году] профессоромъ университета). Даже въ Одессѣ издающіяс тамъ газеты: ***Новороссійскій Телеграфъ***, ***Одесскія Новост*** ***Одесскій Вѣстникъ***, ***Одесскій Листокъ*** и ***Пчелка***, не выходят изъ предѣловъ посредственности и преимущественно пережевыва ютъ темы, задаваемыя столичною печатью.

Нельзя не упомянуть здѣсь о весьма употребительномъ у нас способѣ получать разрѣшенія на изданіе газетъ, какъ въ про винціяхъ, такъ и въ столицахъ. Сперва какая нибудь совершен но неизвѣстная личность входитъ въ Главное Управленіе по дѣ ламъ печати съ прошеніемъ о дозволеніи ей издавать справоч ный листокъ или листокъ объявленій, съ самой ничтожной про граммой. Въ виду такой ничтожности предлагаемой газеты, доз воленіе дается безпрепятственно. Затѣмъ, черезъ нѣкоторое врем поступаетъ прошеніе о дозволеніи расширить программу листк какимъ нибудь новымъ невиннымъ отдѣломъ. Потомъ опять, че резъ непродолжительный срокъ, испрашивается разрѣшеніе н введеніе въ газету, напримѣръ, судебнаго отдѣла для печатані отчетовъ объ уголовныхъ дѣлахъ, рѣшаемыхъ въ мѣстныхъ су дебныхъ установленіяхъ. Наконецъ, подается прошеніе объ обра щеніи бывшаго листка объявленій въ литературную газету, с повѣстями и стихотвореніями, или даже въ самую обширну литературно-политическую газету. По полученіи концессіи, начи наются хлопоты о перепродажѣ газеты въ другія руки, за хоро

ю цѣну. Такимъ обходнымъ путемъ возникло у насъ немало етъ, находящихся въ рукахъ людей вполнѣ неспособныхъ и достойныхъ обращаться къ читателямъ съ публичнымъ сломъ.

Наиболѣе распространеныя книги.

Изъ числа изданій неперіодическихъ у насъ имѣютъ распространеніе только романы, повѣсти, сочиненія съ яркимъ соціастическимъ или матеріалистическимъ направленіемъ, наконецъ, ижки диффамаціоннаго характера. Всякое другое чтеніе убито насъ газетами и журналами. Чѣмъ серьезнѣе и трезвѣе содерніе книги, тѣмъ больше вѣроятія, что она останется лежать полкахъ книжныхъ лавокъ, тогда какъ о книжкахъ тенденціпаго содержанія всегда появляются громкія рекламы въ друственныхъ газетахъ и журналахъ; такія книжки печатаются количествѣ четырехъ, трехъ и никогда не менѣе двухъ тыъ экземпляровъ и скоро расходятся безъ остатка. Въ особенсти сильно расходятся и производятъ вредное вліяніе небольразсказы и повѣсти изъ народнаго быта, написанные въ сольно-демократическомъ духѣ (какъ писали, напримѣръ, Нефезъ и Левитовъ) и романы того же направленія, какъ оригинальные, къ и переводные (въ родѣ романовъ Шпильгагена и его копивщика Шеллера). Они проникаютъ въ самую глубь народа, въ ревни, на фабрики, доходя до такихъ читателей, которые вое не читаютъ газетъ. Въ этихъ повѣстяхъ и романахъ, въ выхъ образахъ и сценахъ, выражаются популярнымъ языкомъ еи, которыя въ газетахъ и журналахъ разбрасываются лишь упицами и въ изложеніи не всегда понятномъ для народа. омахи цензуры, допускающей такія книги, рѣдко даже выхотъ наружу, потому что книги этого рода не читаются въ высмъ правительственномъ кругу и даже рѣдко просматриваются Главномъ Управленіи по дѣламъ печати. Книги мнимо научнасодержанія, проводящія матеріалистическія и соціалистическія еи, преимущественно расходятся между студентами высшихъ ебныхъ заведеній.

Хотя цензурному вѣдомству и предоставлено право задержить вредныя книги и о запрещеніи ихъ представить Комитету инистровъ, но если бы Главное Управленіе по дѣламъ печати держивало всѣ вредныя книги, печатаемыя безъ предварительй цензуры, то Комитетъ Министровъ былъ бы буквально заванъ ихъ расмотрѣніемъ. Понятно поэтому, что Министры Внутнихъ Дѣлъ только въ крайнихъ случаяхъ рѣшались входить Комитетъ съ такими представленіями, а въ послѣднее время и почти вовсе прекратились. Было бы гораздо цѣлесообразнѣе

предоставить рѣшеніе вопросовъ о запрещеніи книгъ, по пре-
ставленіямъ начальника цензурнаго управленія, тому же Совѣщ
нію изъ трехъ Министровъ и Оберъ-Прокурора Сѵнода, на кот
рое возложено уже какъ совершенное запрещеніе повременны
изданій, такъ и пріостановка ихъ на неопредѣленный срокъ. С
рядъ внесенія этихъ дѣлъ въ сказанное Совѣщаніе и порядо
ихъ рѣшенія не подлежали бы тамъ тѣмъ формальностямъ, кот
рыя установлены для Комитета Министровъ; вмѣстѣ съ тѣ
уничтожалась бы и та непослѣдовательность въ законѣ, что с
вершенное прекращаніе повременнаго изданія, имѣющаго у
нѣсколько тысячъ подписчиковъ, внесшихъ за него деньги, и
основаніе котораго была затрачена значительная сумма, може
послѣдовать по рѣшенію Совѣщанія трехъ Министровъ и Обер
Прокурора Сѵнода, а запрещеніе книги, еще не вышедшей
свѣтъ и на печатаніе которой затрачена незначительная сумм
требуетъ постановленія Комитета Министровъ.

Право издавать газеты и журналы должно быть правомъ л ным и условнымъ.

Если бы современемъ разрѣшенія на повременныя изданія д
вались у насъ съ большею разборчивостью, чѣмъ доселѣ, то
тогда общество наше и грамотный народъ не были бы обезпеч
ны отъ преобладанія изданій съ вреднымъ или безпорядочны
направленіемъ, ибо, при существующемъ законѣ (ст. 122 Уст.
ценз. и печ.), повременное изданіе, разрѣшенное вначалѣ да
лицу благонадежному, можетъ потомъ, уже безъ всякаго разр
шенія Министра, быть продано, передано или перейти по н
слѣдству лицамъ вполнѣ неизвѣстнымъ. Министръ можетъ толь
отказывать въ утвержденіи редактора, если новый издатель
желаетъ перемѣнить прежняго редактора; но въ концѣ концо
послѣ нѣсколькихъ отказовъ, Министръ, подъ давленіемъ р
ныхъ ходатайствъ со стороны высокопоставленныхъ лицъ и с
ихъ знакомыхъ, утверждаетъ какого нибудь изъ представленны
редакторовъ, ибо неутвержденіе ни одного изъ нихъ было
равносильно прекращенію изданія, что не предоставлено влас
Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Но эта инвеститура редакторо
какъ было уже замѣчено, есть одна формальность, ради испо
ненія буквы закона, вся же сила заключается въ издателях
Издатели набираютъ сотрудниковъ подъ одну масть, а главн
руководство изданіемъ или оставляютъ за собой, или вручаю
кому нибудь изъ наиболѣе яркихъ выразителей задуманнаго н
правленія. У насъ распространился особый видъ спекуляціи, с
стоящій въ полученіи отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печ
ти концессіи на повременное изданіе и въ перепродажѣ ея д

ымъ лицамъ, иногда за очень крупную сумму. Былъ даже слу-
ай (въ 1895 г.), когда одно лицо, занимающее довольно вид-
ный постъ и повидимому пріобрѣвшее уже опытность въ дѣлахъ
того рода, взявшись хлопотать о концессіи на газету, заключи-
) нотаріальный контрактъ съ издателями о вознагражденіи за
лопоты, въ весьма крупной суммѣ; когда же издатели, полу-
ивъ концессію, подъ разными предлогами отказались отъ упла-
ы вознагражденія, то сказанный посредникъ-ходатай предста-
илъ контрактъ въ судъ (Варшавскій) для взысканія съ издате-
ей условленной суммы. Были случаи, когда право на изданіе
азеты официально продавалось съ аукціона, по гражданскому
ску постороннихъ лицъ. Журналъ *Русское Слово* Благосвѣтло-
а былъ закрытъ по Высочайшему повелѣнію за его крайне
редное направленіе; между тѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, тотъ
е Благосвѣтловъ преспокойно перекупаетъ у нѣкоего штабсъ-
апитана Шульгина издававшійся симъ послѣднимъ журналъ *Дѣ-
о* и опять открываетъ свою лавочку, не нуждаясь ни въ чьемъ
азрѣшеніи.

Отсюда видно, что доколѣ право на изданіе газеты или жур-
ала будетъ разсматриваемо у насъ, какъ прево имущественное,
будетъ переходить изъ рукъ въ руки, какъ переходитъ всякая
ещественная собственность, какъ переходятъ торговыя и увесе-
ительныя заведенія, до тѣхъ поръ правительство будетъ без-
ильно бороться съ литературою крайняго направленія. Если бы
аже правительство не разрѣшало впредь ни одного новаго по-
ременнаго изданія, то и существующія доселѣ (до 1894 года),
ъ количествѣ 204-хъ, литературные и литературно-политическіе
азеты и журналы, пользуясь правомъ невозбранно переходить
зъ рукъ въ руки, вполнѣ достаточны для того, чтобы держать
сю читающую Россію подъ своимъ вліяніемъ. Такое ненормаль-
ое и опасное положеніе публичнаго слова можетъ быть прекра-
ено только тогда, когда право издавать газету или журналъ
удетъ разсматриваемо у насъ какъ право личное, даваемое
олько людямъ благонадежнымъ и переходящее отъ нихъ къ дру-
имъ лицамъ, развѣ и тѣ будутъ признаны достойными пользо-
аться этимъ правомъ. Но и лицо, получившее уже дозволеніе
а изданіе газеты или журнала, должно быть лишаемо этого
рава, коль скоро оно не оправдываетъ оказаннаго ему довѣрія.
езъ принятія законодательствомъ такого начала всѣ предупре-
ительныя и карательныя мѣры будутъ безсильны. Пустить въ
ародъ сотни добровольцевъ-проповѣдниковъ, съ неизвѣстными и
аще всего зловредными наклонностями и цѣлями, и потомъ го-
яться за ними съ безсильными полицейскими мѣрами, прихло-
ывать одно какое нибудь изданіе и на его мѣсто разрѣшать

десятокъ другихъ, столько же и даже еще болѣе вредныхъ изданій, не есть ли это въ самодержавномъ государствѣ чистый абсурдъ, ведущій къ развращенію населенія и къ приниженію самаго принципа самодержавія, сущность котораго, по понятіямъ русскаго народа, состоитъ въ отеческой попечительности о народномъ благѣ, въ послѣдовательности дѣйствій и въ непререкаемомъ авторитетѣ? Такіе литературные дѣятели, какъ выше охарактеризованные, всякую правительственную мѣру, направленную къ ихъ обузданію, будутъ провозглашать тиранствомъ и посягательствомъ на народное благо. Не лучше ли не давать такимъ людямъ права на публичное слово или давать только условно, пока они окажутся достойными имъ пользоваться, чѣмъ неразборчивою раздачею этого права и потомъ полицейскими карательными мѣрами создавать массу недовольныхъ, не только между самими журналистами, но и между читателями, всегда готовыми повторять внушенія своихъ руководителей. Право ежедневно или ежемѣсячно обращаться къ читателямъ съ публичнымъ словомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, есть по существу своему такое же личное, а не имущественное право, какъ и право обученія юношества, право церковной проповѣди, лѣченія больныхъ. Древніе греки даже отъ актеровъ требовали государственнаго экзамена въ знаніи декламаторскаго и сценическаго искусства. Мало того, отъ посвящавшихъ себя сценѣ требовалась особенная чистота нравовъ, потому что они считались людьми, стоящими ближе другихъ къ богамъ и предназначенными влагать въ сердца зрителей высокіе и чистые помыслы и чувства. Чѣмъ у грековъ и римлянъ былъ театръ, тѣмъ стала теперь литература; но она имѣетъ тысячекратно бо́льшую силу, чѣмъ театральная сцена, ибо сфера дѣйствія печатнаго слова почти безгранична, какъ по пространству, такъ и по времени. Только при незнакомствѣ съ нашею литературою или при полицейско-бюрократическомъ взглядѣ на нее можно утверждать, что теперь все въ ней обстоитъ благополучно, потому только, что она не подталкиваетъ общество и народъ на борьбу съ правительствомъ и не проповѣдываетъ безбожіе и безнравственность такъ откровенно, какъ дѣлала это, когда въ ней подвизались Чернышевскіе, Писаревы, Антоновичи, Соколовы (капитанъ), Гольдсмиты и т. п. Вся разница только въ томъ, что теперь неблагонамѣренная часть нашей печати выработала себѣ менѣе рискованные пріемы для выраженія своихъ мыслей; но въ сущности она распѣваетъ ту же самую пѣсню, которую пѣли ея первоучители въ 60-хъ годахъ, только нѣсколькими нотами ниже.

Все сказанное приводитъ къ заключенію, что нѣтъ никакого основанія отдѣлять званіе издателя отъ званія отвѣтственнаго редактора; кто получаетъ отъ правительства право на изданіе

азеты или журнала, тотъ долженъ соединить въ себѣ всѣ нрав-
твенныя и умственныя качества, необходимыя для выполненія
толь важнаго права, и долженъ нести всю отвѣтственность въ
лучаѣ злоупотребленія дарованнымъ ему правомъ. Надобно при-
омъ имѣть въ виду, что у насъ (по объясненнымъ выше при-
инамъ) цензурное вѣдомство никогда не вчиняетъ теперь судеб-
ыхъ преслѣдованій по содержанію печатныхъ произведеній, такъ
что отвѣтственность редакторовъ остается въ этомъ отношеніи
исто мнимою, и они являются передъ судомъ исключительно въ
лучаѣ частныхъ обвиненій въ оскорбленіи или клеветѣ. Званіе
твѣтственныхъ редакторовъ должно быть удержано только для
зданій, издаваемыхъ правительственными вѣдомствами, учеными
бществами, городскими и сословными учрежденіями, а также и
ля газетъ, принадлежащихъ правительственнымъ учрежденіямъ,
о отдаваемымъ въ аренду частнымъ лицамъ; для всѣхъ же част-
ыхъ повременныхъ изданій слѣдовало бы установить только зва-
іе издателей, какъ было у насъ въ прежнее время. Законъ 1865 г.
аимствовалъ званіе отвѣтственнаго редактора изъ иностранныхъ
аконодательствъ. Но на западѣ каждое правоспособное лицо
мѣетъ право издавать газету или журналъ; между тѣмъ не каж-
ый изъ этихъ издателей и собственниковъ изданія способенъ за-
ѣдывать литературною и политическою частью изданія или имѣетъ
ля того достаточно времени: поэтому тамъ сама собою является
еобходимость раздѣлить издателя отъ редактора, собственника
тъ распорядителя литературно-политическою частью. Этотъ по-
слѣдній естественнымъ образомъ является и отвѣтственнымъ лицомъ
а нарушеніе изданіемъ законовъ о печати. Почти всѣ крупные
вропейскіе и американскіе газеты и журналы издаются даже не
тдѣльными лицами, а цѣлыми компаніями, на коммерческомъ
сновапіи.

Объявленіе права на изданіе газеты или журнала правомъ
сключительно личнымъ и притомъ отнимаемымъ въ томъ случаѣ,
огда лицо, его получившее, не оправдываетъ возлагавшагося на
а него довѣрія, могло бы, при умѣломъ и безпристрастномъ
бразѣ дѣйствія цензурнаго вѣдомства, оказать могущественное
ѣйствіе въ борьбѣ съ неблагонамѣренной частью періодической
ечати, но только тогда, когда это начало будетъ распространено
на всѣ теперь существующія повременныя изданія. Тогда не
олько не будетъ надобности, но и не будетъ полезно оставлять
одъ предварительной цензурою тѣ или другія повременныя изданія,
е исключая и провинціальныхъ, которыя и по нынѣ дѣйствующему
акону (ст. 6, пунктъ б, I) могутъ съ разрѣшенія Министра
Внутреннихъ Дѣлъ, выходить безъ предварительной цензуры, хотя
а практикѣ этого не допускалось съ самаго введенія въ дѣйствіе

правилъ 1865 г. Чѣмъ скорѣе неблагонамѣренныя или дурно на-
правляемыя повременныя изданія, необороняемыя больше цензуро
подвергнутся запрещенію, тѣмъ больше выиграетъ общество и на-
родъ, избавившись отъ сѣятелей нравственной и политическо
распущенности. Исключеніе изъ этого правила необходимо, однак
сдѣлать для повременныхъ изданій, выходящихъ на языкахъ: пол
скомъ, жмудско-литовскомъ, латышскомъ, эстонскомъ, грузинском
армянскомъ, еврейскомъ, татарскомъ и т. п., потому что было б
слишкомъ рисковано снять съ нихъ предварительную цензуру пр
увѣренности, что строгое наблюденіе за ними со стороны Гла
наго Управленія по дѣламъ печати едва-ли можетъ быть ос
ществлено въ скоромъ времени.

Возраженія противъ предлагаемой здѣсь мѣры.

Противъ закрытія многихъ, быть можетъ, даже большинст
существующихъ газетъ и журналовъ будутъ возражать, что така
крутая мѣра возмутитъ общественное мнѣніе и раздражитъ е
противъ правительства. Подъ громкимъ именемъ общественна
мнѣнія у насъ обыкновенно разумѣютъ мнѣніе газетъ и журна-
ловъ, которые сами же и предвосхищаютъ себѣ этотъ титулъ,
толпа только вторитъ ихъ самозванству. Несомнѣнно, что вс
участники закрытыхъ изданій будутъ вопіять о ретроградности
произволѣ правительства, какъ вопіяли объ этомъ участники *Со-
временника, Русскаго Слова, Отечественныхъ Записокъ, Голос*
и другихъ запрещенныхъ правительствомъ повременныхъ издані
Однако все и окончилось воплями этихъ литературныхъ промыш-
ленниковъ, но ни малѣйшаго раздраженія въ русскомъ обществ
не произошло. Наше общество, въ огромномъ его большинств
желало бы только, чтобъ литературѣ не преграждалась возмож-
ность заявленій и сужденій по интересующимъ общество вопро-
самъ внутренней жизни и международныхъ отношеній и чтобы в
чисто-литературныхъ произведеніяхъ оно могло находить разно-
образное чтеніе. Хотя ѣдкая критика правительственныхъ дѣйстві
съ цѣлью вооружить публику противъ правительства, и имѣет
для многихъ читателей большую привлекательность, но это ест
только искуственно возбужденное любопытство, вызванное само
же оппозиціонною литературой, а отнюдь не удовлетвореніе дѣй-
ствительной потребности общества. У насъ не существуетъ поли-
тическихъ партій, борящихся съ правительствомъ за извѣстны
начала и интересы. Никто не будетъ затронутъ въ своихъ инте-
ресахъ, если будетъ запрещено то или другое повременное изда-
ніе, возбуждающее читателей противъ правительства, а тѣмъ бо-
лѣе, если не будутъ терпимы изданія чисто революціоннаго ил
соціалистическаго характера. Наши революціонеры и соціалисты

тящіеся въ редакціяхъ газетъ и журналовъ, принадлежатъ къ
ому полуобразованному пролетаріату, который само общество вы-
расываетъ изъ своей среды, какъ людей ни къ чему не годныхъ.
авнымъ образомъ, и уничтоженіе изданій, распространяющихъ
атеріализмъ и нравственную распущенность, будетъ встрѣчено
громнымъ большинствомъ общества не только безъ неудовольствія,
о даже съ благодарностію, ибо чувство самосохраненія еще не
бито въ русскомъ населеніи. Роптать будутъ только тѣ читатели,
оторые неисправимо испорчены этою литературою и у которыхъ
ошло уже въ потребность ежедневное поглощеніе умственной
ищи, приправленной ѣдкими и возбуждающими пряностями.
насъ, къ сожалѣнію, въ самомъ обществѣ и народѣ, вслѣдствіе
редшествующей нашей исторіи, потеряна способность собствен-
ыми силами противодѣйствовать пагубнымъ вліяніямъ: тѣмъ бо-
ѣе обязано правительство принимать всѣ мѣры для огражденія
ародной нравственности и общественнаго порядка отъ растлѣва-
щаго вліянія промышленниковъ развратительной или мутящей
итературы. Здѣсь не должно быть и рѣчи ни о какихъ уступкахъ
соглашеніяхъ, если правительство не желаетъ пожать горькихъ
лодовъ, которыхъ и такъ уже не мало было пожато въ послѣд-
ія 30 лѣтъ.

Есть ли какая нибудь логика въ томъ, чтобы терпѣть вредныя
овременныя изданія только потому, что если ихъ закрыть, то у
асъ останутся хотя и хорошія или, по крайней мѣрѣ, сносныя
зданія, но не въ большомъ количествѣ. Казалось бы этому на-
обно только радоваться. У насъ не можетъ возникнуть газетно-
урнальной монополіи, потому что ея не было даже въ царство-
аніе императора Николая I. Предлагаемая здѣсь система услов-
аго дозволенія повременныхъ изданій поведетъ только къ тому,
то умныя и благонамѣренныя изданія получатъ возможность су-
ествовать и приносить доходъ своимъ издателямъ, тогда какъ
еперь они затираются и приводятся къ уничтоженію конкурен-
ей издателей, имѣющихъ въ виду только наживу и угожденіе
спорченнымъ вкусамъ читающей толпы. Умная и консервативная
азета *Берегъ*, издававшаяся въ Петербургѣ профессоромъ Цито-
ичемъ, должна была прекратиться вскорѣ послѣ своего основанія,
отому что была освистана всею нашею журналистикой. Въ то же
ремя *Голосъ*, проповѣдывавшій самыя разлагающія доктрины и
отовый за деньги служить всякому врагу Россіи, доставлялъ сво-
му издателю 75.000 руб. чистаго дохода. *Современныя Извѣстія*,
здававшіяся въ Москвѣ Гиляровымъ-Платоновымъ, писателемъ
полнѣ консервативнымъ и притомъ замѣчательнаго ума и таланта,
авали ему хорошій доходъ только до тѣхъ поръ, пока не откры-
ась литературная лавочка мѣщанъ Пастуховыхъ, подъ названіемъ

Московскаго Листка, съ разнообразными приманками по вку
читающей толпы: эта дрянная газета быстро достигла 24.0(
подписчиковъ, а *Современныя Извѣстія* потеряли три четвер
своихъ читателей и должны были прекратиться. Даже *Моско
скія Вѣдомости* Каткова, не смотря на огромный талантъ св
его издателя, имѣли большой кругъ читателей только во вре
польскаго мятежа, когда подъемъ патріотическаго духа побуди
многихъ отвернуться отъ нашихъ космополитическихъ и поляк
ющихъ газетъ, вродѣ *Голоса* и *С.-Петербургскихъ Вѣдомост*
Корша; но послѣ прекращенія польскаго мятежа число подписч
ковъ на *Московскія Вѣдомости* стало падать и въ 1885 г.
превышало 12.000, т. е. было на половину меньше числа по
писчиковъ на двѣ газеты еврея Нотовича, *Новости* и *Биржи
вую Газету*.

Давно уже сравнивали гласность съ обоюдоострымъ мечем
она можетъ стоять на сторожѣ государственныхъ и частныхъ и
тересовъ, но можетъ и сдѣлаться бичемъ общаго блага. Газеты
журналы изо дня въ день внушая читателямъ идеи въ одномъ
томъ же направленіи, держатъ ихъ подъ дѣйствіемъ умственна
гипноза и создаютъ изъ нихъ своего рода маніаковъ, взаим
другъ другу сочувствующихъ и другъ друга подталкивающихъ
принятомъ ими направленіи. Чѣмъ моложе и впечатлительнѣе ч
татели, тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ на нихъ читаемыя ими газет
и книги. За молодежью слѣдуютъ и люди зрѣлаго возраста. н
обладающіе самостоятельнымъ мышленіемъ и пуще всего боящіес
какъ бы не прослыть отсталыми. Наконецъ плетется въ ту
сторону и малодушная, вывѣтрившаяся, но все еще желающая м
лодиться старость, подпѣвая дребезжащимъ голосомъ гимнъ новы
ученіямъ. Вся эта толпа гипнотизированныхъ маніаковъ шумитъ
гремитъ на весь міръ, тогда какъ несравненно большее чис
людей здравомыслящихъ молчитъ, ибо занято своимъ дѣломъ.
всякія мономаніи заразительны: извращенныя понятія меньшинст
мало-по-малу могутъ переходить и къ спокойному большинств
Такъ слагаются тѣ эпидемическія умственныя повѣтрія, котор
губятъ народы; но которыя, въ періодъ ихъ господства, назыв
ются нерѣдко прогрессомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Когда
1878 г. наши газеты единодушно рукоплескали оправданію Вѣр
Засуличъ, а *Голосъ* провозгласилъ даже, что съ этой минуты н
чинается для Россіи новая эра, тогда въ петербургскомъ общест
(не говоря уже про грамотное простонародье) трудно было встр
тить человѣка. который бы не вторилъ этому ужасающему восх
ленію самосуда и кровавой расправы съ людьми, стоящими
власти. Послѣдствія такого умопомраченія слишкомъ всѣмъ памятн

Присвоеніе повременнымъ изданіямъ свойства вещественн

бственности, переходящей изъ рукъ въ руки посредствомъ про-
ки или наслѣдства, не отвѣчаетъ тому значенію, которое должно
ѣть у насъ право публичнаго слова соотвѣтственно нашему го-
дарственному строю. На западѣ, какъ было уже замѣчено, сво-
да слова есть народное право, есть одна изъ существенныхъ
инадлежностей конституціоннаго или республиканскаго порядка;
этому тамъ всякій, пользующійся гражданскою правоспособно-
ю, можетъ издавать газету или журналъ, не нуждаясь въ пра-
тельственномъ разрѣшеніи. Понятно, что тамъ газеты и журналы
лжны были войти въ общую категорію вещественной собствен-
сти, подлежащей общимъ гражданскимъ законамъ. Но, по нашему
сскому государственному устройству, право публичнаго слова
какъ не можетъ считаться присущимъ каждому подданному;
о можетъ быть даруемо только правительствомъ, и конечно, на
авительствѣ лежитъ обязанность давать столь важное право
лько лицамъ, которыя его достойны.

**Несостоятельность предостереженій и доводы въ пользу ихъ
тѣны.**

Предостереженія, заимствованныя закономъ 6 апрѣля 1865 г.
ъ законодательства второй французской имперіи и имѣющія
лью держать въ уздѣ безцензурныя повременныя изданія стра-
мъ временной пріостановки послѣ 3-го предостереженія, оказа-
сь на практикѣ сопряженными съ нѣкоторыми существенными
удобствами. Хотя они до нѣкоторой степени сдерживаютъ край-
я выходки неблагонамѣренныхъ изданій, но никогда не измѣ-
ли ихъ направленія, а только заставляли его высказываться
лѣе осторожнымъ образомъ. Никто не получилъ столько предо-
ереженій, какъ *Голосъ*, что не мѣшало ему существовать мно-
годы, пользоваться огромнымъ вліяніемъ на нашу публику и
огатить своего издателя. То условіе, что для временной прі-
становки повременнаго изданія требуется три предостереженія,
авниваетъ изданія по общему характеру благонамѣренныя, но
лько грѣшащія иногда рѣзкостью фразъ и недостаткомъ такта,
изданіями положительно злонамѣренными и вредными. На из-
нія перваго рода можно бы съ успѣхомъ дѣйствовать одними
овесными внушеніями, не прибѣгая къ пріостановкѣ; тогда какъ
ваютъ такія изданія, которыя необходимо прекращать немед-
нно, не ожидая трехъ предостереженій. Произведенія мысли и
ова столь разнообразны по своимъ побужденіямъ, цѣлямъ и
йствію на читателей, что ихъ невозможно подводить подъ однѣ
тѣ же формальныя нормы. Здѣсь требуется со стороны цензур-
й власти живое и разумное отношеніе къ предмету, знаніе лич-
стей, направляющихъ изданія, и опредѣленіе въ каждомъ дан-

номъ случаѣ того способа, какимъ должно на нихъ дѣйствова
Негласныя словесныя предостереженія дадутъ случай Начальн
цензурнаго управленія дѣйствовать на издателей живымъ слово
убѣжденія и лучшихъ изъ нихъ посвящать въ желанія и ви
правительства. Доселѣ наши издатели и редакторы оставались
полномъ отчужденіи отъ правительственной сферы и могли заг
дывать въ нее только нелегальнымъ путемъ, въ видѣ добыван
чрезъ чиновниковъ канцелярій, тѣхъ или другихъ свѣдѣній и
кументовъ, нерѣдко компрометирующаго свойства. Хорошіе ж
налисты, въ родѣ Каткова, Гилярова-Платонова, Аксакова, все
жаждали быть посвященными въ виды и желанія правительст
и охотно готовы были бы служить его цѣлямъ; но они были
талкиваемы отъ правительства сухимъ, канцелярскимъ отношеніе
къ нимъ цензурнаго вѣдомства, знавшаго однѣ лишь репресс
ныя мѣры. Всею Россіей была оцѣнена огромная заслуга Кат
ва въ отстаиваніи нашихъ народно-государственныхъ интерес
во время польскаго мятежа 1863—1864 гг. когда петербургс
газеты и журналы выражали явное сочувствіе домогательства
поляковъ. Между тѣмъ, по требованію Министерства Внутренн
Дѣлъ, Совѣтъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, въ журна
отъ 7 января 1870 г., большинствомъ голосовъ постановилъ,
нѣкоторыя рѣзкости въ изложеніи статей Каткова по польско
вопросу, объявить ему предостереженіе, которое было равносил
устраненію его отъ изданія этой газеты, такъ какъ передъ тѣ
онъ объявилъ, что, въ случаѣ присылки ему предостереженія, о
не печатая онаго, оставитъ газету. Но, сверхъ ожиданія Минис
Внутреннихъ Дѣлъ, Катковъ напечаталъ предостереженіе, остал
издателемъ и даже повинился въ своихъ рѣзкостяхъ. Такой
ожиданный оборотъ объясняется тѣмъ, что таково было жел
въ Бозѣ почившаго императора Александра Николаевича, пе
данное Каткову чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія гра
Толстого. Гласныя предостереженія приносятъ положительный вре
тѣмъ, что привлекаютъ усиленное вниманіе читателей къ самы
неблагонамѣреннымъ или вообще нежелательнымъ статьямъ,
торыя, безъ такого указанія, остались бы вовсе незамѣченны
большинствомъ читателей. Было не мало и такихъ случаевъ, ко
издатели изъ числа мелкихъ литературныхъ промышленниковъ, п
мотавъ деньги, собранныя съ подписчиковъ, нарочно добивал
трехъ предостереженій и пріостановки изданія, чтобы свалить
вину на правительство, а самимъ въ глазахъ читателей разыгр
роль героевъ, будто бы пострадавшихъ за смѣлое обличеніе пра
тельственныхъ злоупотребленій. Впрочемъ какъ скоро право
изданіе газетъ и журналовъ будетъ даваемо условно и отнима
въ случаѣ неблагонадежности издателя, то черезъ это самое гл

і предостереженія потеряютъ всю цѣль своего существованія. виду всѣхъ сказанныхъ соображеній, было бы полезно вовсе ѣнить гласныя предостереженія, а вмѣсто того, въ необходихъ случаяхъ, дѣлать издателямъ газетъ и журналовъ предостеенія негласныя и словесныя, съ разъясненіемъ ихъ причинъ. зъ это сказанная мѣра будетъ имѣть значеніе не только преостереженія, но и руководящаго указанія издателямъ на то, что будетъ терпимо правительствомъ, тогда какъ теперешнія глася предостереженія нерѣдко оставляютъ редакціи въ недоумѣніи осительно истинныхъ причинъ этого взысканія, потому что, я въ предостереженіяхъ и указываются статьи, ихъ вызвавшія, самые мотивы предостереженій, по понятной причинѣ, излаются въ самой краткой и сдержанной формѣ. Случалось даже, статьи, послужившія дѣйствительною причиной предостережевовсе въ немъ не упоминались, по неудобству привлекать къ ъ вниманіе публики, а указывались другія статьи, гораздо менепредосудительныя.

Объ отмѣнѣ залоговъ и установленіи процентнаго сбора съ повременныхъ изданій.

Установленіе для повременныхъ изданій залоговъ имѣло цѣлію печить исправное внесеніе штрафовъ, назначаемыхъ судомъ нарушеніе этими изданіями законовъ о печати. Такъ какъ въ й запискѣ предполагается, что цензурное вѣдомство, подобно у какъ это дѣлается и въ настоящее время, не будетъ впредь буждать никакихъ судебныхъ преслѣдованій по содержанію ременныхъ изданій, то внесеніе залоговъ не имѣло бы цѣли. дѣламъ же о диффамаціи, оскорбленіи бранью и клеветѣ, но какъ и по дѣламъ о нарушеніи полицейскихъ охранительъ узаконеній по дѣламъ печати, можно бы постановить, что, невнесеніи штрафа въ опредѣленный срокъ, онъ взыскиваетсъ имущества издателя по общимъ правиламъ взысканія слѣщихъ въ казну денегъ. Авторы и издатели неповременныхъ иненій точно такъ же могутъ подлежать въ извѣстныхъ слухъ наложенію штрафовъ, хотя и не вносятъ никакихъ залоъ. Между тѣмъ залоги въ 5 и 2 съ половиною тысячи руб, легко находимые промышленниками печати, могутъ послусь для многихъ просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ лицъ неодолимымъ препятствіемъ къ основанію газеты или журнала.

Вмѣсто залоговъ было-бы вполнѣ справедливо установить 10% ръ съ повременныхъ изданій, такъ чтобы, напримѣръ, изданіе ющее, безъ пересылки, 10 рублей за экземпляръ и расходяется въ количествѣ 15.000 экземпляровъ, платило въ казну 000 рублей, изданіе, стоющее 3 рубля 40 копѣекъ и выхо-

дящее въ количествѣ 4.000 экземпляровъ платило 1.300 рубл
Теперь издатели газетъ и журналовъ, получая нерѣдко огромн
барыши, ничего не платятъ въ доходъ казны, тогда какъ пр
пріятія и недвижимыя имущества самыя малодоходныя обложе
у насъ налогами и въ пользу казны, и въ пользу земства, и
пользу городовъ. Отъ налоговъ не изъяты даже квартиры, не
ходимыя для жилья, передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ, ст
хованіе домовъ отъ огня, наконецъ даже наслѣдства, получаем
родными дѣтьми отъ родителей. Между тѣмъ Краевскій, полу
отъ *Голоса* 75.000 рублей чистаго дохода, не платилъ въ ка
ни одной копѣйки. *Новое Время* получаетъ, по слухамъ,
300.000 рублей дохода. Напротивъ того, изданіе книгъ, кр
учебниковъ, покровительствуемыхъ или по крайней мѣрѣ одоб
емыхъ ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣ
нія, и кромѣ сочиненій извѣстнѣйшихъ писателей, въ родѣ Л
Толстого, Достоевскаго, Салтыкова, не только не обогащаетъ
авторовъ и издателей, но въ большинствѣ случаевъ едва пок
ваетъ издательскіе расходы. При этомъ, чѣмъ серьезнѣе кн
чѣмъ болѣе она требовала отъ автора знаній и ученыхъ ра
сканій, тѣмъ меньше находитъ она у насъ покупателей. Поэто
книгъ нельзя ставить наравнѣ съ повременными изданіям
облагать ихъ налогомъ. Прежде у насъ смотрѣли на газеть
журналы слишкомъ съ возвышенной точки зрѣнія, какъ на р
пространителей просвѣщенія, которые было бы грѣшно облаг
налогомъ. Въ прежнее время, при Императорахъ Александр
и Николаѣ I, такая точка зрѣнія была отчасти справедлива;
теперь пора, кажется, отказаться отъ такого взгляда.

Неудовлетворительность цензурнаго надзора за печатью.

Выше было сказано, что разнузданность нашей періодичес
литературы зависитъ, кромѣ неразборчиваго разрѣшенія изда
недостойнымъ личностямъ, также и отъ неудовлетворительно
цензурнаго надзора за печатью вообще, какъ повременною, та
и неповременною. Отъ недостатка должнаго надзора происход
то, что часто допускался выходъ въ свѣтъ журнальныхъ к
жекъ и нумеровъ газетъ, заключавшихъ въ себѣ явно прест
ную пропаганду, а иногда статьи этого рода даже разрѣшал
предварительною цензурой. По той же причинѣ изданія завѣд
вредныя и злоумышленныя терпѣлись многіе годы безъ приня
рѣшительныхъ мѣръ для ихъ прекращенія. Слабость цензурн
надзора за печатью видна была уже изъ тѣхъ примѣровъ, ко
рые приведены выше; но ихъ можно бы умножить стократ
Приведемъ еще нѣсколько изъ болѣе выдающихся.

Здѣсь упоминалось уже о журналѣ *Слово*, отличавшемся

ько революціоннымъ, но чисто анархическимъ направленіемъ. торія этого журнала была такова. Въ 1870 г. разрѣшено бы- профессорамъ медико-хирургической академіи Хлѣбникову и родину издавать, подъ ихъ редакціей, научный журналъ *Зна-*. Въ 1873 г. они уже продаютъ это изданіе, конечно, безъ каго разрѣшенія, еврею Гольдсмиту и какому то Коробчев- му, продолжая считаться номинально редакторами. Но жур- ъ, вмѣсто научнаго, принялъ характеръ матеріалистическій и ъ усиленно распространяемъ между медицинскими и универ- етскими студентами. Несмотря на это, въ 1877 г. издатели , Гольдсмитъ и Коробчевскій, добиваются утвержденія ихъ акторами; затѣмъ, немедленно, въ томъ же 1877 году, они, лучше сказать тотъ неизвѣстный синдикатъ, который намѣ- ъ вести въ Россіи анархическую пропаганду посредствомъ оналовъ, покупаетъ у Жемчужникова журналъ *Молву*, пере- еновываютъ его въ *Слово*, а журналъ *Знаніе* прекращаютъ, программа его нѣкоторою своею спеціальностью стѣсняла изонтъ намѣченной пропаганды. Редакторами *Слова* Главное равленіе утверждаетъ тѣхъ же Гольдсмита и Коробчевскаго. слѣ сего начинается безпрестанная передача этого журнала однѣхъ рукъ въ другія: въ томъ же 1877 г., еще до появ- ія его въ свѣтъ, онъ переходитъ къ присяжному повѣренно- Жуковскому, въ 1878 году возвращается къ прежнему изда- ю *Молвы* Жемчужникову, въ 1880 году переуступается Дѣй- ительному Статскому Совѣтнику Головачеву, въ томъ-же 1880 у переходитъ къ еврею и писателю Венгерову, въ томъ же 30 г. къ Екатеринѣ Мальневой, наконецъ въ 1881 г. къ ка- у то Кобычеву. Журналъ этотъ сталъ выходить въ свѣтъ 1 аря 1878 г. Редакторами считались сперва сказанные Гольд- итъ и Коробчевскій, а когда Гольдсмитъ, уличенный въ госу- ственномъ преступленіи, бѣжалъ заграницу, тогда редакто- ъ остался одинъ Коробчевскій. Въ ноябрѣ 1880 года, когда ударственная полиція стала производить розыски въ редакціи, обчевскій также оставилъ редакторство. Затѣмъ, Главное Управ- іе по дѣламъ печати не утверждало уже представляемыхъ редакторовъ; однако разрѣшило издательницѣ Мальневой вре- нно подписываться за редактора. Упоминаемая Мальнева была же привлекаема къ слѣдствію по участію въ государствен- ъ преступленіи. Наконецъ, подъ давленіемъ сложившихся об- ятельствъ, журналъ *Слово* прекратилъ свое существованіе ап- ьской книжкой 1881 года.

Іослѣ этой, поистинѣ удивительной, внѣшней хроники *Слова* ейдемъ къ его внутреннему содержанію. Съ первыхъ же сво- книжекъ этотъ журналъ сталъ проповѣдывать анархію, ате-

измъ, отрицаніе частной собственности и общепризнанныхъ
чалъ нравственности. Сперва онъ велъ свою проповѣдь съ
вѣстными прикрытіями, а потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе ст
раскрывать свои цѣли. Всѣхъ, кто не сочувствовалъ его напр
ленію, онъ представлялъ въ ненавистномъ видѣ и запугив
угрозой общаго презрѣнія. Въ особенности онъ старался д
ствовать на неустановившуюся и колеблющуюся молодежь, им
но, на студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, подзадори
ихъ къ ненависти и презрѣнію существующаго порядка. Ве
въ его статьяхъ проглядывала вражда къ Россіи, а иногда и
мо предсказывалось, что поляки должны отвоевать себѣ
прежнія границы (№ 12 1879 года). Полиція наша подвергал
яростнымъ нападкамъ. Обращаясь къ женщинамъ, принадле
щимъ къ тому же, какъ и самъ журналъ, закалу высшей про
онъ выражалъ увѣренность, что онѣ будутъ „воспитывать сво
дѣтей въ ненависти ко всему тому, что ведетъ за собою лиш
тяжести народу, что развиваетъ только въ обществѣ пошло
фразу и всѣ виды воинствующаго задора“ (№ 2 1879 го
Статью, въ которой помѣщено это воззваніе къ женщина
журналъ заканчивалъ словами: „наступитъ моментъ настоя
борьбы между немногочисленнымъ, но прочнымъ станомъ хо
шей русской интеллигенціи и людьми противнаго образа мысл
Но знайте, что идеи возьмутъ свое: онѣ заставятъ и васъ п
тивъ воли плясать подъ свою дудку“. Въ ноябрьской книж
1879 года авторъ статьи „Діалектика въ примѣненіи къ наук
спрашиваетъ: какимъ образомъ возникло частное имущество?
отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „Хотя оно могло быть добыто р
боемъ, а слѣдовательно покоиться на насиліи, но это не пр
ставляетъ необходимости. Оно можетъ быть выработано, укра
но, выторговано, вымѣнено“. Затѣмъ авторъ поучаетъ сво
читателей, какимъ образомъ сила, находящаяся нынѣ въ рука
правительствъ и представляемая войскомъ, можетъ быть вырва
изъ этихъ рукъ и перейти къ народу, подъ которымъ вездѣ
зумѣется въ этомъ журналѣ соціалистическая демократія. Взя
въ примѣръ Робинзона, который съ помощью своей шпаги п
чинилъ себѣ Пятницу, авторъ говоритъ: „Совершенно такимъ
образомъ, какъ то, что Робинзонъ съумѣлъ добыть себѣ шпа
вы можете предположить и то, что Пятница въ одно прекрас
утро является съ заряженнымъ пистолетомъ въ рукѣ, и въ
комъ случаѣ все отношеніе силы переворачивается вве
дномъ. Пятница командуетъ, а Робинзонъ принужденъ стро
себѣ окопы“. Въ одномъ разсказѣ въ № 1 1880 года выведе
на сцену въ симпатичномъ видѣ молоденькая дѣвица — нигили
ка, практикующая свободныя половыя сношенія то съ тѣмъ,

, другимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Въ числѣ самыхъ дѣятель-
ыхъ участниковъ этого журнала постоянно являлись лица съ
ольскими фамиліями. Не проходило ни одного мѣсяца безъ того,
тобы членъ Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, на-
людающій за этимъ журналомъ, не представлялъ Совѣту о его
нархическомъ и безнравственномъ направленіи. Онъ прямо ука-
ывалъ, что журналъ этотъ направляется людьми, имѣющими цѣ-
ю добиться ниспроверженія въ Россіи существующаго порядка
утемъ систематическаго развращенія, въ нравственномъ и поли-
ическомъ отношеніи, нашего общества и народа. Въ доказатель-
тво того, что такой способъ дѣйствія почитается наиболѣе вѣр-
ымъ для сказанной цѣли со стороны участниковъ анархическа-
о союза и нашихъ политическихъ враговъ, членъ Совѣта ука-
ывалъ на факты, раскрытые въ процессѣ трехъ евреевъ, рус-
кихъ подданныхъ, судившихся въ Берлинѣ въ апрѣлѣ 1879 г.
а дѣйствія, направленныя къ ниспроверженію общественнаго
орядка въ Россіи (журналъ Совѣта 26 декабря 1879 года). Въ
ругомъ своемъ заявленіи (27 ноября 1879 года) тотъ же членъ
овѣта выражалъ мысль, что предостереженія могутъ еще при-
осить нѣкоторую пользу въ примѣненіи къ тѣмъ повременнымъ
зданіямъ, которыя издаются съ обыкновенною промышленною
ѣлію, но время отъ времени впадаютъ въ крайности для воз-
ужденія къ себѣ большаго интереса въ читателяхъ, но что си-
тема предостереженій оказывается вполнѣ несостоятельною и
аже вредною въ примѣненіи къ такимъ изданіямъ, которыя за-
ались цѣлію подкапывать нравственный и гражданскій порядокъ
ъ Россіи и служить дѣлу разрушенія или измѣны. Предостере-
енія только привлекаютъ къ такимъ изданіямъ большую массу
итателей и придаютъ большій авторитетъ ихъ пропагандѣ, за-
авляютъ читателей видѣть въ ней нѣчто такое, чего будто бы
трашится само правительство. Самою цѣлесообразною для та-
ихъ изданій мѣрою было бы, по мнѣнію члена Совѣта, совер-
енное ихъ прекращеніе; но такъ какъ эта мѣра дѣйствующимъ
акономъ была предоставлена въ то время только суду и І-му
епартаменту Сената, то членъ Совѣта настаивалъ на арестова-
и каждой книжки этого журнала, съ представленіемъ въ Ко-
итетъ Министровъ о ея запрещеніи. Не взирая на все сіе, жур-
алъ *Слово* просуществовалъ болѣе 3 лѣтъ. За это время онъ
олучилъ только три предостереженія, съ временной пріостанов-
ой на 3 мѣсяца, да была задержана и запрещена, по постанов-
енію Комитета Министровъ, одна его книжка (сентябрь 1878
ода). Мало того, въ нѣкоторыхъ книжкахъ этого анархическаго
урнала, прежде выхода ихъ въ свѣтъ, цензурный комитетъ, по
огдашенію съ редакторами, исключалъ самыя яростныя и откро-

венныя статьи, т. е. именно тѣ, которыя несомнѣнно долж
бы были дать поводъ къ аресту тѣхъ нумеровъ журнала. Таким
образомъ цензура, сбитая съ толку слабостію центральнаго упра
ленія печати, всячески уклонявшагося отъ внесенія дѣлъ о за
прещеніи книгъ и журналовъ въ Комитетъ Министровъ, тольк
охраняла и длила существованіе этого, во всѣхъ отношеніях
вреднѣйшаго изданія.

Другой примѣръ въ томъ же отчасти родѣ, но уже относящі
ся къ подцензурному изданію: въ самый день мученической кон
чины Императора Александра II, въ Петербургѣ вышелъ нумер
подцензурнаго журнала *Иллюстрированный Міръ*, гдѣ были на
печатаны портреты Луизы Мишель, Рошфора и извѣстнаго анар
хиста Тренкеля. Эти личности представлялись тамъ въ блестя
щемъ ореолѣ героевъ и бойцовъ за угнетенное человѣчество
приводились слова Луизы Мишель, будто бы сказанныя первона
чально Іисусомъ Христомъ, что лучше погибнуть одному челов
ку, чѣмъ цѣлому народу (слова первосвященника Каіафы), и за
ключались другіе намеки и сближенія съ роковымъ событіемъ
Марта 1881 года. Статья была дозволена цензоромъ, имѣвшем
степень доктора медицины и чинъ дѣйствительнаго статскаго со
вѣтника, а относительно политическихъ тенденцій столь же не
винным, какъ и тѣ два цензора, которые разрѣшили „Разсказ
о старинныхъ людяхъ" Худякова; но упоминаемый цензоръ был
крайне болѣзненнаго сложенія и часто подвергался эпилепсі
что и заставило его оставить медицинскую практику и искат
пріюта въ цензурѣ. Выходъ этого нумера въ страшный день
Марта 1881 года прямо указывалъ на то, что онъ былъ заго
товленъ именно къ этому дню, что еще больше подтверждалос
тѣмъ, что члену Совѣта, наблюдавшему за симъ журналомъ, ска
занный нумеръ былъ доставленъ не одновременно съ представле
ніемъ его въ цензурный комитетъ для полученія выпускного би
лета, а спустя недѣлю послѣ его выхода. Словесное заявлен
члена Совѣта о томъ, что здѣсь несомнѣнно видно участіе ре
дактора (какого-то Турбы) въ злодѣйскомъ государственномъ пре
ступленіи, было оставлено безъ вниманія. Спустя болѣе шест
лѣтъ, именно въ іюлѣ 1887 года, въ томъ же журналѣ *Иллю
стрированный Міръ* и тѣмъ же цензоромъ была разрѣшен
статья: „Въ странѣ жемчуга", въ которой приводятся разсказ
извѣстнаго по своей противухристіанской тенденціозности писа
теля Жаколіо о томъ, что будто бы древняя браминская религ
послужила источникомъ и прототипомъ всѣхъ главнѣйшихъ би
блейскихъ и евангельскихъ сказаній о сотвореніи міра и первых
человѣковъ, объ ихъ грѣхопаденіи и изгнаніи изъ рая, о трои
ности лицъ Божества, о воплощеніи Христа отъ Пресвятыя Д

, объ избіеніи младенцевъ, о проповѣди Христа при посредвѣ притчей, о распятіи Его на древѣ и вознесеніи на небо.
Обращаетъ также на себя вниманіе систематическое наполне газетныхъ листковъ, издаваемыхъ для низшей публики, описніями совершаемыхъ убійствъ и наиболѣе выдающихся по сво смѣлости и ловкости мошенническихъ дѣйствій. Чѣмъ возмутильнѣе было какое-нибудь убійство, чѣмъ ловче совершено было кое-нибудь воровство, тѣмъ съ большими описываются они пообностями и такъ сказать смакуются газетами этого сорта. ѣкоторые газеты отводятъ описанію убійствъ и выдающихся шенничествъ многія страницы, раздѣляя свой разсказъ, для льшей наглядности, на главы: жертва преступленія, приготовніе къ убійству, совершеніе убійства, орудія убійства и его астники, поимка убійцы, посѣщеніе его въ тюрьмѣ репортемъ (по нынѣшнему интервьюеромъ) газеты, наружность и мары убійцы, разговоръ съ нимъ репортера, убійца на судѣ, ѣчь талантливаго защитника, осмотръ вещественныхъ доказальствъ и т. д. Если убійство совершено было заграницей, то ъ заграничныхъ уличныхъ листковъ заимствуется описаніе поѣднихъ часовъ жизни убійцы: его послѣдній обѣдъ съ бутылй добраго вина, одѣванье его палачемъ, сажанье въ карету, дмѣченное репортерами выраженіе лица убійцы, восхожденіе эшафотъ, подробности совершенія казни. Даже самые фельены въ такихъ газетахъ преимущественно посвящаются міру ійцъ, мошенниковъ и публичныхъ женщинъ. Изъ петербургихъ газетъ особенно отличается на этомъ поприщѣ *Петерргскій Листокъ*, помѣщающій цѣлые романы, которые тянутся немъ по полугодіямъ и гдѣ дѣйствующими лицами являются ійцы, воры, укрыватели, публичныя женщины и т. под. Вотъ званія нѣкоторыхъ изъ помѣщенныхъ въ немъ разсказовъ и мановъ; разсказы: Похожденія Золотой Ручки, Убійство въ убаровомъ переулкѣ, Убійство въ Апраксиномъ переулкѣ, Самоійство присяжнаго повѣреннаго Салтыкова, Сибирскіе Орлы: маны: Гостинница двѣнадцати повѣшенныхъ, Ванька Каинъ, ика Цыганъ, Убійца мѣнялы, Атаманъ. Два предпослѣднихъ мана печатались одновременно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсявъ въ 1895 году, а романъ Атаманъ продолжается уже цѣлое лугодіе въ 1896 году. Все это оставлялось цензурнымъ вѣмствомъ безъ вниманія.
Не надобно, однако, быть большимъ прозорливцемъ, чтобы поіть, какое воспитательное дѣйствіе производитъ чтеніе такихъ оизведеній распущенной литературы, въ особенности на нашу разующуюся молодежь, гимназистовъ, реалистовъ, кадетъ и ступентовъ, которые нарасхватъ читаютъ газетки, подобныя *Петер-*

бургскому Листку. Такое чтеніе съ молодыхъ лѣтъ прививает въ читателяхъ отвращеніе къ преступленіямъ и возбуждаетъ лю бопытство къ темному міру преступниковъ, павшихъ женщинъ пьяно-развратной толпы. Что же касается нашего грамотна простонародья, то можно съ увѣренностію сказать, что изъ е среды не мало вышло людей, которые, съ юныхъ лѣтъ начита шись разсказовъ о ловкихъ мошенникахъ и разудалыхъ убійцах сами пошли по той же дорогѣ, точно такъ, какъ у насъ не рѣ ки случаи, что школьники, начитавшіеся фантастическихъ опис ній Жюля Верна или Майнъ-Рида, убѣгали изъ дому съ цѣль добраться до первобытныхъ лѣсовъ или пуститься по синим волнамъ моря-океана. Въ 1895 году въ англійскую палату о щинъ было внесено предложеніе, подписанное сотнею депутато и направленное въ защиту общественной морали въ Англіи. „К нашему величайшему прискорбію, говорится въ этомъ предлож ніи, въ извѣстной части періодической печати обнаруживаетс страсть къ описанію подробностей разныхъ возмущающихъ нра ственное чувство преступленій, гдѣ совершилось что-нибудь звѣ ское или безнравственное. Эти описанія оказываютъ пагубн вліяніе на внутренній міръ читателя. Мы того мнѣнія, что п чатаніе такого рода подробностей, какъ это постоянно тепе практикуется въ интересахъ сенсаціи, дѣйствуетъ деморализу щимъ образомъ, и при томъ преимущественно на молодыхъ д вушекъ и мужчинъ, развивая въ нихъ стремленія къ удовлетв ренію нездороваго аппетита“. Отъ парламента требовалась этомъ предложеніи законодательная регламентація этого вопрос Наша цензура относится чрезвычайно снисходительно къ прои веденіямъ подобнаго рода, да едва ли даже и сознаетъ ве вредъ, наносимый ими читателямъ. По крайней мѣрѣ цензурны комитеты почти никогда о нихъ не доносятъ, а многократны указанія на такія статьи члена Совѣта, наблюдавшаго за *П тербургскимъ Листкомъ*, и настоянія его, чтобы нумера этими статьями были задерживаемы, не приводили ни къ каким результатамъ. Въ другихъ газетахъ излюбленными темами д фельетона является матеріализмъ во всѣхъ его видахъ и превр щеніяхъ. Такъ, напримѣръ, самая распространенная у насъ газ та *Новое Время* (40.000 экземпляровъ) съ особенною любовь помѣщала у себя избранныя мѣста изъ Шопенгауера и Гартм на. Научась изъ примѣра *Голоса*, какъ небезопасно задѣва земныя власти, эта, весьма осторожно редактируемая газет предпочитаетъ прохаживаться иногда на счетъ властей небе ныхъ. Сочиненія Писарева, запрещенныя во 2-мъ изданіи Ком тетомъ Министровъ еще въ 1873 году по представленію Главн го Управленія по дѣламъ печати, изданы извѣстнымъ поставщ

ьомъ вредныхъ книгъ Павленковымъ въ 90-хъ годахъ (хотя и съ нѣкоторыми пропусками). Цензурѣ не казалась неумѣстною такая реставрація этого вреднѣйшаго проповѣдника нигилизма, который во всѣхъ своихъ писаніяхъ былъ послѣдователенъ и строго выдерживалъ одинъ и тотъ же духъ отъ первой строчки до послѣдней.

Несравненно еще слабѣе цензурный надзоръ за газетами и журналами армянскими, грузинскими, татарскими и даже польскими. Промахи и небрежность армянской закавказской цензуры, случайно обнаруживаемые Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, находили иногда себѣ защиту въ высшемъ закавказскомъ начальствѣ, прямо обвинявшемъ Главное Управленіе по дѣламъ печати въ придирчивости и незнаніи обстоятельствъ дѣла, такъ какъ указываемыя имъ статьи были будто бы допущены цензурою съ разрѣшенія самого Главноначальствующаго на Кавказѣ. Между тѣмъ, вотъ что писалъ въ издающемся въ Москвѣ журналѣ *Русское Слово* (не имѣющемъ ничего общаго съ давно запрещеннымъ нигилистическимъ журналомъ Благосвѣтлова подъ тѣмъ же названіемъ), въ № 15 1895 г., одинъ знатокъ армянской литературы: Армянскіе журналы пріобрѣли изумительный навыкъ писать между строкъ безъ словъ и научили своихъ читателей понимать себя. Но этого мало: строго держась правила игнорировать Россію и все русское, армянская печать въ то же время крайне внимательна ко всему, что въ той или другой мѣрѣ набрасываетъ тѣнь на нравственную сторону русской жизни. Случаи убійства, грабежа и воровства и разнаго рода насилій со страницъ русскихъ газетъ заимствуются армянскими изданіями съ большимъ усердіемъ, и случается, что въ этомъ самомъ нумерѣ, гдѣ о Россіи нѣтъ ни единаго слова, можно встрѣтить цѣлый букетъ криминальныхъ сообщеній, разсчитанныхъ на извѣстный эффектъ: вотъ, молъ, что только можемъ мы сказать интереснаго о Россіи. Вы берете армянскую газету и, познакомясь съ ея содержаніемъ, задаете себѣ вопросъ: гдѣ, въ какомъ государствѣ она печатается? И только цензорская дата, изображенная по русски, разрѣшаетъ ваше недоумѣніе. Пропаганда воинствующаго ислама въ татарскихъ книгахъ не разъ была указываема Главному Управленію по дѣламъ печати профессоромъ С.-Петербургскаго университета Смирновымъ, наблюдающимъ за татарскою печатью.

О томъ, что творится въ литературѣ Царства Польскаго, Главное Управленіе по дѣламъ печати ничего не знаетъ, успокоивая себя тѣмъ, что тамошняя цензура состоитъ подъ высшимъ руководствомъ варшавскаго генералъ-губернатора, которому, конечно, извѣстно все, что относится къ политической безопасно-

сти и общественному порядку въ этомъ краѣ. Небезизвѣстно од-
нако, что на должность предсѣдателя варшавскаго цензурнаго
комитета назначаемы иногда были лица, вовсе не знавшія поль-
скаго языка. Изъ обширной записки о латино-польской пропаган-
дѣ въ сѣверо-западномъ краѣ, приложенной къ отношенію ис-
правлявшаго должность виленскаго генералъ губернатора генералъ
лейтенанта Никитина къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 7
Сентября 1883 г. № 770, видно, между прочимъ, что чьими то
невидимыми руками разсѣиваются въ краѣ сотни тысячъ бро-
шюръ какъ религіознаго, такъ и свѣтскаго содержанія, тайно
ввозимыхъ изъ за границы или тайно печатанныхъ въ Царствѣ
Польскомъ, на польскомъ и жмудско-литовскомъ языкахъ. Въ
этихъ брошюрахъ прежняя жизнь польскаго государства рисует-
ся въ заманчивомъ свѣтѣ, а все русское, отъ православной вѣ-
ры и русскаго Монарха до послѣдняго солдата и крестьянина,
изображается въ самомъ ненавистномъ видѣ; католики увѣряются
въ томъ, что русское правительство задумало силой и мученіями
отнять у нихъ вѣру, и предсказывается скорая гибель Россіи.
Изъ фактовъ, изложенныхъ въ этой запискѣ, усматривается, что
успѣхамъ сказанной пропаганды болѣе всего содѣйствовало: не-
знаніе высшимъ правительствомъ того, что творится не только
въ глубинѣ уѣздовъ, но даже въ такомъ центральномъ пунктѣ
какъ Вильна; непослѣдовательность дѣйствій генералъ-губернато-
ровъ, изъ которыхъ одни отмѣняли то, что другіе считали необ-
ходимымъ; небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ рус-
скихъ чиновниковъ въ краѣ, въ томъ числѣ и цензоровъ; отсут-
ствіе единства въ дѣйствіяхъ цензуры и въ надзорѣ за книжною
торговлей въ Варшавѣ, Вильнѣ и Петербургѣ; наконецъ сложив-
шаяся долголѣтнимъ опытомъ въ польскомъ населеніи увѣрен-
ность, что никакія мѣры, принимаемыя русскимъ правительствомъ
для борьбы съ латино-польской пропагандой, не будутъ выдержа-
ны и доведены до конца, но такъ же скоро будутъ заброшены,
какъ скоро онѣ придумываются. Эта въ высшей степени важная
и поучительная историческая записка осталась однако безъ вся-
кихъ послѣдствій, кромѣ развѣ того, что въ Вильнѣ была учреж-
дена должность инспектора для надзора за типографіями и книж-
ной торговлей—одна для всего огромнаго сѣверо-западнаго края,
если принять во вниманіе, что губерніи Минская, Витебская и
частію даже Могилевская находятся въ условіяхъ, сходныхъ съ
тремя губерніями виленскаго генералъ-губернаторства. Между тѣмъ
для одного города Петербурга существуетъ 6 инспекторовъ, на
которыхъ казна тратитъ 14.340 рублей, а для Москвы 4 ин-
спектора обходятся казнѣ въ 10.380 рублей (по смѣтѣ на 1890
годъ). Здѣсь эти лица заняты безполезнѣйшими формальностями

и мелочами, такъ сказать — отцѣживаніемъ комаровъ, тогда какъ въ самомъ содержаніи печатаемыхъ произведеній публикой поглощаются цѣлые верблюды, нерѣдко даже съ дозволенія предварительной цензуры.

Чтобы видѣть, съ какою крайнею неразборчивостію разрѣшались у насъ повременныя изданія, стоитъ только пересмотрѣть оффиціальный списокъ оныхъ, хотя бы, напримѣръ, за 1894 годъ. Такъ, въ числѣ издателей и редакторовъ мы увидимъ такія, напримѣръ, имена, какъ почетный гражданинъ Подлигайловъ, издатель и редакторъ еженедѣльной газеты *Правда*, человѣкъ извѣстный цензурному управленію и петербургской полиціи, какъ самая нечестная личность. Онъ издавалъ нѣсколько изданій, завлекая подписчиковъ громкими рекламами, и потомъ обманывалъ ихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Газету *Минуту*, журналъ *Колосья* и безцензурный журналъ. *Новое Слово* издавалъ и редактировалъ нѣкто Баталинъ, весьма темная личность. Потомъ *Колосья* проданы имъ какому то купцу Трозинеру, еврейскаго происхожденія, не имѣющему ничего общаго съ литературой. Тотъ же Трозинеръ издаетъ *Пантеонъ Литературы*. Литературно-художественный журналъ *Звѣзда* и еженедѣльный журналъ *Природа и Люди* издается и редактируется типографщикомъ Сойкинымъ, довольно низменнаго происхожденія. Еврей Нотовичъ издаетъ двѣ ежедневныя безцензурныя газеты — *Новости* и *Биржевую Газету*. Тотъ же Нотовичъ редактируетъ еженедѣльный подцензурный журналъ *Петербургская Жизнь*. Въ Москвѣ еврей Абрамъ Липскеровъ, бывшій цеховой ремесленникъ, издаетъ и редактируетъ: во-первыхъ, ежедневную подцензурную газету *Новости Дня*, во-вторыхъ, издаетъ *Новости Иностранной Литературы*, подъ редакціею какого то, конечно, тоже еврея, Левенсона; въ третьихъ, въ сообществѣ съ тѣмъ же Левенсономъ, — еженедѣльный подцензурный журналъ *Семья*.

Соединеніе въ однихъ рукахъ по нѣскольку изданій.

Изъ предыдущаго изложенія было видно, что между нашими литературными промышленниками распространился обычай издавать разомъ по нѣскольку газетъ и журналовъ: такъ, по списку повременныхъ изданій 1894 года, Пастуховы издавали 3 газеты, Добродѣевъ — 2 газеты и 1 журналъ, Сойкинъ — 2 журнала, Трозинеръ — 2 журнала и 1 газету, еврей Липскеровъ — 1 газету и 2 журнала, еврей Нотовичъ — 2 газеты. Мало того, нѣкоторые изъ промышленниковъ, получивъ разрѣшеніе на газету или журналъ, издаютъ при ней, въ видѣ приложеній, еще нѣсколько періодическихъ изданій въ видѣ сборниковъ романовъ. Такъ, напримѣръ, при *Живописномъ Обозрѣніи* Добродѣева выпускаются

12 книжекъ романовъ и повѣстей; при газетѣ *Родина* издается иллюстрированный еженедѣльный «Журналъ для семейнаго чтенія», 12 книжекъ романовъ, 12 нумеровъ «Дѣтскаго Чтенія» 12 нумеровъ «Всемірнаго Путешественника», 12 нумеровъ «Сельского хозяйства и домоводства», 12 нумеровъ «Модъ и Рукодѣлій». При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что редакторомъ всѣхъ этихъ изданій подъ фирмой *Родина*, въ томъ числѣ «Журнала для семейнаго чтенія» и «Дѣтскаго Чтенія», состоитъ отставной поручикъ Пономаревъ, обратившій на себя вниманіе публики безнравственностію одного своего разсказа. При газетѣ *Лучъ* редакторъ ея Окрейцъ обѣщалъ въ рекламѣ выпускать 12 книжекъ романовъ, 12 нумеровъ модъ и премiи-сюрпризы въ видѣ олеографическихъ картинъ. Упоминаемые здѣсь сборники романовъ обыкновенно состоятъ изъ плохихъ переводовъ современныхъ французскихъ романистовъ или изъ наиболѣе дешевыхъ по цѣнѣ произведеній нашихъ русскихъ производителей того же товара, т. е. изъ самыхъ нездоровыхъ продуктовъ для умственной пищи. Между тѣмъ, по своей дешевизнѣ, они имѣютъ огромный сбытъ въ наши провинціи, гдѣ они переходятъ изъ рукъ въ руки и зачитываются до истрепанія, преимущественно дамами и дѣвицами. Но еще гораздо больше вреда приносятъ эти Дѣтскія чтенія и Журналы для дѣтей, украшаемые при томъ политипажами и редактируемые писателями въ родѣ Пономарева: это истинная отрава для юныхъ умовъ и сердецъ. Такимъ образомъ, каждый изъ этихъ промышленниковъ является на литературный рынокъ не съ однимъ только отравляющимъ продуктомъ, но съ карманами, набитыми разными другими, столь же вредными приманками для толпы. Доходъ промышленниковъ отъ этого утрояется, а вредъ, наносимый ими читателямъ, удесятеряется. Издавая только одну газету или одинъ журналъ, промышленникъ долженъ былъ печатать ихъ въ чужой типографіи; но открывъ цѣлую литературную лавочку, онъ заводитъ собственную типографію и печатаніе становится для него втрое дешевле. Само собою разумѣется, сказанныя приложенія издаются промышленниками не самопроизвольно, а съ дозволенія цензурной власти, у которой оно выманивается исподволь и такъ сказать незамѣтно. Если бы на каждое такое изданіе испрашивалось отдѣльное дозволеніе и оно считалось самостоятельнымъ, то, по всей вѣроятности, цензурная власть усумнилась бы, хорошо ли дозволять какому нибудь Доброѣеву 4 изданія, или компаніи Каспари и Пономарева 7 изданій; но когда испрашивается сперва дозволеніе на одну газету или одинъ журналъ, а потомъ мало-по-малу пристегиваются къ нимъ цѣлыя библіотеки романовъ, повѣстей и дѣтскихъ чтеній, все это подъ скромнымъ названіемъ приложеній, то такого рода

ахинаціи ускользають отъ вниманія Начальника Главнаго Управ-
енія по дѣламъ печати, а тѣмъ болѣе Министра Внутреннихъ
ѣлъ. Въ оправданіе такихъ приложеній ссылаются обыкновенно
а ст. 115 Устава о цензурѣ и печати; но это значитъ, придир-
аясь къ буквѣ, извращать самый смыслъ закона. Когда состав-
ялись правила 1865 года, тогда у насъ не былъ еще развитъ
тотъ промыселъ особыхъ приложеній, составляющихъ цѣлыя биб-
іотеки, и потому въ ст. 115 разумѣлись небольшія приложенія,
ъ видѣ иллюстрацій или разсказовъ. Нынѣшнія же приложенія,
ъ видѣ сборниковъ романовъ, хотя на нихъ и не объявляется
собой подписки, тѣмъ не менѣе легко пріобрѣтаются отдѣльно,
собенно въ провинціяхъ, гдѣ за этимъ некому даже и наблю-
ать. Въ самомъ Петербургѣ, какъ небезъизвѣстно, евреи пре-
покойно подписываются на газету *Недѣльная Хроника Восхо-
а*, издающуюся при журналѣ *Восходъ* въ видѣ приложенія; а
продажѣ отдѣльныхъ нумеровъ этой газеты даже публикуется
ъ ея заголовкѣ. Допущеніе сказанныхъ приложеній ведетъ еще
ъ слѣдующему затрудненію. *Восходъ* съ *Недѣльною Хроникою
Восхода* имѣютъ уже 2 предостереженія, собственно за статьи,
оявившіяся въ *Недѣльной Хроникѣ*. Возникаетъ вопросъ: въ
лучаѣ 3-го предостереженія, послѣ котораго, на основаніи при-
ѣчанія къ ст. 144 Устава о цензурѣ и печати, *Недѣльная
Хроника* должна выходить уже подъ цензурой, каковая мѣра,
а основаній той же статьи, не примѣняется къ *Восходу*, какъ
оступить съ послѣднимъ? Карая приложеніе, нельзя же оста-
ить безъ всякаго взысканія главную часть изданія. Въ обрат-
омъ положеніи окажется газета *Недѣля:* ее, на основаніи при-
еденной статьи, послѣ 3-го предостереженія слѣдуетъ отдать
одъ цензуру; но къ приложенію ея, издаваемому одинъ разъ въ
ѣсяцъ подъ названіемъ „Книжки Недѣли", эта мѣра не примѣ-
има, хотя бы предостереженіе было вызвано статьями этого
риложенія.

Заключительныя соображенія.

Изъ всего, сказаннаго въ этой запискѣ, слѣдуетъ, что для
ержанія печати въ должныхъ границахъ, главнѣе всего слѣду-
тъ право на изданіе газетъ и журналовъ сдѣлать правомъ лич-
ымъ и при томъ правомъ условнымъ, которое отнималось бы,
акъ скоро лицо, его получившее, не оправдываетъ оказаннаго
му довѣрія; во вторыхъ, столь же необходимо усилить цензур-
ое наблюденіе за книгами и повременными изданіями, въ такой
ѣрѣ, чтобы центральное управленіе дѣлами печати могло знать
всѣхъ вредныхъ, въ нравственномъ или политическомъ отно-
еніи, произведеніяхъ печати и предупреждать ихъ выходъ въ

свѣтъ или, по крайней мѣрѣ, пресѣкать имъ дальнѣйшее продо.
женіе. Въ этихъ двухъ положеніяхъ лежитъ центръ тяжест
тѣхъ мѣропріятій, которыя могутъ оградить наше отечество от
тлетворнаго вліянія злоумышленной или распущенной части на
шей печати. Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ обширнѣ
власть, которая будетъ дана центральному цензурному учрежде
нію, тѣмъ менѣе его отношенія къ дѣятелямъ литературы долж
ны носить канцелярско-полицейскій характеръ, каковой они имѣ
ли доселѣ. Необходимо, чтобы лицо, стоящее во главѣ цензурна
го управленія, входило въ непосредственныя сношенія съ изда
телями столичныхъ повременныхъ изданій и съ наиболѣе видны
ми литераторами и направляло ихъ дѣятельность въ желаемом
смыслѣ. Этимъ путемъ начальникъ цензурнаго вѣдомства будет
знакомиться съ личностями, дѣйствующими въ литературѣ, и от
нихъ онъ можетъ узнать много полезнаго для упорядоченія на
шей печати, чего никогда нельзя узнать при однихъ канцелярско
полицейскихъ къ ней отношеніяхъ. Сфера публичнаго слова при
надлежитъ именно къ числу тѣхъ проявленій общественной жиз
ни, гдѣ менѣе всего можетъ имѣть успѣхъ одно сухое, формаль
ное отношеніе къ дѣлу, но гдѣ необходимо дѣйствовать п
убѣжденія подвѣдомственныхъ лицъ. Если же центральная над
печатью власть, и послѣ намѣченнаго здѣсь чрезвычайно обшир
наго расширенія своихъ полномочій, не станетъ въ уровень с
своимъ высокимъ призваніемъ, а останется на почвѣ канцеляр
ской и полицейской, будетъ дѣйствовать одними карами, тогд
можно опасаться, что она воскреситъ цензуру сороковыхъ
первой половины пятидесятыхъ годовъ, которая, полузуясь от
ромною властью и подкрѣпляемая по временамъ государственно
полиціею, была истиннымъ гасильникомъ всякой живой и полез
ной мысли. Удержаться на срединѣ между двумя крайностям
между полицейскою и придирчивою цензурою той эпохи и тепе
решнею безсильною погоней цензоровъ и Главнаго Управлені
по дѣламъ печати за сотнями борзописцевъ и промышленников
печати, разносящихъ безнаказано вредныя мысли по всей Россі
удержаться на срединѣ между этими двумя крайностями — ест
для правительства задача не легкая, но тѣмъ не менѣе исполни
мая. Успѣшное рѣшеніе ея будетъ зависѣть прежде всего от
удачнаго выбора лица, поставленнаго во главѣ цензурнаго вѣ
домства, и потомъ, отъ лучшей организаціи центральнаго цензур
наго управленія, которое въ настоящее время вовсе не отвѣча
етъ своей цѣли. Теперь въ дѣйствіяхъ цензуры не существует
никакого единства и общаго направленія; она раздѣлена между
множествомъ лицъ, изъ которыхъ каждое дѣйствуетъ по соб
ственному усмотрѣнію. Опытъ достаточно уже доказалъ как

рудно находить (не только у насъ, но гдѣ бы то ни было) людей, способныхъ вѣрно оцѣнивать, что можетъ и что не можетъ ыть дозволяемо въ области публичнаго слова. Для того, чтобы, ри всѣхъ неизбѣжныхъ недостаткахъ цензоровъ, достигнуть возожной разумности и единства въ ихъ дѣйствіяхъ, совершенно еобходимо, чтобы ими руководило одно лицо, вполнѣ стоящее а высотѣ своего призванія. Какъ ни трудно найти такое лицо, о все же возможно, тогда какъ совершенно невозможно найти ылую массу вполнѣ способныхъ цензоровъ и ожидать какогоибудь толка отъ ихъ разрозненныхъ и никѣмъ не направляемыхъ ѣйствій. Въ цензурномъ дѣлѣ невозможно установить для руководства цензоровъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ и нормъ, ригодныхъ для всѣхъ частныхъ случаевъ: поэтому лицо, управяющее вѣдомствомъ печати, должно само руководить дѣятельостію цензоровъ черезъ личныя съ ними сношенія, время отъ ремени объѣзжая цензурныя учрежденія внутри Россіи или, по райней мѣрѣ, сносясь съ ними письменно, безъ сложныхъ канелярскихъ формъ. Чтобы главный начальникъ цензурнаго управнія, неся на себѣ всю отвѣтственность за цѣлесообразность и ительность дѣйствій подчиненнаго ему вѣдомства, не былъ ѣсняемъ въ своихъ распоряженіяхъ никакими сторонними вліями, его необходимо освободить отъ подчиненности тому или ругому Министру. Доселѣ Главное Управленіе по дѣламъ печа: было какимъ то заднимъ дворомъ Министерства Внутреннихъ ѣлъ, куда иногда сажали на хлѣба людей, хотя и весьма почнныхъ, но вовсе не приготовленныхъ для надзора за литературю. Начальники Главнаго Управленія, чтобы не потерять мѣста и не быть обойденными въ наградахъ, должны были нерѣдко полнять ходатайства вліятельныхъ лицъ Министерства, разрѣать повременныя изданія завѣдомо неспособнымъ лицамъ, расрять программы газетъ, и безъ того уже вредныхъ, и даже огда оставлять безъ взысканія весьма дерзкія выходки печати. ыла эпоха, когда одинъ изъ бывшихъ правителей канцеляріи инистра говорилъ, указывая на свой письменный столъ: „Вотъ ѣ вашъ Совѣтъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати“. Лицо, оящее во главѣ управленія вѣдомствомъ печати, должно всело посвятить себя этому призванію и дѣйствовать самостояльно, подъ собственною отвѣтственностію передъ верховною астію, какъ дѣйствуютъ министры. Министръ внутреннихъ дѣлъ, оторый по закону есть высшая административная власть въ ѣлахъ печати, по чрезвычайной многосложности своихъ обязанстей, не имѣетъ матеріальной возможности не только для того, обы посвятить этому дѣлу все свое вниманіе, но даже и для го, чтобы хотя слегка ознакомиться съ характеромъ наиболѣе

распространенныхъ у насъ книгъ и повременныхъ изданій. Н
чальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати можетъ всецѣ
отдаться своимъ обязанностямъ; но, какъ было сказано, о
стѣсняемъ въ своихъ дѣйствіяхъ вмѣшательствомъ или ходата
ствами вліятельныхъ лицъ, а собственная власть его такъ огр
ничена, что самъ онъ не въ правѣ принимать никакихъ мѣ
для обузданія злоупотребленій литературы, а тѣмъ менѣе пров
сти какое нибудь узаконеніе чрезъ Государственный Совѣтъ и
какое нибудь распоряженіе черезъ Комитетъ Министровъ. М
нистръ же Внутреннихъ Дѣлъ, принужденный и безъ того час
входить съ представленіями и записками въ эти высшія учре
денія и не обладая въ дѣлахъ печати полнымъ запасомъ необх
димыхъ свѣдѣній, всегда будетъ неохотно соглашаться на во
бужденіе тамъ новыхъ вопросовъ или испрашиваніе распоряж
ній. Наконецъ, въ настоящее время дѣятельный надзоръ за п
чатью и потому у нась невозможенъ, что узаконеніемъ 1865
Главному Управленію по дѣламъ печати дана была такая орг
низація, которая вовсе не отвѣчаетъ цѣли этого учрежденія:
объ этомъ слѣдуетъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Проэктъ необходимыхъ измѣненій въ дѣйствующихъ законахъ печати.

Если изложенные здѣсь факты и соображенія не лишен
справедливости, то изъ нихъ вытекаетъ необходимость въ слѣд
ющихъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ нынѣ узаконеніяхъ о п
чати:

1. Право издавать газету или журналъ должно быть правом
личнымъ, не переходящимъ, безъ новаго разрѣшенія, къ друго
лицу. Оно должно быть даваемо только тѣмъ лицамъ, котор
своими сочиненіями доказали уже свою способность и благон
дежность для завѣдыванія повременнымъ изданіемъ. Раздѣлен
на издателей и редакторовъ должно быть уничтожено съ тѣм
чтобы были оставлены одни издатели.

2. Если лицо, получившее право издавать газету или журнал
какъ безъ предварительной цензуры, такъ и подъ оною,
оправдываетъ возлагавшейся на него надежды, то начальни
управленія печати дѣлаетъ ему словесное внушеніе (лично и
черезъ предсѣдателя цензурнаго комитета, отдѣльнаго цензо
или губернатора), число которыхъ зависитъ отъ усмотрѣнія н
чальника управленія печати. При безплодности этихъ внушені
изданіе прекращается по постановленію Совѣщанія трехъ Мин
стровъ и Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода (по возможности, къ кон
подписного года и прежде начала новой подписки).

3. Издатель, для полученія денежныхъ средствъ, можетъ вх

ь съ другими лицами въ сдѣлки, подлежащія, въ случаѣ спо-
въ, разбирательству суда на общемъ основаніи; но эти сдѣлки
принимаются въ соображеніе вѣдомствомъ печати при пре-
щеніи изданія.

4. Въ случаѣ необходимости запретить книгу, напечатанную
ъ предварительной цензуры, начальникъ цензурнаго вѣдомства
одитъ съ представленіемъ о томъ въ Совѣщаніе трехъ Мини-
ровъ и Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода, отъ котораго и зависитъ
ончательное рѣшеніе сихъ вопросовъ.

5. Издатель повременнаго изданія есть главное отвѣтственное
едъ судомъ лицо за нарушеніе законовъ въ его изданіи, развѣ
ь докажетъ, что нарушеніе произошло безъ его вѣдома: но въ
чаѣ опозоренія, брани или клеветы, отъ оскорбленнаго лица
висить возбудить судебное преслѣдованіе не противъ издателя,
противъ автора, буде таковой извѣстенъ, или же противъ того
другого.

6. За содержаніе печатныхъ произведеній цензурное вѣдомство
збуждаетъ судебныя преслѣдованія только въ случаѣ важнѣй-
хъ преступленій, предусмотрѣнныхъ въ раздѣлахъ II, III и IV
ож. о наказ. изд. 1865 г.

7. Состоящія на государственной службѣ лица, въ случаѣ ос-
обленія ихъ въ печати и когда при томъ оскорбительные о
хъ отзывы касались ихъ служебныхъ дѣйствій, обращаются къ
окурорской власти непосредственно отъ себя для судебнаго
еслѣдованія виновниковъ оскорбленія.

8. Всѣ повременныя изданія, какъ въ столицахъ, такъ и въ
овинціяхъ освобождаются отъ предварительной цензуры, за
ключеніемъ повременныхъ изданій на языкахъ: польскомъ, ла-
шскомъ, эстонскомъ, литовско-жмудскомъ, армянскомъ, грузин-
омъ, татарскомъ, еврейскомъ, шведскомъ, финскомъ и иныхъ
ородческихъ языкахъ; но выходящія въ Россіи повременныя
данія на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ не
двергаются цензурѣ.

9. Существующія повременныя изданія, какъ въ столицахъ,
къ и въ провинціяхъ, подчиняются дѣйствію статей 1 и 2 из-
женныхъ здѣсь правилъ, и тѣ изъ нихъ, которыя будутъ при-
аны вредными и неисправимыми, прекращаются.

10. Залоги отмѣняются; но каждое повременное изданіе обя-
но вносить въ государственное казначейство 10% съ годовой
ны (безъ пересылки) каждаго выпускаемаго экземпляра. По
едставленію начальника цензурнаго вѣдомства, Совѣщаніе трехъ
инистровъ и Оберъ-Прокурора Св. Сѵнода можетъ освобождать
ь этого взноса тѣ повременныя изданія, которыя будутъ при-
аны особенно полезными.

11. Гласныя предостереженія повременнымъ изданіямъ и в
менныя ихъ пріостановки отмѣняются; но всѣ прочія взыскан
предоставленныя доселѣ закономъ власти Министра Внутренн
Дѣлъ, сохраняютъ и впредь свое дѣйствіе, переходя лишь
власть начальника управленія печати.

12. Необходимо преобразовать нынѣшнее Главное Управле
по дѣламъ печати такъ, чтобы оно могло достигать своей цѣ
которой въ настоящее время оно вовсе не достигаетъ.

Не слѣдуетъ, однако, обольщать себя надеждой, что поимe
ванными въ этой запискѣ мѣрами изъ нашей печати будутъ у
ранены всѣ элементы неблагонамѣренности и пошлости, каки
она такъ богата въ настоящее время, и что вся она сдѣлае
благонамѣренною и просвѣщенною. Цензурныя мѣры могутъ то
ко держать неблагонамѣренность и пошлость въ извѣстныхъ п
дѣлахъ, не допускать ихъ касаться тѣхъ или другихъ пред
товъ; но измѣнить такое направленіе, заставить литературу б
нравственною, консервативною и патріотическою, не дозвол
ей проходить упорнымъ молчаніемъ все то, что улучшаетъ н
вы, возвышаетъ духъ и укрѣпляетъ силу государства, этого ц
зурныя мѣры не въ состояніи сдѣлать. Для сего нужны дру
силы, положительныя, которыя перевоспитали бы само наше
щество, ибо вездѣ предложеніе соотвѣтствуетъ спросу: извѣ
ная, наиболѣе читаемая часть нашей литературы потому рас
щена и пошла, что сами читатели ищутъ въ ней этихъ качес
и отворачиваются отъ изданій охранительнаго духа и серьезн
содержанія. Покойный академикъ Я. К. Гротъ разсказыва
что, путешествуя по Швеціи и Норвегіи, онъ въ окнахъ кн
ныхъ магазиновъ постоянно видѣлъ выставленными перев
однихъ только образцовыхъ иностранныхъ писателей, а та
нравственныя или полезныя для практическихъ цѣлей кн
мѣстнаго происхожденія. Наши книжныя выставки въ столиц
и провинціяхъ, напротивъ того, пестрятъ наиболѣе яркими про
веденіями отрицательнаго направленія, а если бы было дозво
но, то были бы немедленно украшены всѣмъ, что только е
на русскомъ и иностранныхъ языкахъ самаго безнравствен
или крайняго въ политическомъ отношеніи и что обыкнове
спрашивается въ заграничныхъ книжныхъ лавкахъ русскими
тешественниками и путешественницами.

II.

О НЕОБХОДИМЫХЪ ИЗМѢНЕНІЯХЪ ВЪ УСТРОЙСТВѢ ЦЕНЗУРНАГО ВѢДОМСТВА.

Если многія выходящія у насъ вредныя книги и даже повре-
нныя изданія ускользаютъ отъ вниманія Главнаго Управленія
дѣламъ печати, если опредѣленіе того, чтò должно быть почи-
емо вреднымъ въ нравственномъ или политическомъ отношеніи,
едоставлено у насъ личному усмотрѣнію цензоровъ, если эти
слѣдніе, не получая ни отъ кого руководства и весьма рѣдко
нтролируемые, дѣйствуютъ вразбродъ и такъ сказать ощупью,
все это зависитъ прежде всего отъ того устройства, которое
но Главному Управленія по дѣламъ печати закономъ 6 апрѣля
65 г. и которое рѣшительно не отвѣчаетъ цѣли этого учреж-
нія. Чтобы начальникъ Главнаго Управленія могъ дѣйствительно
средоточивать въ себѣ высшее наблюденіе за печатью, для этого
и Главномъ Управленіи должно находиться потребное число об-
зованныхъ чтецовъ, которые просматривали бы всѣ обращающія
себя вниманіе повременныя изданія и книги и о замѣченныхъ
и вредныхъ проявленіяхъ мыслей докладывали бы начальнику
авнаго Управленія. Отъ него же они должны получать указанія,
какія именно предметы должно быть обращено особенное вни-
ніе. Такихъ чтецовъ при Главномъ Управленіи не существуетъ,
вмѣсто того учреждены члены Совѣта, обязанности которыхъ
все не опредѣлены въ законѣ, и которые, по присвоенному имъ
нгу и названію, а часто и по своимъ лѣтамъ, не могутъ быть
отребляемы какъ простые чтецы, по роду же своихъ прежнихъ
нятій большею частію вовсе не освоены съ дѣломъ оцѣнки, въ
авственномъ и политическомъ отношеніи, разнообразнѣйшихъ
оизведеній литературы и науки. Составители первоначальнаго
оэкта устава о печати 1865 г. полагали нужнымъ имѣть въ
ставѣ Главнаго Управленія по дѣламъ печати совѣщательное
браніе только для одной цѣли: для обсужденія вопросовъ о су-
бномъ преслѣдованіи по нарушеніямъ постановленій о печати и
ь административныхъ взысканіяхъ съ повременныхъ изда-
й (см. § 30 и стр. 77—79, 83 и 85 первоначальнаго про-
та). На самомъ же дѣлѣ, со времени учрежденія Главнаго Уп-

равленія, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не ощущалась п
требность въ совѣщательныхъ преніяхъ. Правильное примѣнен
уголовнаго закона къ произведеніямъ печати требуетъ внимател
наго анализа заключающихся въ нихъ мыслей, что недостижи
въ многолюдномъ собраніи, соединяющемся лишь на коротк
срокъ. Оно по необходимости должно полагаться на доводы и з
ключенія докладчика. Въ настоящее же время, какъ было сказа
никакихъ судебныхъ преслѣдованій по содержанію сочиненій
возбуждается вѣдомствомъ печати, слѣдовательно сама собою уст
няется первая цѣль учрежденія Совѣта Главнаго Управленія. Ч
же касается до административныхъ взысканій, т. е. предостер
женій, запрещенія розничной продажи или печатанія объявлен
и т. п., то вопросы эти всегда бываютъ уже предрѣшены нача
никомъ Главнаго Управленія, по докладу или предсѣдателя це
зурнаго комитета, или члена Совѣта, наблюдающаго за изданіем
Министръ внутреннихъ дѣлъ не обязывается, по закону, основ
ваться на заключеніи Совѣта при объявленіи предостереженій,
можетъ дѣлать ихъ по собственному усмотрѣнію. Опубликова
предостереженій въ формѣ коллегіальнаго мнѣнія, утвержденн
Министромъ, есть не болѣе, какъ обычай, введенный при нача
новыхъ цензурныхъ порядковъ 1865 г., и имѣющій цѣлью прида
административнымъ взысканіямъ большій вѣсъ въ глазахъ публи
и литераторовъ. Однако предостереженія весьма часто объявляли
безъ ссылки на заключеніе Совѣта (а запрещенія розничной пр
дажи — постоянно), и можно съ увѣренностью сказать, что э
обстоятельство не имѣло ровно никакого значенія въ глазахъ пу
лики и журналистовъ. Если же предостереженія будутъ отмѣнен
то и съ этой, чисто формальной стороны не будетъ надобности
членахъ Совѣта.

Съ самаго учрежденія Главнаго Управленія между членами С
вѣта распредѣлялось наблюденіе за повременными изданіями, ка
изъятыми отъ цензуры, такъ и подцензурными. Наблюденіе это
всегда исполнялось удовлетворительно, прежде всего потому, ч
иногда въ числѣ членовъ Совѣта бывали такія лица, которыя с
ми нуждались, еще болѣе цензоровъ, въ указаніяхъ относитель
того, что можно и чего нельзя допускать въ печати. Въ послѣ
ніе же годы наблюденіе членовъ Совѣта надъ печатью почти с
всѣмъ прекратилось, и отъ нихъ почти не поступаетъ заявлен
Далѣе, вовсе оставались безъ наблюденія со стороны Главна
Управленія по дѣламъ печати и всѣ издаваемые въ Царствѣ По
скомъ газеты и журналы, а съ нѣкоторыхъ поръ и всѣ повреме
ныя изданія на нѣмецкомъ языкѣ, выходящія въ прибалтійски
губерніяхъ, несмотря на очевидную необходимость, по политиче
кимъ причинамъ, слѣдить за изданіями, по крайней мѣрѣ, періо

ескими, на этихъ двухъ языкахъ. Наконецъ, всѣ выходящія въ Россіи и Царствѣ Польскомъ непеpіодическія изданія, т. е. всякаго ода книги и брошюры, какъ безцензурныя, такъ и разрѣшенныя ензурою, вовсе не подвергаются наблюденію Главнаго Управленія, исключая тѣ случаи, когда какое нибудь сочиненіе, напечатанное безъ предварительной цензуры, возбудитъ сомнѣніе въ ензурномъ комитетѣ и когда отъ него поступитъ представленіе ъ Главное Управленіе по дѣламъ печати въ томъ смыслѣ, не лѣдуетъ ли задержать это сочиненіе и представить о его запреценіи въ Комитетъ Министровъ.

Итакъ, въ настоящее время огражденіе русскаго общества и народа отъ вредныхъ излишествъ или прямой злоумышленности литературы, а равно и охраненіе государственныхъ интересовъ со тороны печати въ такихъ окраинахъ, какъ Царство Польское, Прибалтійскія губерніи и Закавказскій край, всецѣло зависятъ тъ проницательности и неутомимости цензоровъ. Мы видѣли уже ыше, можно ли такое основаніе считать вполнѣ благонадежнымъ. Мы не говоримъ о тѣхъ немногихъ газетахъ и журналахъ, которые, стоя во главѣ нашей періодической печати, просматриваются непосредственно начальникомъ Главнаго Управленія и читаются ысшими лицами въ государствѣ: промахи или злоупотребленія, стрѣчающіеся по временамъ въ такихъ изданіяхъ, немедленно глашаются въ оффиціальномъ мірѣ. Мы разумѣемъ всю ту массу печатнаго матеріала, которая подъ разными названіями ежедневно ыходитъ изъ подъ типографскихъ станковъ въ столицахъ и провинціяхъ и идетъ на потребу сотенъ тысячъ читателей, достигая о самыхъ низшихъ слоевъ народонаселенія и до самыхъ отдаенныхъ угловъ Россіи. Слишкомъ очевидно, что надъ этою умственною пищею, подносимою русскому обществу и народу руками ольшею частію неизвѣстными и недостойными, необходимо учредить бдительный и строгій надзоръ, каковаго въ настоящее время почти не существуетъ.

Все сказанное приводитъ къ заключенію о совершенной безполезности Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати и о необходимости, для достиженія дѣйствительнаго надзора за печатью, замѣнить членовъ совѣта чтецами изъ лицъ вполнѣ образованныхъ и, по своимъ лѣтамъ, способныхъ къ усидчивому труду, поставить ихъ подъ непосредственное руководство начальника ензурнаго вѣдомства. Чтецамъ можно бы присвоить названіе чиновниковъ, состоящихъ при Главномъ Управленіи по дѣламъ печати. Въ числѣ ихъ необходимо имѣть и такихъ, которые знали ы языки польскій и нѣмецкій (для прочихъ инородческихъ языковъ и въ настоящее время состоятъ при Главномъ Управленіи собыя лица). Эти должности были бы лучшею школою для под-

готовленія цензоровъ, тогда какъ доселѣ на должность цензоров назначались лица большею частью безъ всякой подготовки к этому званію и безъ всякой предварительной оцѣнки ихъ способ ности къ этого рода службѣ. При сказанномъ устройствѣ Глав наго Управленія по дѣламъ печати не будетъ существовать ни какой надобности въ С.-Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ ибо, въ одномъ и томъ же городѣ, двойной трудъ чтенія книг и повременныхъ изданій и цензорами, и чиновниками Главнаг Управленія не имѣлъ бы цѣли.

Въ виду того, что, при намѣченномъ здѣсь преобразованіи со става Главнаго Управленія по дѣламъ печати, обязанности на чальника сего управленія будутъ превышать силы одного человѣка даже вполнѣ подготовленнаго къ этому дѣлу, необходимо будет учредить должность Помощника Начальника Главнаго Управлені какъ для раздѣленія труда, такъ и для замѣщенія начальника в время его болѣзни или отсутствія. Одна часть чиновниковъ, чи тающихъ книги и повременныя изданія, могла бы дѣлать сво доклады начальнику главнаго управленія, а другая его помощ нику.

Чиновниковъ для чтенія, впредь до указанія опыта, можно б назначать въ такомъ числѣ:

1. Для наблюдвнія за повременными изданіями на русскомъ нѣмецкомъ языкахъ (безцензурными):
   - петербургскими 6
   - московскими 4
   - провинціальными 4
2. Для наблюденія за польскими повременными изданіями, разрѣшенными Варшавскимъ Цензурнымъ Комитетомъ (около 44 изданій, не считая спеціальныхъ, не требующихъ вторичной провѣрки) 3
3. Для наблюденія за безцензурными книгами:
   - выходящими въ Петербургѣ 4
   - „ „ Москвѣ 3
4. Для цензированія подцензурныхъ книгъ, печатаемыхъ въ Петербургѣ и присылаемыхъ на цензуру изъ губерній 4
5. Для наблюденія за подцензурными книгами:
   - печатаемыми въ Москвѣ и въ губерніяхъ . . . 2
   - польскими 2

Итого 32 лица

Наблюденіе за подцензурными книгами нѣмецкими, разрѣшае-ными цензурой въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, поручается тому же лицу, которое наблюдаетъ за нѣмецкими повременными изда-ніями.

Лица, состоящія при Главномъ Управленіи для предваритель-ной цензуры на инородческихъ языкахъ, именно: латышскомъ, эстонскомъ, литовско-жмудскомъ, армянскомъ, грузинскомъ, та-тарскомъ, еврейскомъ и т. п., и для наблюденія за изданіями на сихъ же языкахъ, напечатанными съ разрѣшенія мѣстныхъ про-винціальныхъ цензуръ, остаются въ настоящемъ ихъ числѣ. Рав-нымъ образомъ остаются на прежнемъ положеніи и два цензора драматическихъ сочиненій. Въ канцеляріи Главнаго Управленія вполнѣ возможно упразднить одного помощника правителя дѣлъ и двухъ чиновниковъ особыхъ порученій, ибо, при намѣченныхъ здѣсь преобразованіяхъ, для нихъ не найдется никакого необхо-димаго занятія.

Предполагаемое здѣсь преобразованіе не потребуетъ увеличенія расходовъ на содержаніе цензурнаго вѣдомства, какъ можно ви-дѣть изъ слѣдующаго приблизительнаго разсчета.

Начальнику Главнаго Управленія по дѣламъ печати, въ виду трудности его обязанностей и многостороннихъ условій, которымъ должно удовлетворять лицо, назначаемое на этотъ постъ, было бы справедливо назначить содержаніе въ 10.000 р., а помощнику его въ 6.000 р. Для пользы службы и соотвѣтственно опытности лицъ, состоящихъ при Главномъ Управленіи для предварительной цензуры и наблюденія за печатью, ихъ слѣдовало бы раздѣлить по окладамъ содержанія и классамъ должностей на три разряда и положить:

6-ти лицамъ по 3000 р.	18.000 р.
8-ми лицамъ по 2000 р.	16.000 „
18-ти „ „ 1500 р.	27.000 „
Итого	61.000 р.

Такимъ образомъ потребуется:

Начальнику Главнаго Управленія	10.000 р.
Помощнику Начальника	6.000 „
32-мъ вновь учреждаемымъ чиновникамъ .	61.000 „
Всего	77.000 р.
а за вычетомъ 2% въ казну	75.000 р.

Взамѣнъ того будутъ упразднены:

1. Нынѣшнее содержаніе начальника Главнаго Управленія, 6-ти штатныхъ Членовъ Совѣта, од-

ного помощника правителя дѣлъ и двухъ чиновниковъ особыхъ порученій, что, по смѣтѣ на 1896 г., составляетъ, за вычетомъ въ казну 2%	35.280 р.
2. Сумма отпускаемая на Петербургскій Цензурный Комитетъ (на личный составъ и 2000 р. на хозяйственные расходы)	35.320 р.
Всего	70.600 р.
Итакъ на предполагаемое преобразованіе потребуется	75.460 р.
Упразднится	70.600 р.
Останется дополнить	4.860 р.

Но слѣдуетъ обратить вниманіе на слишкомъ многочисленный составъ чиновъ иностранной цензуры и на безполезно-сложный кругъ ихъ занятій. Въ настоящее время (по смѣтѣ на 1896 г.) на иностранную цензуру тратится 67.892 руб., т. е. 24% всей суммы, отпускаемой на содержаніе цензурнаго вѣдомства во всей Имперіи, со включеніемъ Царства Польскаго и Кавказа (285.024 рубля, за исключеніемъ 5.880 рублей, ассигнуемыхъ собственно на инспекторскій надзоръ). Одинъ Петербургскій Комитетъ иностранной цензуры обходится въ 36.624 руб., тогда какъ С.-Петербургскій Комитетъ внутренней цензуры, несущій на себѣ главную тяжесть разсмотрѣнія книгъ, выходящихъ въ Россіи, и труды котораго, по своей огромности, не могутъ идти и въ сравненіе съ трудами Петербургскаго Комитета иностранной цензуры, стоитъ казнѣ 35.320 рублей, т. е. нѣсколько даже менѣе расхода на Петербургскій Комитетъ иностранной цензуры. Огромныя числа просмотрѣнныхъ книгъ, показываемыя въ отчетахъ иностранной цензуры, отнюдь не означаютъ, что всѣ эти книги были дѣйствительно прочитаны цензорами. Процедура разсмотрѣнія заграничныхъ изданій такая. Представляемыя изъ таможенъ въ комитеты иностранной цензуры книжныя укладки разбираются приказчиками книгопродавцевъ въ присутствіи старшаго цензора. Сей послѣдній, руководствуясь своею опытностію, тутъ же распредѣляетъ книги на три части: подлежащія дозволенію, подлежащія запрещенію и неизвѣстныя, т. е. требующія разсмотрѣнія. Къ первымъ двумъ категоріямъ старшій цензоръ относитъ не только тѣ книги, которыя были уже разсмотрѣны прежде которымъ либо изъ комитетовъ или отдѣльныхъ цензоровъ, но и тѣ, которыя, по своимъ заглавіямъ или по именамъ авторовъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онѣ могутъ быть дозволены, или наоборотъ — что онѣ должны быть запрещены. Затѣмъ книги, отнесенныя къ числу неизвѣстныхъ, отдаются для чтенія

младшимъ цензорамъ и помощникамъ цензоровъ, а въ провинціальныхъ комитетахъ читаются также и старшимъ цензоромъ. Но это чтеніе далеко не такое, какъ чтеніе русскихъ сочиненій цензорами внутренней цензуры. Эти послѣдніе должны прочитывать каждую безцензурную книгу вполнѣ (кромѣ, конечно, учебниковъ, книгъ техническихъ, справочныхъ, строго ученыхъ и т. п.), а въ книгахъ, подвергаемыхъ предварительной цензурѣ, вычитывать внимательно почти каждую строчку; тогда какъ иностранныя книги просматриваются лишь бѣгло, для опредѣленія общаго ихъ хатактера, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ дозволяются вполнѣ, и только немногія изъ нихъ запрещаются или дозволяются съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Въ газетахъ и журналахъ исключенія дѣлаются чаще, и эти изданія читаются болѣе внимательно. Чтобы судить о всей непроизводительности труда иностранной цензуры, достаточно знать, что, напримѣръ, въ 1868 г. ею разсмотрѣно было во всей Имперіи 3.472 сочиненія (кромѣ повременныхъ изданій) и изъ этого числа подверглось запрещенію только 127 сочиненій (менѣе 4°/₀), а въ 109 сочиненіяхъ (около 3°/₀) исключены нѣкоторыя мѣста.

Цензора иностранной цензуры дѣйствуютъ рѣшительно безъ всякаго руководства и контроля, по преданіямъ цензурнаго устава 1828 г. или по собственному вдохновенію. Обязанные читать каждую неизвѣстную книгу, хотя бы она была выписана всего въ одномъ экземплярѣ въ теченіе цѣлаго года или была напечатана на языкѣ, котораго никто изъ русскихъ не знаетъ (испанскомъ, чешскомъ, италіанскомъ и пр.), они постоянно возбуждаютъ ропотъ книгопродавцевъ и публики на долгое задержаніе книгъ и на придирчивость ихъ цензированія, которое нерѣдко превосходитъ своею строгостію даже требованія нынѣшней внутренней цензуры.

Въ видахъ государственной экономіи и для избавленія цензоровъ иностранной цензуры отъ той части ихъ труда, которая никому не приноситъ никакой пользы, а также и для устраненія ненужныхъ стѣсненій для публики и книгопродавцевъ, слѣдовало бы:

1) Подвергать цензурѣ заграничныя книги и повременныя изданія только на тѣхъ языкахъ, на которыхъ говорятъ инородцы, входящіе въ составъ Русскаго государства, т. е. польскомъ, нѣмецкомъ, литовско-жмудскомъ (если со временемъ будетъ дозволенъ ввозъ въ Россію изданій на семъ послѣднемъ языкѣ), армянскомъ, татарскомъ, еврейскомъ и т. п., и кромѣ того, на языкѣ французскомъ, какъ весьма распространенномъ въ нашемъ обществѣ. На англійскамъ языкѣ было бы вполнѣ достаточно подвергнуть цензурѣ одни только періодическія изданія, которыя

съ нѣкотораго времени довольно у насъ распространены въ богатомъ классѣ. Надобно замѣтить, что иностранныя изданія на языкахъ армянскомъ, татарскомъ, еврейскомъ, литовско-жмудскомъ и т. п. комитеты иностранной цензуры не разсматриваютъ сами, а отсылаютъ въ комитеты внутренней цензуры или въ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

2) Упростить механизмъ досмотра книжныхъ укладокъ, что вполнѣ возможно.

3) Указать опредѣлительнѣе тѣ роды сочиненій на языкахъ, подлежащихъ цензурѣ, которые не должны быть допускаемы въ Россіи, и тѣ книги, которыя по своему обширному объему, спеціальному содержанію, давнему времени изданія, или, наконецъ, по ничтожному числу выписываемыхъ экземпляровъ, могутъ быть выдаваемы безъ цензурнаго разсмотрѣнія.

При сказанномъ сокращеніи труда иностранной цензуры можно съ увѣренностію сказать, что на ея содержаніе будетъ достаточна половина той суммы, которая теперь на нее расходуется, т. е. вмѣсто 67.892 рублей будетъ достаточно приблизительно 34.000 рублей.

Надобно не забывать, что всѣ иностранные журналы и газеты, выписываемые черезъ почтамтъ, разсматриваются почтовою цензурой, которую равнымъ образомъ слѣдовало бы ограничить разсмотрѣніемъ только тѣхъ изданій, которыя будутъ подлежать разсмотрѣнію иностранной цензуры. Но нѣтъ никакого разумнаго основанія отдѣлять почтовую цензуру отъ общей иностранной и дѣлать одно и то же дѣло двумя различными руками и по различнымъ правиламъ, ибо весьма часто иностранные журналы, которые можно выписывать чрезъ почтамтъ, въ видахъ экономіи получаются у насъ болѣе продолжительнымъ, но и болѣе дешевымъ путемъ — черезъ книгопродавцевъ и, слѣдовательно, черезъ таможню, и поступаютъ на разсмотрѣніе иностранной цензуры. Отъ сокращенія числа изданій, разсматриваемыхъ почтовою цензурой, и отъ присоединенія почтовыхъ цензоровъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, къ иностранной цензурѣ послѣдуетъ также значительное сбереженіе въ расходахъ казны на цензурную часть. Тѣ лица изъ числа почтовыхъ цензоровъ, которыя кромѣ цензуры исполняютъ и другія обязанности (старшіе цензора въ Петербургѣ и Москвѣ), могли бы быть оставлены при почтамтахъ съ ихъ теперешними окладами.

Вопросъ о сокращеніи дѣятельности и состава иностранной цензуры возбуждался въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати еще въ 1868 году, и для облегченія его была составлена тогда небольшая коммиссія подъ предсѣдательствомъ Начальника Главнаго Управленія Тайнаго Совѣтника Похвиснева. Хотя однимъ

изъ членовъ этой коммиссіи и были выработаны главныя основанія для осуществленія сказанной цѣли, тѣмъ не менѣе коммиссія эта не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій, частью и потому, что засѣдавшіе въ ней представители иностранной цензуры не сочувствовали сокращенію ея состава.

Сбереженія, которыя произойдутъ отъ сказанныхъ преобразованій въ иностранной цензурѣ, не только пополнятъ тѣ 4.860 рублей, о которыхъ сказано выше, но могли бы, съ огромною пользою для государства, быть употреблены и для устройства надзора за латино-польскою пропагандою, неустанно работающею въ Сѣверо-Западномъ краѣ путемъ распространенія брошюръ, тайно провозимыхъ изъ заграницы или тайно печатаемыхъ въ этомъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ, путемъ церковной проповѣди, тайныхъ школъ и иными средствами, о чемъ подробно сказано въ упомянутой выше „Исторической Запискѣ“, сообщенной Министру Внутреннихъ Дѣлъ Графу Толстому Генералъ-Лейтенантомъ Никитинымъ.

Ѳедоръ Еленевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе III

I. О злоупотребленіяхъ литературы и о дѣйствіяхъ цензурнаго вѣдомства съ конца пятидесятыхъ годовъ по настоящее время.

Первыя льготи, данныя литературѣ, и ихъ послѣдствія . 1

Несостоятельность предварительной цензуры при новомъ порядкѣ вещей 5

Постановленіе о цензурѣ 1865 года 6

Непримѣнимость судебнаго процесса къ дѣламъ печати . 7

Безсиліе западныхъ правительствъ для борьбы съ анархическою печатью и выгодное въ этомъ отношеніи положеніе нашего правительства 9

Какъ воспользовалась злонамѣренная часть литературы постановленіями 1865 года 11

Примѣръ того, какъ относились иногда судебныя власти къ злоупотребленіямъ литературы 12

Постепенное усиленіе административной власти въ дѣлахъ печати взамѣнъ судебныхъ преслѣдованій 12

Усиленіе административной власти въ дѣлахъ печати не принесло ожидавшейся отъ этого пользы. Причины этого факта. 13

Наиболѣе распространенныя у насъ (въ 1889 г.) повременныя изданія, ихъ издатели и вдохновители и направленіе, въ нихъ проводимое 16

Провинціальныя повременныя изданія. 21

Наиболѣе распространенныя книги. 25

Право издавать газеты и журналы должно быть правомъ личнымъ и условнымъ 26

Возраженія противъ предлагаемой здѣсь мѣры 30

Несостоятельность предостереженій и доводы въ пользу ихъ отмѣны. 33

Объ отмѣнѣ залоговъ и установленіи процентнаго сбора съ повременныхъ изданій 35

Неудовлетворительность цензурнаго наблюденія за печатью. 36

Соединеніе въ однѣхъ рукахъ по нѣскольку изданій . . 45

Заключительныя соображенія 47

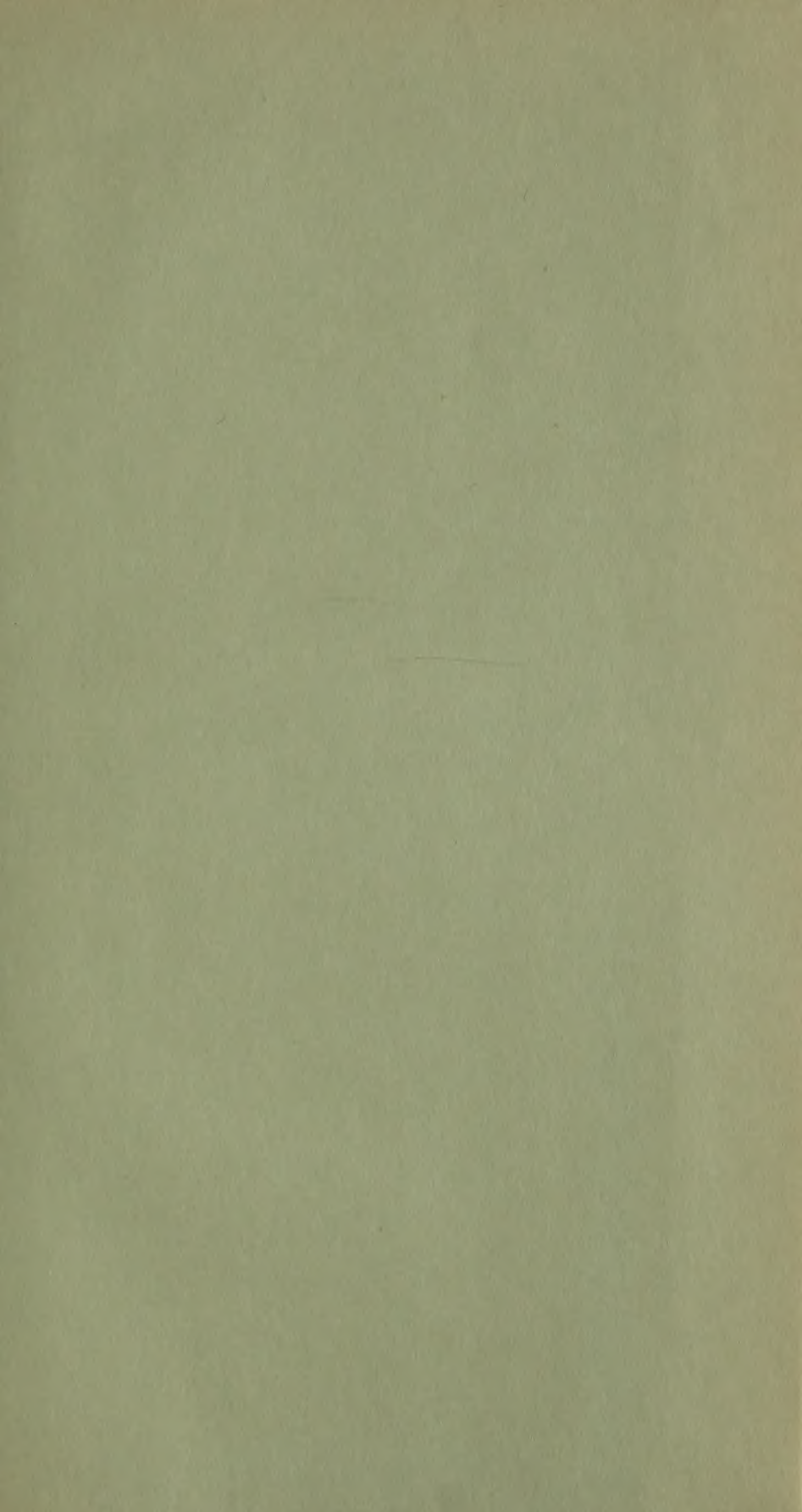
Проектъ необходимыхъ измѣненій въ дѣйствующихъ законахъ о печати 50

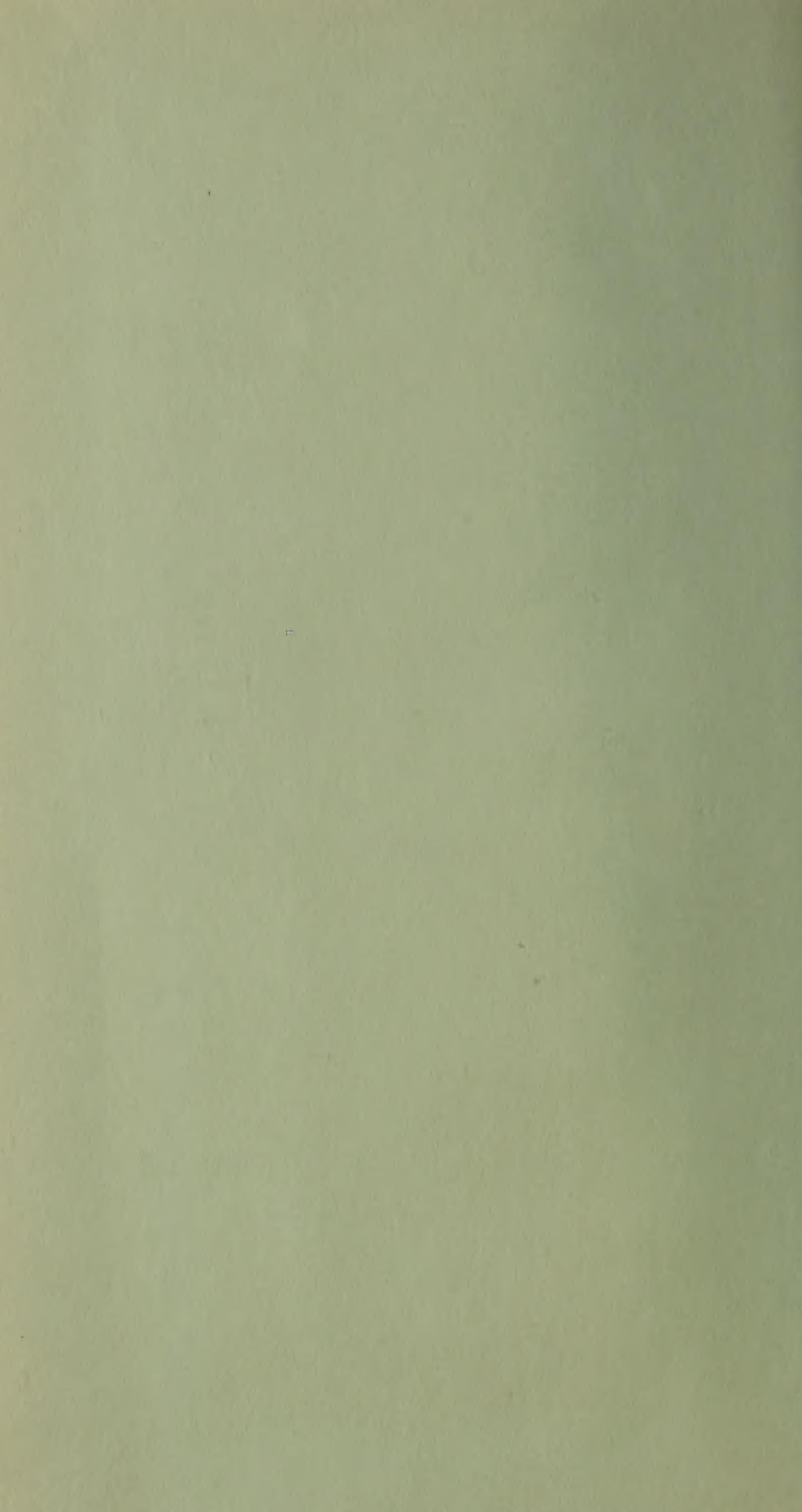
II. О необходимыхъ измѣненіяхъ въ уставѣ цензурнаго вѣдомства 53

Duke University Libraries
D045857770